

Ответственный редактор
К. ЗВЕЛЕБИЛ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тирукурал — одна из наиболее популярных книг Южной Индии. Автором ее считается перия Тируваллувар, почитаемый тамильским народом как истинный мудрец. История Южной Индии уходит в глубь тысячелетий и представляет особый интерес для исследователя культуры Юго-Восточной Азии. Южная Индия заселена народами, говорящими на дравидийских языках, родство которых с другими языковыми семьями до сих пор не удалось доказать. Главные из этих языков — тамильский, малайлам, каннада, телугу.

Общее число тамилгов превышает тридцать миллионов; большинство из них (около двадцати шести миллионов) живет в Южной Индии в штате Тамилнад. Около трех миллионов тамилгов заселяет северную часть Цейлона. Многие тысячи тамилгов переселились в другие страны и стали постоянными жителями Бирмы и Малайи, Индонезии, Южной Африки и Мадагаскара.

Тамильская литература является наиболее древней и насчитывает два тысячелетия непрерывного развития. В начале нашей эры в Южной Индии существовали тамильские санги, или своего рода литературные академии, куда входили многие соотечественники поэтов. Согласно традиции, было три санги, первая из которых процветала при покровительстве и участии богов и мифических мудрецов в древней Мадуре (Madurai). Вторая санга находилась в Капалпуре (Kāṭṭaripattinam). Если первая санга просуществовала, согласно преданию, 4400 лет и насчитывала 549 членов академии при участии 4499 авторов, то вторая существовала 3700 лет, включала 49 членов и оказывала покровительство 3700 поэтам. Третья санга процветала в первых веках нашей эры в северной Мадуре, и ее существование можно рассматривать как исторический факт. Большинство преданий, дошедших до нас через десятилетия поколений, имеет явно фантастический характер и может быть отнесено к области мифологии; внимательно исследователю приходится всякий относящийся к санге факт, сколь бы правдоподобно он ни

ТИРУКУРАЛ
Книга о добродетели, о политике и о любви

Утверждено к печати Редакционным советом
востокосведной литературы при Отделении исторических наук АН СССР

Редакторы издательства И. Л. Елещи и А. М. Пятигорский
Художник Л. С. Эрман
Художественный редактор И. Р. Бескин
Технический редактор С. В. Досткова
Корректоры И. И. Исаева и А. С. Киялина

Сдано в набор 21/IV 1963 г. Подписано к печати 14/VIII 1963 г.
Формат 84×108/32. Печ. л. 4,875. Усл. п. л. 8. Уч.-изд. л. 7,9.
Тираж 11000 экз. Зак. 719. Цена 45 коп.

Издательство восточной литературы, Москва, Центр, Армянский пер., 2
Типография Издательства восточной литературы, Москва, К-45, Б. Касельный пер., 4

выглядел, скрупулезно анализировать. Можно предположить, что многие произведения древнейшего периода тамильской литературы оказались затерянными. До нас дошли от тех времен классическая грамматика *Толькапийам* (Tolkāṭṭiyam), которую можно почитать в один ряд с классической санскритской грамматикой Панини, «Восемь антологий» (Eṭṭuttokai) и «Десять поэм» (Paṭiṇṇarāṭṭi), лиризм и задушевность которых не могут оставить равнодушными и современных читателей поэзии. «Лаконичность выражения, тучина содержания, чистота формы, цельность мысли, а также углубленность вкуса наводят на благоприятное сравнение с поэзией древних греков,— писал известный индийский тамилвед Вайяпури Пиллай.— Есть искусство, сдержанность и простое, но искусственно-сти почти нет и следа»¹. До нас дошел цикл «Восемнадцать малых произведений» (Paṭiṇṇṅiṅkaṭṭai) и пять эпических поэм, лучшими из которых считаются «Сказание о браслете» (Cīlarratikāgam) и *Манимехалей* (Maṇimekhalai). Особое место в средневековой тамильской литературе отведено шиваитской и вишнуитской гимновой литературе. Среди поэтов-шиваитов должны быть названы Маникашар (Maṇikkavāṣaṅgar), оставивший «Священные иречения» (Tiruvāṣaṅgam), равно как Ангар, Самбандар и Сундарар, авторы семи первых книг шиваитской антологии *Тирумурай* (Tirumurai). Из вишнуитских произведений особенно выделяется «Священное слово» (Tirimōṭi) Периялвара. Спустя несколько столетий Камбан написал *Рамаяну*, тысячелетие которой отмечалось в 1958 г. во многих странах мира.

Восемнадцатое столетие вошло в историю тамильской литературы как век Таяманавара, оставившего потомству 1453 строфы, однако высоко ценимые как за свою поэтичность, так и за глубину философского содержания. В том же веке и Вирамамунни (Vīraṁamūṇi) написал превосходную поэму *Тембавари* (Tembavāri). Любопытно заметить, что под псевдонимом Вирамамунни, считалось классиком тамильской поэзии, скрывается крупнейший знаток тамильского языка, итальянский ученый Констанцио Бесхи, проживший в Южной Индии 36 лет.

Среди особенностей тамильской литературы можно отметить широкую популярность светской литературы наряду с философско-религиозной; большую степень независимости от санскритской литературы в сравнении с другими литературами Южной Индии, использование собственных тем, употребление специфически дравидийской лексики и метрики в поэзии; высокую степень развития поэтического языка и пренебрежение в общем к прозе; некоторую

консервативность поэтического литературного языка *сентимиль*, своей грамматикой и лексикой существенно отличающегося от живого разговорного языка *кодунтамиль*. Исследователи подчеркивают живость поэтического воображения, чувство юмора и глубокий здравый смысл, присущие тамилам.

Наше краткое описание можно закончить, сказав, что во всей древней тамильской литературе крупнейшим по значению, хотя отнюдь не по объему, произведением безусловно является *Курал* Тируваллувара. Выдающееся философское и поэтическое произведение, *Курал* одновременно является незаменимым источником для изучения культуры и общественного устройства Южной Индии в первом тысячелетии нашей эры².

Представляется весьма важным установить хронологические границы *Курала*. Запутанность и неясность датировки в такой же степени характеризуют тамильскую литературу, как и санскритскую. По словам Макса Мюллера, исследователь сталкивается с тем, что история, в принятом значении этого слова, почти неизвестна в индийской литературе³. Мы уже приводили фантастические сведения о первых двух сангах. *Курал* также датируется различно многими его исследователями. Некоторые тамильские авторы и сейчас еще утверждают, что *Курал* был создан в конце второго тысячелетия до нашей эры, приблизительно в 1250 г. В пользу подобных утверждений нельзя привести, однако, ни одного сколько-нибудь убедительного довода. В тамилведении создавалось такое парадоксальное положение, при котором чуть ли не каждый исследователь устанавливает в области древней литературы свои собственные хронологические границы. Бросается в глаза типичный недостаток таких построений: авторы ссылаются на безусловно доказанные, по их мнению, выводы о времени написания отдельных произведений и устанавливают для них заведомо «удруженную» датировку. Так и в данном случае, за сложными рассуждениями настойчиво проявляется тенденция отнестись к времени создания *Курала* как можно далее в глубь веков. Сто лет назад Карл Грауль писал: «Учитывая состояние тамильской филологии, представляется весьма затруднительным попытаться точно определить время, когда жил Тируваллувар; мы можем лишь сказать, что, по всей вероятности, его время лежит в широких пределах между 200 г. до н. э. и

² См. Nilakanta Sastri, *A history*, pp. 349—350; idem, *The Cholas*, pp. 66—70; idem, *Studies*, p. 76.

³ См. *Sacred books of the East*, ed. by M. Müller, Oxford, 1908, vol. VIII; *Introduction to Bhagavadgita*, p. 1; K. K. Pillay, *Historical ideas*, p. 66.

¹ Vaiyapuri Pillai, *A history*, pp. 36—37.

800 г. н. э.»⁴ С тех пор в этом направлении было проведено много исследований, причем большинство индийских ученых стремятся доказать, что Тируваллувар жил во II—I вв. до н. э., в то время как западноевропейские ученые и лишь немногие тамильские (например, Ваяпури Пиллай) склонны рассматривать V—VIII вв. н. э. как наиболее вероятный период написания *Курала*. Рамачандра Дикшитар относит *Курал* ко II в. до н. э.⁵, А. Чакраварти — ко второй половине I в. до н. э.⁶, В. В. Субраманья Айяр делает предположение относительно I или II вв. н. э.⁷, Субраманья Шастри относит *Курал* к III в. н. э.⁸, Дж. Поуп — к VIII—X вв. н. э., В. Пиллай — к началу VII в., а П. Мейе и К. Звелебил — к V в. н. э.

Столь значительные расхождения в датировке проницают и из того факта, что *Курал* не содержит ни единого исторического или хронологического намска. Исследователи единодушно считают, что *Курал* был написан позже грамматического труда *Толькаппиям*, поскольку в последнем при обилии выдержек нет ни единой ссылки на сразу же завоевавший признание *Курал*, но раньше двух великих поэм-близнецов *Шиллапидикарам* и *Манимехалей*, которые содержат по крайней мере три заимствования из рассматриваемого нами сочинения.

В каком веке был написан *Толькаппиям*? П. Т. Сринивас Айягар в своей «Истории тамиллов» приводит ряд доводов в пользу того, что этот грамматический труд был написан в I в. н. э.⁹. К. А. Нилаканта Шастри датирует *Толькаппиям* III—IV вв. н. э.¹⁰... Свою систему аргументов приводит Ваяпури Пиллай, который устанавливает в данной грамматике неоспоримые следы влияния Панини, Патанджали, Каутилы, Ватсьяны и на основании целого ряда других данных делает вывод, на наш взгляд оптимальный, что упомянутая грамматика могла быть написана лишь на рубеже IV—V вв. н. э.¹¹

Шиллапидикарам содержит два места, которые можно рассматривать как заимствования из *Курала* (ср. Шил. 23: *вепьа* — Курр. 55; Шил. 21:3,4 — Курр. 319). И если здесь еще могут оставаться сомнения относительно заимствований, то написанная почти

⁴ См. Graul, *Kural*, p. VII.

⁵ См. Ramachandra Dikshitar, *Studies*, p. 136, см. также Пятгорский, стр. 188.

⁶ См. А. Chakravarti, p. LXVIII.

⁷ См. V. V. Subrahmanya Aiyar, p. XXIII.

⁸ См. Пятгорский, стр. 188.

⁹ См. Srinivas Iyengar, *History*, p. 216.

¹⁰ См. Nilakanta Sastri, *A history*, p. 111.

¹¹ См. Vaiyapuri Pillai, *A history*, p. 65.

в одно время с упоминаемым произведением поэма *Манимехалей* содержит выдержку из *Курала*, в отношении которой уже не остается никаких сомнений (см. Мани. 22: 59—61). Перевод этого стиха следующий: «Постигни вместе с темное слово поэга, чуждого лжи (роууи рулавап роцигайтгггг) и скажавшего: «Стобит восставшей ото сна и склоняющейся ниц не перед богом, а мужем сказать: „Да прольется дождь“, и дождь прольется».

Здесь мы не будем говорить о прямом заимствовании известной двуступицы из *Курала* (55), а укажем лишь на то, что эпитет роууи рулавап (чуждый лжи поэт) закреплен за автором *Курала* и вошел в обиход, вероятно, еще до написания *Манимехалей*.¹² С. Кришнасвами Айягар и Р. Дикшитар относят эту поэму ко II в. н. э.¹³, П. Т. Сринивас Айягар и Субраманья Шастри относят поэму к V в. н. э.¹⁴ В. Пиллай датирует поэму VII—VIII вв. н. э.

Явные заимствования из *Курала* представляют собой некоторые места из антологии стихов *Пуранануру*, которая относится к II в. Сринивас Айягаром ко второй половине первого тысячелетия и которую сдержанный в своих суждениях Г. А. Попли считает написанной не позднее VI в. н. э.¹⁵ Позже мы постараемся проследить конкретно факты влияния *Арткашастры* Каутилы на интересующий нас памятник, сейчас же лишь укажем на мнение В. И. Кальянова, считающего первые века нашей эры вероятной датой создания *Арткашастры*.¹⁶ Все даты носят в конечном счете предположительный характер, и датировка *Курала* продолжает зависеть от точности датировки многих других произведений древней тамильской литературы. Таким образом, поскольку *Тирукурал* был написан позднее *Арткашастры* и *Толькаппиям*, но раньше *Шиллапидикарам* и *Манимехалей*, о датировке которых речь шла выше, мы можем сделать приближающийся нас к истине вывод, что *Курал* был написан в IV—V вв. н. э. Здесь уместно привести слова Г. А. Попли: «...я склонен отнести *Курал* не позднее чем к IV в. н. э., судя по его стилю и частоте цитирования в произведениях, принадлежащих к шестому столетию. Тем не менее, вероятно, это один из тех вопросов, которые никогда не будут разрешены удовлетворительно, и, к счастью, ценность этой работы вовсе не зависит от того, была ли она создана во втором или шестом веках.

¹² См. Popley, p. 8.

¹³ S. Krishnaswami Aiyangar, *Ancient India*, London, 1911, pp. 373—384; Ramachandra Dikshitar, *Studies*, pp. 75—76.

¹⁴ См. Srinivas Iyengar, *History*, pp. 602—603; Subrahmanya Sastri, *Historical Tamil reader*, Annamalainagar, 1945, p. X.

¹⁵ См. Popley, p. 7.

¹⁶ «Proceedings of the 23d International congress of orientologists», London, 1955, pp. 223—225.

Курам будет всегда оставаться одним из литературных сокровищ тамильского народа»¹⁷.

Полпытаемся теперь нарисовать картину общественной жизни Южной Индии во времена Тируваллувара, так как без этого многие суждения и мысли *Курама* останутся неясными.

Мы уже упоминали, что до нас дошла от того времени весьма обширная поэтическая литература, дающая незаменимые данные для воссоздания картины той эпохи.

В первых веках нашей эры Южная Индия была разделена на множество государств, наиболее значительными из которых являлись Чола, Пандья и Чера (Керала). Границы Чолы приблизительно совпадали с северной частью нынешнего штата Тамилнад. Пандья занимала самую южную часть полуострова, будучи отделена от государства Чера, расположенного на территории нынешней Кералы, Кардамоновыми горами. Если Чола была наиболее воинственным государством (ее правитель во II в. до н. э. покорил Цейлон), то Пандья славилась своими широкими торговыми связями и своими учеными и мудрецами. Здесь, в Мадуре, согласно преданию, находилась третья тамильская санга, и именно мадурский диалект лег в основу древнего классического языка *сентамиль*.

Благодаря покровительству правителей Пандья Мадурра играла в Южной Индии такую же выдающуюся роль в развитии культуры, как знаменитые Таксила или Паталипутра на севере Индии. Мадурра была богатейшим городом с величественными храмами; и много столетий спустя, в 1310 г., когда Южная Индия подверглась нашествию Малика Наиба, из Мадурры в Дели были вывезены несметные сокровища: бриллианты, изумруд, жемчуг и золото¹⁸.

Неопровержимые свидетельства древних авторов убеждают нас в том, что в Южной Индии были знакомы с греческой и римской культурой¹⁹. Греки принимались на службу правителями Южной Индии, из них состояла дворцовая стража, на них лежали обязанности по поддержанию порядка в Мадуре²⁰.

Полобно двум другим государствам Южной Индии, Чола, родина Тируваллувара, представляла собой наследственную монархию. Власть правителя, возможно, была несколько ограничена царским советом (*ачаи*). Цари Чолы перестанно вели междоусобные войны, разоряя соседние земли и обрекая их население на бедствия и страдания. Однако нередко правители вынуждены были придерживаться законов и обычаев, действовавших на протяжении

¹⁷ См. Popley, p. 9.

¹⁸ Powell-Price, *A history*, p. 143.

¹⁹ Majumdar, pp. 142—143.

²⁰ Nilakanta Sastri, *A history*, p. 126.

многих веков. Правитель должен был поддерживать в своих подданных убеждения, что он, их раджа, является воплощением справедливости и добродетели. Многие произведения периода тамильских санг предписывают властителю обучать свои страсти и прихоти. Правитель стремился укрепить за собой легкую славу покровителя веры и изящных искусств. Высоко ценилось в повелителе непосредственное общение с подданными, и дошедшая до нас литература содержит в себе свидетельства того, что правители устранили ежедневный прием (*айачаи*), на котором выслушивали жалобы своих подданных и выносили свое суждение²¹.

На основании исторических фактов можно утверждать, что многое в быту и культуре народов Южной Индии носило специфически местный характер. Документы подтверждают, что система каст и варн, существовавшая в этот период, не была развита и столь детально разработана, как в Северной Индии. Непрестанным тяжелым трудом добывали себе пропитание земледельцы (*веййагаи*) и охотники (*сунгаи*), испытывая всевозможные горести со стороны воинственных *мараваров*²², промышлявших грабежом, особенно в северной части теперешнего Тамилнада. Земля славилась плодородием, море — обильным рыбой. В Чоле, орошаемой водами Кавери, согласно преданию, клочок земли, на котором мог улечься слон, приносил урожай, достаточный для того, чтобы прокормить семью человек, и один *вели*²³ земли давал около тысячи *каламов*²⁴ риса. Земледельцы должны были вносить немалый налог в пользу правителя, насколько можно судить из обращений поэтов к властелину с просьбой об умеренном взимании налогов.

Мы располагаем многочисленными данными, почерпнутыми из римских историков и тамильских поэтических памятников, о том, что торговля в Южной Индии, как внутренняя, так и внешняя, приобрела широкий размах. О том же свидетельствуют и результаты археологических раскопок. Римляне и греки, называемые в древней тамильской литературе *явана*, входили в порты Южной Индии на кораблях, трюмы которых были полны золотом, и возвращались груженные перцем, индийскими пряностями, жемчугом, бриллиантами и сапфирами. В Тамилнаде в сравнительно недавнее время обнаружено множество золотых и серебряных римских монет, что в сочетании со многими другими фактами убеждает, в какой степени южноиндийские торговцы опустошали казну Римской империи. В портах собирались выходы из самых отдаленных стран.

²¹ Ibid., pp. 126—127.

²² *Маравары* — каста воинов в Чоле.

²³ *Вели* — мера земли, равная примерно 2,6 га.

²⁴ *Калам* — мера сыпучих тел, равная примерно 10 куб. дм.

Есть сведения о том, что правитель Пандья в 20 г. н. э. направил посольство римскому императору Августу.²⁵ После смерти Нерона (68 г. н. э.) торговля с Рамом и Грецией затихает, но в IV в. н. э., с возвышением Константинополя, она вновь оживает, хотя и не достигает прежних масштабов.

У каждого правителя была своя армия, состоявшая из колесниц, боевых слонов, кавалерии и пеших воинов. Войнская доблесть ценилась особенно высоко, в честь павших на поле битвы воздвигались каменные плиты, на которых наносились надписи, сообщавшие об именах и подвигах павших. Если вернуть поэм тех времен, смерть на поле сражения была отрадна не только самому воину, но даже и его матери, ибо славная гибель даровала тотчас же счастье на небесах. Смерть в постели покрывала война несмываемым позором, и в семье военачальника тело родича, умершего не на поле битвы, разрубалось мечом, останки возлагались на траву *дарбха*, и над ним читались *мантры*,²⁶ дабы обеспечить ему место в *вираварге* («рай воинов»). По-видимому, немногим воинам представлялась печальная возможность умереть у себя дома, если проследить историю бесчисленных войн, великих государств Южной Индии. *Курал* посвящает воинской доблести специальные главы, которые могут вызвать недоумение у читателя, незнакомого с подобными фактами.

В Южной Индии, в частности в Чоле, существовали всевозможные обычаи, как специфически местные, так и известные по санскритской литературе, например *салапади* («семь шагов»), предписывающий хозяину провожать уходящего гостя на расстояние «семи шагов» от дома *ст*. Убийство коровы, умерщвление зародыша и покушение на жизнь брахмана рассматривались как самые злейшие преступления; впрочем, гораздо большим прегрешением, согласно существовавшему кодексу, считалась неблагодарность. Унизительному наказанию подвергались женщины за недостойное поведение: их заставляли нести на голове семь кирпичей вокруг арены (*араки*)²⁷. Здесь весьма серьезно относились ко всякого рода приметам, предзнаменованиям и сообщениям астрологов. Предсказатели будущего успешно занимались своим ремеслом, в стране были широко распространены суеверия: женщина с распущенными волосами предсказала недоброе, дети носили амулеты для отращения напастей. Банановые деревья считались обителью богов, а замгения — следствием действий демонов, пожирающих

²⁵ См. Powell-Price, *A history*, p. 69; Majumdar, p. 116.

²⁶ *Мантра* — заклинание, произносимое вслух или про себя.

²⁷ См. Nilakanta Sastri, *The Cholas*, p. 90.

²⁸ *Ibid.*, p. 91.

солнце и луну. Верили, что карканье ворон возвещает о приходе гостей и особенно о возвращении после долгой разлуки мужа; ворон кормили перед дворами и домами простых людей²⁹. Обычай *сати* (самосожжение женщины вместе с умершим мужем) довольно часто упоминается в поэзии, но, как убеждают нас некоторые факты, например речь пандийской царицы Пулды³⁰, было принято убеждать жен, лишившихся мужей, не совершать *сати*. Но предания о жене ценилась весьма высоко, и верная жена по смерти мужа должна была войти в пылающий костер, как если бы она вошла в прохладную воду бассейна, чтобы совершить обряд омовения³¹. *Курал* не содержит ни одного упоминания об этом жестоком обычае. *Сати* в те времена было, вероятно, больше исключением, нежели правилом, и мы не знаем ни одного случая насильственного принуждения к этому обряду.

В IV—VI вв. в Южной Индии одновременно существовало множество различных религий. Господствующее влияние приобрели буддизм и джайнизм. Несколько позднее большую роль стали играть вишнуизм и шиванзм³². Влияние ведического культа в этот период заметно уменьшилось, и брахманам, приверженцам вед, приходилось выдерживать бурный натиск со стороны последователей четырех вышеупомянутых религиозных направлений.

К середине первого тысячелетия влияние буддизма упало, и значительно усилилось влияние джайнизма, печатъ догматов которого лежит на многих произведениях позднего периода. Местные тамильские религии в большой степени были связаны с ритуальными танцами и песнем в сопровождении музыкальных инструментов. Буддийские вихары и джайнские храмы возвышались рядом с храмами и богинями. Имеются основания утверждать, что в том самом Майлапуре, где жил Тируваллувар, была христианская община. До сих пор здесь находится храм апостола Фомы, который, согласно традиции, прибыл в Индию, обосновался в Майлапуре, где на месте его погребения позднее был выстроен храм³³.

²⁹ См. Nilakanta Sastri, *A history*, pp. 133—134; *idem*, *The Cholas*, pp. 90—91.

³⁰ См. Nilakanta Sastri, *A history*, p. 121; The S. Krishnaswami Aiyangar, *Self-immolation, which is not sati*, IA, 35 (1906), p. 129.

³¹ См. Nilakanta Sastri, *The Cholas*, pp. 91—92.

³² См. «The Age of Imperial Unity», Bombay, 1953, pp. 360—361.

³³ См. Popley, p. 14; R. Collins, *Manicheans on the Malabar coast*, — IA, 1875, pp. 151—153; A. C. Burnell, *Earlier christian missions in South India*, — IA, 1875, pp. 181—183; T. K. Joseph, *A christian dynasty in Malabar*, — IA, 1923, p. 157; T. K. Joseph, *Was St. Thomas in South India?*, — IA, 1929, p. 113.

Если оставить в стороне христианство, для всех вышеуказанных религиозных направлений была характерна вера в рождение души, карму, как закон воздаяния за грехи в прошлых рожденьях, ахимсу (ненасилие), неизбежность страданий, порождаемых земным существованием и т. д. Характерной чертой религиозной жизни того времени является дух терпимости. Представители правящих династий, в частности Гултов, будучи приверженцами какой-либо одной религии, оказывали покровительство всем другим и назначали своих сановников из различных религиозных сект³⁴. В то же время имеются и данные о том, что в области религии порою велась острая борьба. По преданию, Махендра Варман I (600—630 гг. н. э.), правитель династии Паллавов, сначала, будучи джайном, преследовал сторонников других сект, но, обратившись в шивизм поэтом Аппаром, с тем же пылом направил свою энергию против своих бывших единоверцев.

Очевидно, что такой глубокой и гуманной мыслитель, каким представляется нам автор *Курала*, являясь свидетелем острого соперничества приверженцев многочисленных религий и будучи, по-видимому, знаком и с идеями христианства, поднимается над несущественными, по его мнению, различиями и создает свою собственную концепцию веры, устройства семейной жизни и государства, предварительно выбрав все яркое, с его точки зрения, разумное и здравое в учении своих предшественников³⁵.

Если сделанные выше предположения о времени жизни Тируваллувары правильны, то он должен был жить в эпоху расцвета трех южноиндийских государств, когда многие прибрежные города этих государств превратились в оживленные порты, торговавшие с Римом и Карфагеном, когда Южная Индия, и в частности Чола, оказались местом скрещения оспаривающих или дополняющих друг друга философско-религиозных влияний. Мы не знаем об авторе *Тирукурала* ничего достоверного; нынешние историки Южной Индии не располагают никакими документально подтверждаемыми фактами из его жизни, и исследователь, пытающийся воссоздать облик Тируваллувары, становится новольным пленником бесчисленных легенд и преданий³⁶.

По традиции считается, что Тируваллувар был ткачом в Майлалуре и принадлежал к касте *валлуваров* (это парии, первоначальным занятием которых было, сидя на слоне, возвещать об

указах и повелениях раджи ударами в барабан)³⁷. Тируваллувар означает «святой *валлувар*». Он был, согласно преданию, одним из семи детей брахмана Бхагавана, рожденных в незаконном союзе с Ади, происходившей из низшей касты. Все семеро детей, утверждает предание, обладали поэтическим даром, и среди них были известный поэт Капилар и поэтесса Аввайяр. В хвалебных стихах, посвященных Тируваллувару, содержится упоминание о том, что богатый торговец-мореход Элаласингам³⁸ воспитал будущего авгора *Курала* и оказывал ему покровительство. Этот Элаласингам был якобы в шестом колене потомком правителя Чолы, который, согласно цейлонской хронике, вел успешную войну против Цейлона приблизительно в 2960 г. эры Кали³⁹. Таким образом, Элаласингам должен был жить в I в. н. э.⁴⁰ Но здесь мы, очевидно, имеем дело с малообоснованным отождествлением Элаласингама, друга Тируваллувары, с Эларой цейлонских хроник⁴¹. Храмы в честь Тируваллувары и его жены на протяжении многих веков украшают Майлапур, что в известной степени может служить косвенным подтверждением столь древней датировки поэты.

В двадцати милях южнее Майлапура находился Махабалипурам, крупнейший порт Чола в первых веках нашей эры. Дух всеобщности в *Курале* и отсутствие в нем малейшего намека на сектантскую замкнутость заставляют предполагать, что Тируваллувар, известный, согласно преданию, далеко за пределами Майлапура, имел большие возможности для бесед с людьми, прибывавшими из многих уголков земли и исповедовавшими разные религии.

Тируваллувар был женат на женщине *велла*; ее звали Васужи, и предание наделяет ее исключительной, высшей женственностью: ей были свойственны безоговорочное повиновение мужу и естественная простота — качества, особенно ценимые в индийской женщине в древности. Слава об их семейном счастье распространилась далеко за пределы их родного города, и потомство сохранило многочисленные предания, порождающие сомнения в их достоверности, но полные изыщества и свидетельствующие о глубокой любви последующих поколений ко всему, что связано с именем автора тамильской веды. Юношей он уже завоевал в народе славу ученого и святого, и богатый *велла* по имени Маргасагайян, живший в

³⁷ См. V. V. Subrahmanya Aiyar, p. XXIV; Дж. Поуп считает, что *валлувар* (*valluvar*) означает священнослужителя париев, см. Pope, *Notes*, p. 220.

³⁸ Элаласингам — букв. «Лев среди правителей».

³⁹ Эра Кали началась в 3101(2) г. до н. э.

⁴⁰ См. V. V. Subrahmanya Aiyar, p. XXIII.

⁴¹ См. Vayayur Pillai, *A. history*, p. 79.

³⁴ См. R. C. Majumdar, *Religion and philosophy*, — «The Classical Age», Bombay, 1954, p. 368.

³⁵ См. V. V. Subrahmanya Aiyar, pp. XLIII—XLIV.

³⁶ См. Ramachandra Dikshitar, pp. 127—128.

Каверипакаме, посчитал для себя честью выдать за него свою единственную дочь. Знатные люди искали дружбы с ним⁴². Рассказывают, что Тируваллувар испытал преданность своей будущей жены тем, что попросил ее сварить горсть пещу так, чтобы из него получился рис. Васухи не решилась ослушаться и сделала точно так, как ее просил будущий муж: боги помогли ей и превратили пещок в рис⁴³. Поэт убедился на этом примере, что она будет ему достойной женой. Рассказывают также, что один далеко живший от Майлапура мудрец, наслышавшись о семейном счастье поэта, решил навестить его, чтобы не только убедиться в правдивости молвы, но заодно и спросить у него совета, стоит ли жениться ему самому. Приняв гостя, Тируваллувар решил не отвечать прямо на этот вопрос, но сделать так, чтобы мудрец сам пришел к выводу после нескольких дней пребывания в его доме. Однажды утром они сели завтракать; обоим был подан остывший рис; в ту минуту, когда Васухи доставала воду из колодца тут же во дворе, муж позвал ее и сказал, что рис горяч, обжигает язык и его нельзя есть. Не проронив ни слова изумления, жена тотчас же выпустила из рук кувшин, хотя почти уже достала его из колодца, и, бросившись к тому месту, где сидел муж, начала осуждать рис. И тут свершилось чудо! От холодного риса, в то время как Васухи осуждала его, начал подниматься пар, а кувшин, который она выпустила из рук, чтобы поспешить исполнить желание мужа, немедленно застыл в воздухе в том же положении⁴⁴. На другой день, работая при ярком солнечном свете на ткацком станке, Тируваллувар уронил на пол челнок и попросил жену зажечь свечечник, чтобы отыскать упавший предмет. Васухи зажгла лампу и без малейшего намека на нелепость этой просьбы принесла ее мужу. И мудрец понял, что хотел сказать всем этим Тируваллувар: для ученых и ищущих истины семейная жизнь является самой лучшей, если они могут найти такую жену, как Васухи, в противном случае им лучше вести одинокую жизнь вплоть до самой смерти.

Васухи умерла раньше поэта; после ее смерти Тируваллувар порвал с земными узами и стал отшельником. На могиле жены с его уст сорвались слова:

О несная любовь моя супруга, сладкая, как яства,
Похорная любому слову, гревшая мне ноги к ночи.

⁴² См. Lazarus, p. 3.

⁴³ Pope, *Sacred Kural*, pp. X—XI.

⁴⁴ См. *Ibid.*, p. XI; K. Graul, *Der Kural Tiruvalluvar's Lebensgeschichte*, Leipzig, 1856, S. 194—195; V. V. Subrahmanya Aiyar, pp. XXX—XXXVI.

Ты позже всех ложилась, первой пробуждалась. О нежная, Покинула меня, и как теперь ко сну мой сомкнутся очи?!

Красноречиво предание о том, как Тируваллувар представил *Kural* на суд высокомерных пандитов Мадурской санги. Рассказывают, что Тируваллувар написал *Kural* по просьбе своих соотечественников, мечтавших о собственных, тамильских ведах, которые бы играли на Юге ту же роль, что санскритские веды в Северной Индии. Члены санги, главой которой соизволил быть не кто иной, как сам бог Шива, располагались на волшебном плоту, плававшем в бассейне знаменитого мадурского храма Золотой Лилии. Этот плот обладал способностью уменьшаться и увеличиваться в размерах. Когда члены санги холодно отвергли творение низкородящего *валлувара*, смиренный ткач из Майлапура испросил разрешение положить свою рукопись на край плота. И в ту же минуту волшебная доска настолько уменьшилась, что осталось место лишь для пачки пальмовых листьев, на которых был написан *Kural*, а гордые своей ученостью пандиты все до единого ожазались в воде бассейна⁴⁵. Убедившись на своем несчастье опыте в божественной природе *Тирукурала* и явном покровительстве Шивы, каждый из потерпевших мудрецов написал хвалебное четверостишие, которое все вместе составили *Тируваллувамалай* («Гирлянда Тируваллувара»). С тех пор творение простого *валлувара* было признано священным.

Нам кажется небезынтересным привести некоторые из стихов «Гирлянда». Саттанару, поэту тех времен, приписываются следующие слова:

Непостижимо трудно решить,
Что выше: санскрит или тамиль⁴⁶.
Санскрит имеет книгу Вед, а тамиль
Обладает «Куралом» Тируваллувара⁴⁷.

Другой поэт, Идайккадар, писал:

Курал — это горчичное семя,
В которое вписаны сокровища семи морей.

Уккираперуважуди, царю Пандьей, в правление которого окончила свое существование третья санга, приписывается следующее четверостишие:

⁴⁵ Это предание находится в явном противоречии с другим, согласно которому главой санги был Капилар, брат Тируваллувара и пария по рождению, см. G. U. Pope, *Notes*, IA, 1878, p. 221.

⁴⁶ Тамиль — тамильский язык.

⁴⁷ См. Pope, p. 19.

Сам Брахма, пряча истинный свой облик, родился Валлуваром, воспевающим трединовую цель жизни⁴⁸. И давшим нам «Курал». Уста мой его пусть слышат, Пусть мысль погружена в раздумье будет, и ухо пусть внемлет музыке стихов.

И наконец Капилару, одному из наиболее выдающихся поэтов поздней санги, предание приписывает такой стих:

О поведитель, правящий страной, где птицы засыпают
Под звуки молотья! Вершины мысли заключены
В «куралах»⁴⁹ Валлувара, подобно капелшке росы на
стебельке цветка,
Что отражает величавый ствол высокой пальмы⁵⁰.

Эти стихи красноречиво свидетельствуют о великом уважении, которое обрел Тируваллувар в поэтическом мире, написав *Курал*.

Беспристрастный исследователь *Курала*, пытающийся воссоздать облик древнего тамильского поэта и философа, не может не отнестись критически к преданиям, пронесенным через века и неизбежно потерявшим многое из своего реального содержания. И все же, перечитывая эти проникнутые мудростью и юмором легенды, исследователь ясно увидит глубокие симпатии тамилот ко всему, что связано с именем Тируваллувара. Последующие поколения были убеждены, что автор *Курала* был низкого происхождения, пария, что свою жизнь он построил в точном соответствии с мыслями, выраженными в его произведении, что *Курал* заставил даже надменных поэтов из высших каст признать превосходство Тируваллувара. Само содержание *Курала* помогает нам в какой-то мере воссоздать облик поэта. Он должен был много повидать в жизни, многое испытать и даже, быть может, ему не раз доводилось оступаться. Он безусловно должен был обладать всепроницающим воображением, насколько можно судить по многим главам *Курала*, толкующим о качествах правителя и его приближенных, о добродетелях *саньясика* (отшельника) и отгаде война, о гнилом пороке пьянства и бесстрастных объятиях продажных женщин. Некоторые советы правителю показывают его мудрецом, который понимает, что не каждый способен поступать в полном согласии со своей высокой моралью, а вся третья книга убеждает нас в том, что он был весьма далек от холодного аскетизма, равнодушного к

⁴⁸ Имеется в виду триада, объединяющая дхарму — религиозный долг, артху — обязанность, связанные с жизнью в обществе, и каму — наслаждение, любовь. См. *Tiruvalluvamalai*, 4.

⁴⁹ Вообще *курал* — это разновидность тамильского двустишия.
⁵⁰ См. *Tiruvalluvamalai*, 5.

радостям жизни. Автор *Курала* является читателю человеком, высшим наслаждением для которого служат полет мысли и волево-шальная игра слова, человеком, понимающим переживания простых людей и наделенным тонким чутьем, безукоризненной честностью и мягкой лукавой насмешливостью. То обстоятельство, что Тируваллувар не стоял на позициях чистого смирения, квинтэзиса, иллюстрируется таким его двустишием: «Пусть мечется, подобно нищему, и погибнет сотворивший мир, если он только возжелает, чтобы живые люди существовали, испрашивая подаяние» (1062).

Можно сказать несколько слов о довольно интересной, хотя едва ли имеющей силу доказательности интерпретации С. Сомасундарама Бхарати, пытающегося представить автора *Курала* одним из высших сановников при дворе правителя Пандьи в Мадуре. В подкрепление своей мысли он приводит свидетельство о том, что слово *валлувар* служило в то время титулом, который давался некоторым из наиболее высокопоставленных сановников⁵¹.

Что же представляет собой сам *Курал*? Этот труд отнюдь не является религиозным трактатом, хотя ему и предпосылается начальная глава, воздающая хвалу высшему божеству. Если отвлечься от третьей книги, несколько выделяющейся по стилю и содержанию, *Курал* представляет собой этический памятник, своего рода кодекс морали, дающий предписания последовательно семейнику, отшельнику и правителю, а также приближенным и подданным последнего. Трактат объединяет в себе три книги: *арам* (дхарма, добродетель), *порул* (артха, политика) и *инбам* (кама, любовь) — и состоит из 133 глав, по десяти двустиший в каждой. Дхарма, артха и кама составляют первые три *падартхи*, или цели жизни. Четвертую *падартху*, которой является *мокиша* (освобождение души), Тируваллувар не включает в *Курал*, и исследователями высказывалось немало догадок по этому вопросу. Мы склонны думать вслед за некоторыми тамиловедами⁵², что Тируваллувар, почти нигде не отрывавшийся от реальных и зримых фактов повседневной жизни, не стремился рассуждать об освобождении души, ибо это неизбежно привело бы его к мистицизму. Излагая концепцию об освобождении души, было бы необходимо прикоснуться к одному из религиозных учений, а Тируваллувар был свободен от замыкающегося в свою сферу сектантства.

В рассуждениях о дхарме и артхе поэт как бы дает квинтэссенцию учений и трактатов, появившихся до него. Ряд совпадений

⁵¹ См. Vaiyapuri Pillai, p. 80; Popley, p. 17.

⁵² См. Lazagus, p. 1; Popley, p. 22.

или неизвестного. Хорошие семена приносят хороший урожай, плохие — плохой. Закон кармы неотвратим, и попытка обойти его так же безуспешна, как и попытка перепрыгнуть через собственную тень. Доктрина кармы сводит к нулю ценность жертвоприношения, совершенного во искупление грехов, и провозглашает необходимость хороших дел, рождающих добрую дхарму. Плохая карма — расплата за дурные деяния в прошлом рождении; хорошие поступки в этом рождении создают основы благой дхармы в будущем. У буддиста, джайна, индуса карма порождает смиренную покорность прошлому и надежды на будущее. Трактовка кармы в *Тирукурале* носит на себе преимущественное влияние *улишиад*. Любый человек идет путем, предназначенным ему определенно: избывать его нельзя (380), и даже выщий должен терпеливо сносить няспосланые ему страдания (378), но благая карма рождает неукротимое рвение и решимость, тогда как иная карма порождает уносящую богатство леность (371), даже мудрость превращая в глупость (372).

К слову сказать, если джайнизм рассматривает карму как нечто соединяющее душу с телом, считая, что незнание, злоба, алчность, гордость и иллюзии притягивают к себе так называемые кармические частицы, то Тируваллувар вполне определенно, хотя и в другой главе, говорит, что тело с душой соединяется с помощью любви (78). Вместе с этим оптимистически, поддерживая в каждом дух мужества и решимости, звучат напоменные большим смыслом строки *Курала*, призывающие трудиться вопреки плохой судьбе и нерасположенности богов: «Даже если говорят, что нет, удачи из-за нерасположенности богов, само постоянное усилие принесет тебе вознаграждение в меру напряжения твоих мышц» (619), «Прекропленные непрестанного рвения, чуждые боязни судьбы увидят лишь сплну богини злого рока» (620).

Тируваллувар весьма далек от проповеди пассивности и безропотной покорности судьбе. От лаконичных стихов *Курала* исходит дух непоколебимого жизнелюбия и твердости: «Не предающийся отчаянию перед лицом бедствия заставит само бедствие страдать от бедствия» (623); «Смейся, когда грянет беда. Нет силы, равной смеху, способной встретить бедствие и превозмочь его» (621).

Вторая книга *Курала* называется *рэгитрал* («часть о политиках») и разделена на три части: первые 25 глав посвящены достоинствам правителя, следующие 32 главы — целому ряду сторон правления, заключительные 30 глав рассматривают различные вопросы общественной жизни⁵⁶. Объем второй книги *Курала* почти

и с которым он делился своей едой. Обходительный в речи, благородный за малейшую доброту, справедливый во всех делах, хозяин над собой в смысле полного самообладания, неотступный в исполнении любой обязанности, бескорыстный, терпеливый и все перепосящий, с сердцем, свободным от зависти, скромный в желании, воздерживающийся от злых и праздных слов, трепещущий от прикосновения зла, трудолюбивый, щедрый — он тот, кем все кругом восхищаются»⁵⁵.

Универсальность воззрений Тируваллувара, чуждость какой бы то ни было кастовости или сектанства проявляются во многих идеях, содержащихся в *Курале*. Автор решительно противостоит законным воззрениям и воспринимаемым на веру предубеждениям. Тируваллувар отвергает привилегии каст, притязания брахманов и вообще претензии каждого, кто присваивает себе неумеренно большие права, ссылаясь на свое высокое происхождение: «Лишь благородство поступков служит мерилом благородного рождения, а недостойное поведение опускает до уровня низких» (133); «Завыший веды брахман может снова их выучить, но целиком потерял свое рождение тот, кто хоть однажды сошел с пути добродетели» (134).

Заключительные четырнадцать глав книги о дхарме представляют особенную ценность не только потому, что дают максимально сжатый свод правил, предписываемых отшельнику. Пожалуй, именно в этих главах обнаруживается ошутимое влияние джайнизма и буддизма.

Последняя глава первой книги посвящена карме. Доктрина кармы, разработанная в *улишиадах*, является фундаментальным принципом буддизма, джайнизма и различных направлений индуизма. Карма буквально значит «деяние», а в широком смысле означает универсальный закон воздаяния за прошлое.

Карма определяет, в какое тело должна переселиться душа в следующем рождении: в зависимости от кармы складывается характер человека, его положение, счастье и неудачи. Каждый добрый поступок рано или поздно воздается добром, а любое дурное деяние приносит несчастье.

Доктрина кармы, разработанная в *улишиадах*, стала важным компонентом буддистского и индуистского и индустских философско-религиозных учений с модификациями, определяемыми взаимоотношениями единиц каждой из этих новых систем. Закон кармы носит абсолютный характер и не зависит от чьей-либо воли. *Улишиады* учат, что в моральном мире нет ничего случайного

⁵⁶ См. Vaiyapuri Pillai, *A history*, p. 85.

⁵⁵ См. Pope, *Sacred Kurral*, p. X.

• два раза превышает размеры первой и в три раза — третьей. Можно согласиться с мнением В. В. С. Айяра, что сам этот факт указывает на то значение, которое древний тамильский философ придавал политике в своей схеме жизни ⁵⁷.

Словно роги! не поддается точному переводу, оно полисеман-тично и может означать в различных контекстах «суть, существо-во, значение, богатство, золотое, состояние, достоинство, правда» и т. д. Перевод этого слова как «политика» является в значитель-ной мере условным, и в данном случае его можно отождествить с санскритским *аргха* — «политика», тем более что *Курал* в этой части очень близко примыкает к знаменитой *Артхашастре* Каутильи.

Во всем *Курале* можно насчитать всего лишь несколько десятков санскритских слов ⁵⁸, и остается неясным, знал ли Тируваллувар санскрит или нет. Но с содержанием многих книг, первоначально написанных на санскрите, он был безусловно знаком, и в частно-сти с *Артхашастрой*. То, что говорится в *Курале* о семи компо-нентах государства (правитель, советники, народ, крепости, богат-ство, войско и союзники — 381), по духу и букве вполне сходно с соответствующим местом в *Артхашастре* ⁵⁹. Автор *Курала* заин-тересован в ряде случаев не только мысли *Артхашастры* и *Нигишаст-ры*, но и в расположении глав и двуступицей придерживается систе-мы, принятой в указанных Паримелагагар высказывал суждение, Еще в XIV в. комментатор Паримелагагар высказывал суждение, что без знания *Артхашастры* нельзя правильно толковать *Курал*. Упоминания о доверии донесению, подтвержденному сразу тремя информаторами (589); «о четырех достоинствах», требуемых прави-телем от советников (513) ⁶⁰, и многое другое подтверждает предпо-ложение о знакомстве автора *Курала* с *Артхашастрой*. Некоторые исследователи зашли настолько далеко, что объявили *Курал* та-мильским вариантом *Артхашастры* ⁶¹. Оставляя в стороне такой факт, как значительное различие в объеме книг, и останавливая свое внимание лишь на подходе данных трудов к поднимаемым проблемам, нельзя не увидеть, что Тируваллувар остается в вопро-сах политики верным своим высоким принципам и утверждает, что правитель никогда не должен сходить с пути дхармы и прибегать к не дозволенным высшей моралью средствам для достижения

⁵⁷ V. V. Subrahmanya Aiyar, p. XXXII.

⁵⁸ Vaidyanath Pillai, *A history*, p. 26.

⁵⁹ Popley, p. 26; Meyer, S. LXV, .372.

⁶⁰ См. Krishnaswami Aiyangar, *Some contributions*, pp. 124—127;

⁶¹ См. Popley, p. 26.

пусть даже и возвышенной цели (546, 656, 1016); в то же время *Артхашастра* советует и оправдывает такие средства ⁶². Второе существенное отличие *Курала* от *Артхашастры* состоит в том, что в первом нигде не говорится о божественном происхождении власти правителя, который рассматривается как простой смертный, обязан-ный следовать стезей дхармы. Единственное сравнение властелина с богом содержится в стихе 388, но и оно убеждает нас в пра-вильности вышеприведенного вывода. Весьма показательна в этом отношении глава 56, в которой автор с беспристрастием мудреца говорит о деспотическом правлении и считает несправедливого и свирепого тирана недостойным сравнения даже с обыкновенным убийцей.

Тируваллувар полагает, что, даже если страна наделена всеми богатствами, необходимыми для благоденствия народа, они не принесут счастья, если ею не правит достойный правитель. Поэтому поэт так много говорит о достоинствах правителя. Правителю надлежит быть справедливым, ибо подданные страдают от отсут-ствия справедливости точно так же, как пересохшая земля от отсутствия оживительного дождя.

Некоторые места из глав об умениях выбрать время и место могут служить неплохой иллюстрацией глубокой практической про-зорливости Тируваллувара: «Уподобься цапле, что сжимает свои крылья в ожидании нужной минуты, но действуй с ее же реши-тельностью, когда настало время» (490); «Всемогущ крокодил в тельности воде, но стоит ему выйти из нее, и другие твари с лег-костью одолеют его» (495); «Жизнь того, кто не оберегает себя перед грядущим злом, обречена на гибель в пороке, точно копна соломы в жарком огне» (435); «Жестокие речи и превышающие меру наказания — тот напиток, что подточит могущество всемо-гущего властителя» (567). Особенно подчеркивается необходимость в правителе благожелательности и гуманности (гл. 58).

Многие стихи *Курала* могут свидетельствовать о знании их автором и темных сторон искусства управления государством — в подтверждение можно указать на главу об использовании согла-датаев (59), на главы о доверии к приближенным и об их исполь-зовании (51 и 52).

Раздел о советниках, посланниках, приближенных и войнах древней Индии, думается, не утрачил интереса с точки зрения политической истории. На общем фоне глубоких, хотя иногда и несколько суховатых афоризмов выделяется ряд блестящих мест, сверкающих проникновенной мудростью, то благожелательной, то

⁶² См. Popley, p. 26; Meyer, S. LX.

резко насмешливой, и удивляющих игрою слов и образ: «Приближенные к особе вспыльчивого властелина пусть уподобятся тем, кто, желая согреться у огня, не приближается к нему чрезмерно близко и не отдаляется слишком далеко» (891); «Книжная мудрость, постигнутая боящимся сказать слово в высоком собрании, — то же самое, что сверкающий меч в руках женоподобного евнуха, оказавшегося в гуще врагов» (727); «Лишенного знаний невежду точно так же подмывает желание блеснуть своим красноречием в кругу ученых, как женщину, лишенную обеих грудей, обуревают жажда локорять своими престестями» (402).

Три главы (92—94), посвященные увлечению недостойными женщинами, склонности к пьянству и азартным играм, представляют собой не просто цепь рассуждений непогрешимого йога относительно порочных наклонностей мирских людей, — это, скорее, проникновенные советы благожелательного мудреца, отчитливо поминающего, в какую бездну несчастий эти три страсти могут завлечь правителя, сановника и всякого человека вообще.

Рассуждения о нищих и выпрашивающих подание показывают, до какой степени реалистическими были воззрения автора *Курала*. В те времена, когда многие мудрецы провозглашали нищету как вполне естественное состояние, Тируваллувар, который считает неправедно нажитое богатство достойным того, чтобы его немедленно оставить, рассуждает о нищете так, словно он испытал ее муки: «Можно уснуть даже в окружении жаркого огня, но едва ли хоть на миг смежишь ты очи посреди нужды» (1049). Нищета, по его мнению, рождает лишь порочные и губительные желания (1043); немалый из-за своих страданий и падений не знает счастья ни в теперешнем, ни в будущем рождении (1042); и далее следует естественный вывод, что горше и мучительней нищеты только сама нищета (1041). И тот же Тируваллувар так рассуждает о природе богатства: «Нет в мире ничего другого, кроме богатства, что заставляет считать значительными людей, лишенных значительности» (751).

Вторая книга *Курала* в такой степени богата мыслями, что мы в состоянии лишь мельком пробежать содержание глав. Останемся на рассуждениях автора о земледелии (гл. 104), которому Тируваллувар отводит главную роль в жизни страны: «Чем бы ни занимались обитающие в этом мире, они не могут обойтись без плуга и идти за ним. И потому земледелие, хотя и многотрудно, — высшее из всех занятий» (1031); «Земледелие — чека в колеснице для обитающих в этом мире. Оно поддерживает всех тех, что не могут идти за плугом и принимаются за другие дела» (1032). Земледелие, по мнению Тируваллувара, является благородней-

шам занятием, и все прочие члены общества, в том числе священнослужители, должны выставляться у дома земледельца в ожидании риза.

Таким образом, можно сказать, что роцира́л *Курала* является своего рода сводом концелций государственного устройства, весьма важным для изучения развития индийской общественной мысли

Изложив свои взгляды на различные аспекты общественной жизни, Тируваллувар приступает к описанию третьей из четырех целей жизни — любви (саускр. *kāma*, там. *iravam*). Автор *Тирукурала* имплицитно выражает мысль, что полнокровная жизнь человека, не избравшего пути аскетизма, возможна при гармоничном сочетании дхармы, артки и кама.

Третья книга (*irattirraḷ*) своим построением нарушает характерную для предшествующих двух книг систему более или менее отвлеченных рассуждений: эту книгу воспринимают обыкновенно как поэму о двух безымянных возлюбленных, раскаивающую о их любви с момента первой встречи вплоть до того дня, когда возлюбленные, ставшие уже супругами, после долгой и мучительной разлуки снова оказываются вместе.

Любопытно, что один из первых европейских переводчиков, англичанин Дру, превратно понял содержание третьей книги, затрачивает множество усилий, дабы доказать, что многие великие умы допускали досадные промахи и разумным читателям следует смотреть на них сквозь пальцы, как в данном случае на третью книгу *Курала*, которую нельзя перевести ни на один европейский язык без того, чтобы переводчик не обесчестил свое доброе имя. И действительно, благочестивый Дру, давший превосходный перевод первых 63 глав, не перевел третью книгу вообще. Разумеется, позднейшие переводчики и исследователи с изумлением отвергли эту странную точку зрения и не нашли в третьей книге ничего предосудительного. Дж. Поуп, выпустивший полный перевод *Курала*, писал: «Я убежден, что она (третья книга.— Ю. Г.) безусловно чиста с точки зрения подхода и намерений ее мудрого и высокоморального творца»⁶³. Исследователь *Курала* Дж. С. М. Хупер писал: «Совершенно очевидно, что Тируваллувар был полностью свободен от показной стыдливости, и, вероятно, в равной мере будет правдивым сказать, что в третьей части «*Курала*» нет ничего такого, что нарушало бы впечатление высокой морали и врожденной деликатности, производимое древними частями»⁶⁵.

⁶³ С. М. Поуп, *Sacred Kurral*, p. XII.

⁶⁴ *Ibid.*, p. XII.

⁶⁵ Ноорег, pp. 11—12.

В санскритской литературе *Камасутра* Вагьяяны в отношении «любви» является столь же авторитетной, как «Законы Ману» для трактовок личного и общественного долга, а *Артхашастра* — политикой. Знакомство Тируваллувара с *Камасутрой* подтверждается сопоставлением отдельных мест обоих произведений и представляется несомненным даже при весьма осторожном подходе ряда исследователей тамильской литературы⁶⁶. Но попытки отождествления «Книги о любви», *Курала* и *Камасутры* не имеют под собой никаких оснований. Если последняя представляет собой доведенный до совершенства скрупулезнейший анализ процесса возбуждения и удовлетворения половой страсти, включающий в себя описание непристойных с точки зрения общепринятой морали подробностей, то *Курал* почти свободен от налета чувственности (если не говорить о некоторых изречениях 129 и 133 глав). Мы вправе сказать, что на фоне весьма насыщенной эротикой древнеиндийской литературы третья книга *Курала* (о первых двух вообще не может идти речи) свидетельствует об удивительной сдержанности ее автора.

«Книга о любви» написана в точном соответствии с канонами *авайт* — тамильского поэтического жанра описания личных, и прежде всего любовных, переживаний⁶⁷. В. В. Айяр делит двадцать пять глав этой книги на следующие пять частей по пяти глав в каждой: гл. 109—113 — «встреча», 114—118 — «разлука», 119—123 — «одиночество», 124—128 — «жалобы» и 129—133 — «награничные обиды, любовные ссоры»⁶⁸.

Мы склонны дать более общее деление третьей книги на две части: первая посвящена *калаци*, или тайной любви, вторая — *кагри*, или супружеской любви. *Калаци* была исключительно распространённым явлением в древнем Тамилнаде: юноша и девушка, полюбив друг друга, встречались украдкой от родителей и, убедившись в невозможности жить друг без друга, равно как и продомжать тайно встречаться, договариваются открыть перед всеми свою любовь; юноша решает просить у родителей девушки согласия выдать ее замуж. В части *кагри* большинство афоризмов посвящено страданиям жены, терзаемой разлукой с мужем, а затем изображению любовных ссор, искренней ревности и притворных обид. Некоторые исследователи, стоящие на позициях христианства, как в частности Дж. Хупер, считают третью книгу в целом отзвуком ветхозаветной «Песни песней»⁶⁹.

⁶⁶ См. Vaidyanuri Pillai, p. 85.

⁶⁷ Porley, p. 28.

⁶⁸ См. Subrahmanya Aiyar, p. XXXVI.

⁶⁹ См. Hooper, pp. 11—12.

Третья книга представляет собой значительный интерес как для филолога, так и для историка. Если историк обнаружит здесь описания некоторых интересных обычаев, то филолог обнаружит в ней поэтичность и пронаительность, проявляющуюся в исключительно умении описать бесконечно меняющиеся настроения влюбленной 70.

Тируваллувара можно считать не только законодателем в области этики; поэтами последующих поколений язык *Курала* воспринимался как норма классического литературного тамильского языка *сентамиль*. Язык *Курала* во многих случаях весьма труден для понимания: причиной этому служит древность памитинка, архаичность языка, лапидарность изложения, обилие эллиптических форм. Многие слова столь многозначны и обладают настолько расплывчатым смыслом, что лишь один контекст помогает установить их семантические границы.

В качестве примера приведем стих 392:

Киттайти авайк киттайти агге реттиселвам, ро́ккитт ати ви́лп-та́йци.

«Большое богатство подобно толпе, стекающей на танцевальные представления, и уходит оно точно так же, как рассеивается толпа по окончании танцев».

1. киттайти — танцы; китти — танец, представление, событие, трактат о танцах; айти — танец, игра;
2. авай — собрание, зал собрания, театр;
3. киттам — стадо, толпа, собрание;
4. агги + е — частица уподобления, е — эмфатическая частица;
5. ретт(н) — большой;
6. селвам — богатство;
7. ро́ккитт — 3 л. ед. ч. буд. вр. глагола ро́кки — уходить, посылать, платить, завершать, давать, извещать, проводить, уничтожать;
8. ати — оно;
9. ви́лпци — десинчастие прош. вр. от глагола ви́лци — умирать, гибнуть, уменьшаться, прекращаться, сердиться, подвергаться бесчестию, страдать;
10. — см. 4.

Вместе с тем язык некоторых стихов отличается чрезвычайной простотой (см., например, стих 108):

па́лги ма́гаррати па́ллади па́ллади агге ма́гаррати па́лци.

⁷⁰ У лингвиста третья часть рождает особый интерес богатством личных глагольных форм.

«Нехорошо забывать хорошее, но хорошо тотчас же забыть нехорошее».

1. paṅḍī — хорошее, доброе, благо;
2. paṅḍarati — забываешь;
3. paṅḍaṅḍi (paṅḍi + aṅḍi) — нехорошо;
4. paṅḍaṅḍi (paṅḍi + aṅḍi) — нехорошее;
5. aṅḍe (aṅḍi + e) — тотчас же;
6. — см. 2;
7. paṅḍi — хорошо.

Трудности понимания усугубляется размером, которым написан *Курал*, а также и тем, что в строке не всегда ясно видны границы между словами.

Само заглавие книги говорит тамильскому читателю о размере, которым написано это произведение, ибо слово *курал* означает краткое рифмованное двустишие. Размер *курал*, kuraḷ veṅḍā, является одним из наиболее трудных в дравидийской метрике. Первая строка *курала* состоит из четырех стоп, вторая — из трех; причем последняя стопа всегда не закончена. Стопа может состоять из двух долгих слогов, одного долгого слога в соединении с двумя краткими, трех долгих слогов, четырех кратких слогов, двух кратких и двух долгих слогов, трех кратких и одного долгого слога. Правила соединения этих стоп отмечены большой строгостью, например: стопа из двух кратких слогов с последующим долгим слогом требует, чтобы следующая стопа началась с двух кратких слогов: например, tuṅḍāṅḍi paṅḍavattar (586).

Кроме того, первая стопа должна рифмоваться с четвертой и пятой строкой. Тамильская рифма не соответствует общепринятому понятию рифмы: здесь мы имеем дело с рифмовкой вторых слогов первой строки с четвертой либо пятой, например: aṅḍi andi (247), Kōlai and pulai (329), iṅḍiṅḍiki and maṅḍiṅḍiki (352), vīnai and tūnai (471), akkam and pakkam (524), aṅḍamai and retṅamai (611), vaṅḍol and keṅḍol и т. д.

Курал породил богатую комментаторскую литературу. Только до Паримелажагара, тамильского филолога, жившего в Канчи в XIV в., девять тамильских ученых написали семьдесят комментариев к *Куралу*. Среди них следует отметить Манаккудавара, Паритиперумала, Кавиралжа Пандитара и Калингар Айяра. Их комментарии до сих пор представляют значительный интерес, и современные исследователи *Курала* неизбежно обращаются к ним. Но, по-видимому, комментаторская скрупулезность служила некоторым препятствием для проникновения в самую сердцевину мыслей Тируваллувара и великих комментаторов лишь путем традиционного [понимания]. Паримелажагар своим комментарием заново открыл *Курал*. Он решительно

отвергает комментарии девяти предшественников; его отрицательное отношение к ним проникнуто духом остроты и резкости, но логичной, аргументированной и не вызывающей возражений критики. Ему первому было суждено сорвать те условные одежды, в которые рядили Тируваллувара на протяжении нескольких веков, и показать мысли тамильского поэта-мудреца в строгой красоте и проникновенной глубине оригинала. Почти все позднейшие исследователи *Курала*, начиная с Бесхи, К. Грауля и кончая новейшими тамильскими издателями *Курала*, неизменно основываются на комментариях Паримелажагара. В предисловии к своему переводу *Курала* В. В. Айяр убедительно показывает на ряде примеров неоспоримые достоинства этого труда⁷¹. Комментарий Паримелажагара написан тем же лаконичным, упругим и выразительным языком, что и *Курал*.

Комментарий Манаккудавара стал известен благодаря энергии тамильского ученого К. Поннусвами Наттара и был впервые опубликован лишь в 1925 г.⁷² Во многих случаях его текст отличается от текста Паримелажагара, сплошь и рядом он дает иной перевод в сравнении с Паримелажагаром. В комментарии Манаккудавара дается особый порядок расположения двустиший в главах⁷³.

История изучения *Курала* европейцами может служить предметом отдельной статьи. Пальма первенства в открытии *Курала* принадлежит уже упомянутому выше Констанцию Бесхи, который около 1730 г. впервые перевел две книги *Курала* на латинский язык. Этот перевод был опубликован Дж. Поупом в приложении к его стихотворному переводу *Курала*⁷⁴.

Около двух веков назад обратили внимание на *Курал* французы. В Национальной библиотеке в Париже хранится уникальная рукопись — перевод части *Курала* на французский язык, выполненный в 1769 г.⁷⁵ Отдельные части из *Курала* были переведены П. Ж. де Дюма в 1854 г.⁷⁶

В 1848 г. Е. Ариэль помещает в „Journal Asiatique“ небольшое письмо о *Курале* Тируваллувара. «Это — шедевр тамильской литературы, одно из самых высших и чистых выражений человеческой мысли»⁷⁷.

⁷¹ См. V. V. Subrahmanya Aiyar, pp. XIV, XLV—XLVII.

⁷² См. Popley, p. 113.

⁷³ См. M. S. Purmalangam Pillai, *The Kurai*, pp. 10—12.

⁷⁴ См. Pope, *Sacred Kurral*.

⁷⁵ См. E. Ariel, *Lettre*, pp. 420—421.

⁷⁶ P. G. de Dumast, *Kurai*, Nancy, 1854.

⁷⁷ См. E. Ariel, *Lettre*, p. 418.

В 1867 г. М. Ламзес опубликовал на французском языке перевод *Курала*, который, по-видимому, с большим правом может быть назван пересказом.⁷⁸

В 1889 г. в Париже выходит перевод третьей книги *Курала*, выполненный Б. де Фонтеней.⁷⁹

Основатель «Vibhithesa Tamilsa» д-р Карл Грауль затратил несколько лет неустанного труда, но [т]ак [т]е не суждено было увидеть при жизни свой перевод вышедшим в свет. Не осуществилось и его желание написать специальную работу об отношении *Курала* к санскритской литературе. Издание К. Грауля включает в себя оригинальный текст, перевод на современный тамильский, на немецкий и латинский языки.⁸⁰ Исследователи *Курала* единодушно в высокой оценке перевода В. Г. Дру, к сожалению оставшегося наполовину незаключенным: им были переведены шестьдесят три главы.⁸¹ Незаслуженно редко вспоминается Дж. Лазарус, опубликовавший в 1885 г. полный перевод *Курала* на английский язык с комментариями Паримелажагара.⁸²

Рядом с книгой К. Грауля стоит не менее капитальный труд Дж. Поула,⁸³ чей вклад в тамиловедение не может быть переоценен. Дж. Поул включил в качестве приложения к своему пока что единственному в Европе стихотворному переводу *Курала* перевод К. Бесхи и часть перевода Ф. В. Эллиса. К переводу Дж. Поула можно предъявить определенные претензии с точки зрения точности и соответствия оригиналу, хотя, на наш взгляд, это следует рассматривать как художественный перевод, отступающий от буквы *Курала*, но в точности воспроизводящий самый дух поллинника.

Кроме того, *Курал* был переведен на английский Т. М. Скоттом и Э. Дж. Робинсоном.

Нельзя не отметить превосходную и, по-видимому, малоизвестную книгу Г. А. Полли «Священный Курал, или тамильская веда Тируваллувара»⁸⁴, изданную в 1931 г.

⁷⁸ М. Lamaisse, *Kural*, Pondicherry, 1867; V. V. Subrahmanya Aiyar, p. XVIII.

⁷⁹ De Barrigue de Fontaineu, *Le livre de l'amour de Tirouvallouva*, Paris, 1889.

⁸⁰ *Der Kural des Tiruvalluvar, Ein gnomisches Gedicht über die drei Strebeziele des Menschen*. Übersetzung und Erklärung von K. Graul, Leipzig, 1856; Graul, *Kural*.

⁸¹ *Kural of Tiruvalluvar*, by W. H. Drew, Madras, 1840.

⁸² Lazarus.

⁸³ Pope, *Sacred Kural*.

⁸⁴ Popley.

В нашем веке появляется много переводов на английский язык, выполненных самими тамилцами. В 1915 г. В. В. Субраманья Айяр перевел *Курал* на английский язык, предпослав переводу вступительную статью, демонстрирующую блестящие научные и литературные способности автора.⁸⁵ В. В. С. Айяр намеренно архивизировала язык перевода, свободно и с большим пониманием духа оригинала раскрывая эллиптические формы, дал множество своих интерпретаций, отличных от Паримелажагара. Однако мы не можем не заметить, что его переводу свойственны весьма серьезные отступления от поллинника. По-видимому, наш упрек В. В. С. Айяру не вполне оправдлив потому, что последний стремился не к точному научному переводу, а к воспроизведению на английском языке духа этого тамильского памятника. Перевод В. В. С. Айяра заслуживает весьма высокой оценки и неоднократно переиздавался в Индии.

Обращает на себя внимание перевод *Курала* с комментариями и предисловием, выполненный А. Чакраварти.⁸⁶ Тамильский текст снабжен оригинальной транскрипцией автора, комментарий весьма обстоятелен, хотя и не всегда исчерпывающ. Известный своими симпатиями к джайнизму тамильский ученый стремится провести через всю книгу ту мысль, что Тируваллувар был джайни, и приводит большое число аргументов, не всегда убедительных. Сам перевод далеко от совершенства и грешит некоторой вольностью, идущей вразрез с научным характером книги.

М. С. Пурналингам Пиллай, автор «Критических исследований по Куралу»⁸⁷ и многих других работ, издал свой перевод *Курала*,⁸⁸ который более, чем другие, близок к оригиналу; его основные достоинства — точность и лаконичность. Перевод, однако, страдает неровностью; начнная с середины язык несколько модернизирован и встречаются досадные по своей небрежности места.

Многие другие крупные филологи Тамилнада дают собственные переводы *Курала*, например В. Рамачандра Дикшитар.⁸⁹

В XX в. на тамильском языке появляется множество комментариев к *Куралу*, число их непрерывно растет.⁹⁰ Эти труды содержат богатый материал, множество оригинальных толкований,

⁸⁵ V. V. Subrahmanya Aiyar.

⁸⁶ См. А. Chakravarti.

⁸⁷ M. S. Purnalingam Pillai, *Critical studies in Kural*, Munnittalam, 1929.

⁸⁸ *The Kural in English with foreword, footnotes and appendix*, by M. S. Purnalingam Pillai, Tirunelveli, 1942.

⁸⁹ *Tirukkural of Tiruvalluvar with English translation*, by V. R. Ramachandra Dikshitar, Madras, 1949.

⁹⁰ *Essay on Tiruvalluvar*, by T. Cheivakesavaraja Mudaliyar, Madras, 1934; *Tirukkural Vittiṅṅal*, by J. M. Nallaswami Pilla i.

хотя и не всегда выдержаны с точки зрения требований, предъявляемых современной филологией. Сейчас уже можно выделить в тамилведении весьма крупную область, которую мы бы назвали кураловедением.

Курал является дидактической поэмой, а известно, до какой степени трудно быть дидактичным и поэтичным одновременно. И все же автор *Курала* сумел с неповторимым изяществом вместить в коротком двустишии все богатство своей мудрости и жизненного опыта. «В рамках этих семи стоп наш поэт сжато излагает глубочайшие истины, которые когда-либо были произнесены человеком. И на этом ножном инструменте он играет как настоящий виртуоз! Сверкающее остроумие и юмор, отточенность суждения, фантазия, ирония, простодушный вопрос и яркое сравнение — нет ни одного из тысячи приемов рожденного художника, который бы наш автор не использовал в этом подлинном шедевре искусства...»⁹¹

Глубокий и всеохватывающий характер идей *Тирукурала* ставит его в один ряд с величайшими памятниками древней Индии. Говоря о культурном наследии Индии, С. Рахакришнан неоднократно упоминает в своих работах *Тирукурал*⁹². Высокую оценку этому памятнику дал крупный гуманист нашего времени Альберт Швейцер, сказавший: «Едва ли найдется во всей мировой литературе другое собрание изречений, в котором мы могли бы обнаружить такое обилие высокой мудрости»⁹³. П. Мей назвал *Тирукурал* «одной из великих книг Индии, кодексом морали и, быть может, наиболее совершенным выражением индийской мудрости»⁹⁴.

Автор *Тирукурала* весьма далек от материализма, хотя и призводит себе сомнения в существовании жизни на небесах и оказывает подчас предпочтение земным радостям перед иллюзорным гря-

Madras, 1923; *Tirukkural vllakkam*, by M. S. Subrahmanya Aiyar, Madras (A. s.); *Tirukkural Narakam*, by M. S. Govindarasanaar, Mylapore, 1923; *Tiruvalluvar Nayanar*, by N. Karalamurti Pillai, 1926; *Tiruvalluvar Nalvayam*, by R. P. Sethu Pillai Timmevelly, 1927; *Valluvorum makalitrnam or Valluvar's conception of women*, by T. T. P. Mnakshisundaram, Madras, 1939; *Tiruvalluva Nayanar aruñiceya Tirukkural*, by M. R. Kantaswami Pillai, Madura, 1957; *Tirukkural putu irai*, by V. Iramalingam Pillai, Madras, 1954; *Kural, the great book of Tiruvalluvar* by C. Rajagopalachari, Madras, 1951.

⁹¹ V. V. Subrahmanya Aiyar, p. XLIV.

⁹² S. Radhakrishnan, *Occasional speeches and writings (October 1952—January 1956)*, Delhi, 1956, pp. 260—261, 404.

⁹³ См. A. Schweitzer, *Indian thought and its development*, Boston, 1957, p. 203.

⁹⁴ См. P. Meile, *Littératures Dravidiennes, histoire des littératures*, — «Encyclopédie de la Pléiade», Paris, 1956, vol. I, p. 1056.

душим вознаграждением. С одной стороны, он идет в русле наиболее глубоких традиций индийской культуры, с другой стороны, как провозвестник наступающих изменений в социальной жизни страны он выступает против деления общества на высоко- и низкорядных, показывает тягостные последствия деспотии правления, неоднократно выражает свое возмущение религиозным ханжеством. Как духовный наставник автор *Тирукурала* отличается непомерной требовательностью, как советник правителя он обнаруживает гораздо большую гибкость и снисходительность к человеческим слабостям. Выгляды на различные стороны государственной и общественной жизни поднимают автора *Курала* до уровня выдающихся гуманистов древности.

Влияние, которое эта книга оказала на тамилскую литературу — хотя мы вправе говорить о влиянии на весь образ жизни тамиллов, — действительно невозможно переоценить. До сих пор *Курал* является в стране тамилв наиболее часто цитируемой книгой. Такое особое положение книги в тамилской литературе, как мы проследили, объясняется редким даром ее автора, который соединил в себе красноречивую простоту истинного поэта и прорвавшуюся сквозь покровы сектантской замкнутости мудрость гуманиста, позволившую с одинаковой пронизательностью читать в душе простого семьянина, влюбленной красавицы и облеченного властью правителя.

Курал — сублимация индийской общественной мысли, одно из лучших выражений индийской мудрости, и он имеет полное право на то, чтобы его знали и в нашей стране.

Считаю долгом принести искреннюю признательность за консультацию г-ну П. Сомасундараму, д-ру К. Звелебилу, а также А. М. Пятитгорскому и С. Г. Рудину за критические замечания.

Ю. Глазов

ДОБРОДЕЛИ

Глава 1. ХВАЛА БОГУ

*1. Подобно тому как «а» первая среди всех букв, так все в этом мире ведет свое начало от изначально сущего.

2. Какой же прок в приобретении знаний, если их обладатель не припадает к стопам того, кто являет собой олицетворение чистого знания?

*3. Прильнувшие к божественным ногам того, кто пребывает в логосе их сердца, обретут на земле долголетие.

*4. Припавшие к ногам того, кому неведомы приязнь иль неприязнь, нигде не познают страданий.

*5. Ни благие, ни дурные поступки, идущие от темноты неведения, не присущи тем, кто правдиво воздаст хвалу Высшему богу.

*6. Те, кто идут незалятанной стезей бога, на которой преодолены желания, происходящие от пяти органов чувств, те, кто отбросили ложь, — обретут долголетие.

7. Едва ли можно избежать страданий души, кроме как припав к стопам Несравненного.

*8. Едва ли кто сможет переплыть море рождений, кроме прильнувших к стопам бога, являющего собой океан добродетели.

*9. Голова, не склоняющаяся перед стопами Обладателя восьми совершенств, так же бесполезна, как орган чувств, утративший совершенство восприятия.

10. Никому не удастся перенять безбрежного моря рождений, кроме припавших к ногам Высшего.

Глава 2. ХВАЛА ДОЖДЮ

11. Оттого что мир жизнью на нем изначально обязан дождю, дождь вполне достоин быть назван нектаром жизни.

12. Дождь возвращает все живым для поддержания жизни и служит сам для утоления жажды.

13. Когда бы дождь иссяк, разразился бы голод и стал бы терзать обширный мир, окруженный океаном.

14. Если иссохнет родник богатств, скрытый в облаках, то и земледелец не станет трудиться над плугом.

15. Дождь разрушает и вслед за тем своим же падением помогает пострадавшему земледельцу возродить разрушенное.

16. Если и капля влаги не упадет с небес, то ни единой былинки не покажется из земли.

*17. Истошнется даже богатства необозримого океана, если облака, насыщающиеся его влагой, не прольют ее снова над ним.

*18. Не будет дождя — и на земле не станет празднеств и приношений небожителям.

*19. Иссякнет дождь — и обширный мир забудет и о подающих, и о папасах.

*20. Мир живых созданий увял бы без дождя; без воды никто не смог бы следовать стезей праведности.

Глава 3. О ВЕЛИЧИИ ОТРЕШИВШИХСЯ ОТ МИРА

21. Дух священных книг утверждает величие тех, кто, идя по пути праведности, отрешился от мира.

22. Оценить величие покинувших земную жизнь — все равно что силиться пересчитать ушедших из этого мира.

23. Все в мире застывает своим светом величие но-

сущих рубины праведности, постигших тайну жизни и освобождения.

24. Усмиряющий все пять чувств шестом воли — именно он является семенем вечного блаженства.

*25. Сам Индра, властелин необозримых небес, испытал на себе могущество покорившего пять чувств.

26. Исполненные величия способны совершать невероятное, низменным это не под силу.

27. Мир принадлежит познавшему истинную суть пяти чувств: вкуса, зрения, осязания, слуха и обоняния.

28. Величие наделенных пророческим словом на земле доказывается священными книгами.

*29. Невозможно прогнать и мгновения гнева взшедших на вершину добродетели.

30. Истинный брахман украшен рубином праведного поведения и мягкосердечия ко всем живым.

*Глава 4. СЛЕДОВАНИЕ ДХАРМЕ

*31. Разве есть в жизни большее благо, чем дхарма, которая приносит славу и богатство?

32. Нет блага выше дхармы, и нет большего зла, чем забыть о ней.

33. При всякой возможности неустанно следуй дхарме с полной силой души.

34. Да будешь ты чист в мыслях. Это и есть дхарма. Все другое — мишура и пустой звук.

35. Только тот образ жизни исполнен дхармы, который не запятнан завистью, возмущением, злобой и слогом гнева.

*36. Соблюдай дхарму теперь же, не говоря, что это можно сделать потом. И в смертный час это окажет тебе бессмертную услугу.

*37. Нет нужды говорить о том, к чему приводит путь дхармы. Разница между избегающим дхармы и следующим ей такая же, как между несущим паланкин и сидящим в нем.

*38. Если ты изо дня в день без усталости идешь по благовому пути, твой усилие станут глыбой, что закроет путь к будущим рождениям.

39. Одна лишь дхарма дарует радость. Все остальное доставляет боль и достойно порицания.

40. Дхарма — просто то, к чему стремишься; а чего бежишь — зло.

*Глава 5. О СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

*41. Ведущий семейную жизнь служит верной опорой идущим тремя другими путями праведности.

*42. Добродетельный семьянин является поддержкой отрешившимся от мира, бедным и умершим.

43. Семейный человек свои главные заботы посвящает умершим, богу, гостям, родным и самому себе.

44. Никогда не вымрет и не пострадает потомство того, кто в страхе избегает зла и делится своей едой.

45. Любовь и поведение, полное добродетели, сами по себе придают прелесть семейной жизни и служат вознаграждением за нее.

46. Какое высшее благо найдет ведущий добродетельную семейную жизнь, становясь на иную стезю?

47. Жизнь добродетельного семейного человека выше всех среди стремящихся обрести дхарму.

48. Семьянин, наставляющий других на путь дхармы и следующую ей сам, совершает более суровый тапас, чем отрешившиеся от мира.

49. Что еще можно считать дхармой, как не семейную жизнь? Если другие не укоряют за нее, нет жизни выше этой.

50. Живущий на земле добродетельной семейной жизнью присоединится к богам, обитающим на небесах.

Глава 6. О СПУТНИЦЕ ЖИЗНИ

51. Истинная подруга жизни есть та, что облагает всеми достоинствами, нужными в семье, и ведет жизнь соответственно достатку мужа.

52. Если в жене отсутствуют необходимые для дома добродетели, семейная жизнь пуста, какой бы пышной ни казалась она с виду.

53. Если хозяйка дома наделена достоинствами, нужными в семье, то чего же еще может неоставать? Если же в ней нет их, то что же тогда есть?

54. Что может быть величественнее женщины, которая с твердостью ума и сердца хранит свою чистоту? *55. Пусть та, что, восстав от сна, не возносит молитв богу, но поклоняется своему мужу, молвит «Да будет дождь!» — и дождь прольется.

56. Истинная жена та, что блюдет свою чистоту, заботится о своем избраннике и неослабно поддерживает добрую славу своей семьи.

57. Что пользы в верности жены, окруженной надзором? Чистота, идущая из сердца, — вот главный страж красоты.

*58. Если женщины с благоговением относились к своим мужьям, они обретут высшую славу в мире, где обитают боги.

*59. Тот, чья жена не ищет похвалы за чистоту, не пойдет величавым львиным шагом мимо своих оскорбителей.

60. Совершенство жены создают счастье в доме, и хорошие дети — рубин этого счастья.

Глава 7. О ДЕТЯХ

61. Нам неведома большая радость, чем дети, надежные ясным разумом.

*62. Во всех семи рожденьях не коснется зло того, кто взрастил детей, исполненных добродетели.

*63. Мудрые изрекли, что дети есть богатство человека, и это богатство — плод его добрых деяний.

64. Что сладость амброзии в сравнении с рисовой кашницей, которой коснулась в шалости крохотная ручонка твоего дитяти?

65. Прикосновение детей приятно телу, а звук их голоса — небесная отрада слуху.

66. Те лишь и находят сладкими звуки лютни и вины, кто не слышал дивного лепета своих детей.

67. Лучшее отцовское наследство сыну — образование, благодаря которому сын сможет занять достойное место в ученом кругу.

68. Всем живым людям в этом обширном мире радостно сознавать, что их дети знают больше, чем сами.

69. Высшая похвала людей сыну наполняет мать большей радостью, чем та, которую испытывает она в момент его рождения.

70. Высшее вознаграждение отцу — слова восхищенных людей: «До чего же велики деяния отца, если ему дарован такой сын?»

*Глава 8. О ЛЮБВИ

71. Есть ли такие силы, которые могут скрыть любовь? Покров с нее сорвет одна печальная слеза любви.

72. Неспособный любить живет лишь для самого себя, а любящий даже кости свои готов отдать другим.

73. Живая душа, изрекли мудрые, соединяется с телом благодаря любви.

74. Любовь порождает россыпи великой доброты к людям, а та приносит неоценимый дар, именуемый дружбой.

75. Обретенное на земле счастье мудрецы считают плодом праведной жизни, пронизанной любовью.

*76. Несведущие думают, что любовь помогает лишь на пути дхармы, но она толкает и на совершенные дурных деяний.

*77. Существо, лишенное любви, добродетель исполнит точно так же, как солнце — бескостного червя.

78. Жизнь без любви подобна засохшему дереву, пустившему ростки на каменной почве.

79. Какую радость могут ощущать все внешние части тела, если в нем нет любви, которая является сердцем его?

80. Полный жизни идет стезей любви, а тело лишенных способности любить — просто кости, обтянутые кожей.

Глава 9. О ГОСТЕПРИИМСТВЕ

81. Весь смысл семейной жизни и приобретения в том, чтобы щедро и радушно принимать нуждающихся в гостеприимстве.

82. Не должно вкушать одному, не пригласив в дом стоящего снаружи, даже если бы на столе был напиток, дарующий бессмертие.

83. Никогда не познает сгряданий и не впадет в бедность семья того, кто изо дня в день радушно встречает гостей.

*84. Возрадуется богиня процветания Лакшми и поселится в доме того, кто с приветливым лицом принимает добрых гостей.

85. Надобно ли засеивать свое поле тому, кто, щедро приняв гостей, сам ест остатки?

86. Тот, кто, накормив и проводив гостей, готов принять других, сам будет желанным гостем у обитателей небес.

87. Нельзя оценить пользу радушия по самому радушию. Мерой должны служить достоинства гостей.

88. Кто не будет щедр к нуждающимся в гостеприимстве, скажет, умирая: «Всю жизнь мы трудились и копили, и все впустию».

89. Не оказывать радушия тем, кто в нем нуждается, — нищета посреди изобилия. Это богатство глушцов.

90. Поднеси к лицу цветок аниччам, вдыхая его аромат, — и он увянет; так один неласковый взгляд хозяина способен покоробить гостя.

Глава 10. О ЛАСКОВОМ СЛОВЕ

91. Задуманное слово сходит с уст истинно мудрого, чье сердце полно любви и чуждо хитрости.

92. Сердечные слова и приветливое лицо отградней дара, преподносимого с добрыми намерениями.

93. Дхарма есть ласковое, задуманное слово, пронизанное с приветливым лицом, добрым взглядом и сердцем, полным любви.

94. Горькие лишения бедности не грозят тем, кто находит для людей ласковое слово, облегчающее душу.
95. Скромность поведения и мягкость речи — единственные украшения человека, и других нет.
96. Доброе сердечное слово уменьшает зло и увеличивает добродетель.

97. Сердечное слово, что несет пользу другим и неизменно чуждо злу, дает счастье и блаженство.

98. Задуманное слово, свободное от низкого и мелкого, принесет счастье как в этом мире, так и в другом.
99. Разве скажет резкое слово тот, кто видит, какое добро приносит ласковое слово?

100. Говорить резкости вместо ласковых слов — то же самое, что есть незрелые плоды, когда под рукой — зрелые.

Глава 11. О БЛАГОДАРНОСТИ

101. Добру, оказанному без мысли о вознаграждении, ни земля, ни небо не в состоянии воздать должное.
102. Добро, свершенное в минуту нужды, хотя и ничтожно малое с виду, затмевает собой весь мир.

103. Благо доброго деяния, свершенного без мысли о воздаянии, неизмеримо больше океана.

104. Пусть доброе деяние мало, как крохотное зернышко проса, — в глазах постигших пользу его оно примет размеры величественной пальмы.

105. Польза содеянного добра определяется лишь достоинствами того, кому это добро оказывается.

106. Да не будет забыта дружба непорочных сердец! Да не будет оставлена дружба тех, кто помог в беде!

107. Во всех семи рождениях благодарные будут помнить дружбу утешивших их в минуту горя.

108. Нехорошо забывать хорошее, но хорошо тотчас же забыть нехорошее.

109. Даже смертельное зло будет прощено, стоит лишь вспомнить единственное благодеяние, оказанное тебе обидчиком.

110. Содеявшие любое зло еще могут обрести спасение, но не найдет его тот несчастный, который убил в себе благодарность за добро.

Глава 12. О БЕСПРИСТРАСТИИ

111. Подлинно хороша справедливость, когда поступки покоятся на беспристрастии к близким и чужим.

112. Богатство справедливого не ведает убыли и приносит счастье потомству.

113. Богатство, доставшееся неправедными путями, следует оставить, даже если оно и приносит одно лишь благо.

114. Справедлив или несправедлив был иной в жизни, можно судить по его же потомству.

115. Украшение мудрых — беспристрастие в сердце, взращиваемое невзирая на лишения или процветание.

116. Если твое сердце сворачивает с пути беспристрастия и погружается в запретное; — знай, ты близок к гибели.

117. Без тени унижения станет взирать мир на того, кто, даже впад в нужду, не сходит с пути справедливости.

118. Украшением истинно мудрых является беспристрастие и уравновешенность, подобная коромыслу весов при равновесных чашах.

119. Справедливое слово есть добродетель беспристрастного сердца.

120. Торговля будет процветать, если станешь заботиться о товарах других, словно о своих собственных.

Глава 13. О САМООБЛАДАНИИ

121. Самообладание возносит тебя в круг небожителей, а необдуманная страсть ниспровергает в крошечную тьму.

122. Нет в жизни большего богатства, чем самообладание. Рассматривай его как сокровище.

123. Если мудрый достигнет самообладания на стезе добра, он обретет славу и блаженство.

124. Величие владеющего собой и не сворачивающего со своего пути возносит его выше гор.

125. Умение довольствоваться малым украшает всех. Но во всем блеске оно сияет в людях богатства.

126. Кто в этой жизни умеет, подобно черепахе, вобрать в себя и подавить пять чувств, обретет счастье и блаженство во всех семи рождениях.

127. Если уж ты не в силах подавить чувства, держи хотя бы в узде язык, ибо он, необузданный, извергает лишние благоразумия слова, в которых ты позднее будешь раскаиваться.

128. Если хоть однажды твое несдержанное слово породит боль в другом, все твои благие деяния исчезнут.

129. Заживает рана, причененная огнем, но не проходит боль, нанесенная языком.

130. Сам бог дхармы совершает при первом же благоприятном случае паломничество к дому постигшего тайны самообладания и умеющего держать свой ум вдали от гнева.

Глава 14. О ДОБРОДЕТЕЛЬНОМ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ

131. Добродетельный образ жизни приносит всеобщее уважение и потому должен цениться выше, чем сама жизнь.

132. С великим тщанием пекись о пристойности своих поступков, и это будет лучшей помощью в любом из твоих исканий.

133. Лишь благородство поступков служит мерилом благородного рождения, а недостойное поведение опускает до уровня низких.

134. Забывший веды брахман может снова их выучить, но целиком потерял свое рождение тот, кто хоть однажды сошел с пути добродетели.

135. Как снедаемого завистью обходит богатство, так лишаются достоинства и величия низкие своими поступками.

136. Могучие духом никогда не сойдут со стези добродетельного поведения, ибо хорошо знают, какие страдания духа причинят себе дурными поступками.

137. Люди добродетельного поведения окружены величием, удел же свершающих дурные деяния — позор и бесчестье.

138. Доброе поведение служит семенем процветания, а путь низости есть источник страданий и лишений.

139. Для человека добродетельного поведения даже в состоянии беспамятования немислимо исторгнуть злое слово.

140. Те, что многому учились, но не ведают, как жить в согласии с миром, суть ученые глупцы.

Глава 15. О НЕОБЛАДАНИИ ЖЕНОЮ ДРУГОГО

141. Глупое домогательство чужой жены не свойственно тому, кто постиг суть дхармы.

142. Среди всех сошедших со стези добра — глупейший тот, кто стоит у порога соседа, объятый жаждой обладания его женой.

143. Замышляющие интриги и вторгающиеся в дом другого являют собой просто-напросто живых мертвецов.

144. Разве может считаться великим тот, кто, обуреваемый вожделием, крадет в чужой дом, не опасаясь бесчестья?

145. Неистребимым позором покроет себя тот, кто, тайком переступив чужой порог, осквернит честь чужой семьи, считая то безделицей.

146. Четыре чувства неотступно преследуют посягающего на чужую жену: злорада, греховность, страх и стыд.

147. Тот может быть назван добродетельным семейнином, кого не соблазняют чары чужой жены.

148. Великая крепость духа, не позволяющая с вожделием взирать на жену другого, есть не только добродетель мудрых, но высший закон их поведения.

149. Если спросят, кто заслуживает процветания в этом мире, омываемом бурными морями, так знай: тот, кто не сжимает в своих объятиях женщину, принадлежащую другому.

150. Пусть ты свершил зло, преступив дхарму; уже то благо, если ты не обольщаешься прелестями чужой жены.

Глава 16. О ВСЕПРОЩЕНИИ

151. Подобно тому как земля держит тех, кто ко-
пает ее, так и ты прощай своих оскорбителей, почитая
это верхом добродетели.
152. С терпением и всегда переноси зло, причиняемое
тебе другими, но лучше вовсе забыть о нем.
153. Нет худшей нищеты, чем нерадушие к гостям, и
нет большего величия, чем терпение к глупцам.
154. Если желаешь сохранить свою силу и стойкость
терпеливо взращивай в себе всепрощение.
155. Мудрые, даже не замечая тех, кто мстит за
зло, на всепрощающего взирают как на золото.
156. Ликование отплатившего злом за зло длится
день, но радость всепрощающего не затихает до смерти
ного часа.
157. Даже если другие причинили тебе зло, самое
лучшее — пожалеть их в сердце своем и отказаться от
возмездия.
158. Всепрощающим благородством победы того, кто
обуреваемый гордыней, нанесет тебе зло.
159. Те, что сносят оскорбительные слова из уст кле-
ветущих, обладают большей чистотой, чем отрешив-
шиеся от мира.
160. Велики своими подвигами аскеты, принимаю-
щие многогрудный обет лишения и поста, но затмева-
ют их те, что прощают злоречие.

Глава 17. О ЗАВИСТИ

161. Пусть ведает каждый, что украшением добродетельной
натуры служит отсутствие в сердце малейших следов
зависти.
162. Ничто не сравнится с высшим даром — полно-
свободой от всякой зависти.
163. Пылающий завистью к богатствам другого обни-
щает себя как человек, не заботящийся ни о добродетели,
ни о богатстве.
164. Зависть не оставит мудрых свершить недобрых
деяния, ибо ведомо им, что бесцельно есть плод грехо-
вых поступков.

165. Зависть — бич того, кем она овладела, ибо если
даже враги пощадят завистника, то его стубит сама за-
висть.

166. Семья взирающего с завистью на щедроты, рас-
точаемые другим, будет нищенствовать, голодная, раз-
детая и обреченная на гибель.

*167. Богиня счастья Лакшми не терпит завистников
и ввергает их заботам своей старшей сестры.

168. Грех, именуемый завистью, рушит богатство и
ввергает душу в пекло страданий.

169. Прощение завистливого сердцем и нужда ве-
ликодушного в равной мере порождают недоумение.

170. Зависть никогда не приводит к богатству, и
чуждый зависти никогда не лишался его.

Глава 18. ОБ ОТСУТСТВИИ ЖАДНОСТИ

171. Семья того, кто, забыв справедливость, домо-
гается чужого богатства, впадет в нищету и погрязнет
в грехах.

172. Тот, чье сердце содрогается при мысли о не-
справедливости, не обесчестит себя ради наживы.

173. Помышляющих о непреходящем счастье не обу-
ревают низменные страсти, и они не свершают недоб-
рых деяний.

174. Те, что овладели своими чувствами и обладают
незаятнанной чистотой мысли, даже в нужде не пося-
нут на чужое богатство.

175. Что пользы в остром уме и широких познаниях,
если их обладателя терзает жадность, толкающая на
безрассудство?

176. Даже на твердо ступающего по пути добродетели
и жаждущего непогрешимой святости обрушится
гибель, если он, алкая богатства, замышляет непохваль-
ные средства к достижению его.

177. Пусть никто не жаждет богатства, добытого
алчностью, ибо созревший плод его не принесет ни доб-
ра, ни счастья.

178. Если желаешь знать секрет неумножения бо-
гатства, принадлежашего тебе, знай, что нужно избе-

гать жадных помыслов о богатстве, лежащем в чужих руках.

179. Богиня процветания Лакшми разыщет и заключит в объятия того, кто, познав могущество добродетели, гонит прочь алчность.

180. Оказавшемуся во власти слепой, бездушной жадности уготована гибель, а гордость, лишенную желаний, вознаграждает успех.

Глава 19. О НЕЗЛОСЛОВИИ ЗА СПИНОЙ ДРУГОГО

181. Пусть даже человек не изрекает слов добродетели и творит греховные дела, — уже то отраднo, если говорят, что он не злословит за спиной другого.

182. Много хуже отступления от дхармы и свершения дурных деяний лживая улыбка в лицо и злословие за спиной другого.

183. Лучше умереть, чем существовать, кривя душой и возводя клевету за спиной другого, ибо смерть несет с собой богатство, состоящее из плодов дхармы.

184. Если ты говоришь резкости в лицо другому, не производи за его спиной язвительных слов, дурных последствий которых ты не можешь предвосхитить.

185. Низость сердца обнаруживается глупостью злословия за спиной другого, хотя уста могут глаголить о дхарме.

186. Перед миром обнажаются самые тяжкие из пороков того, кто злоречив за спиной другого.

187. Кто не постиг искусства добрыми речами привлекать дружбу, своим злословием отгонит от себя и близких друзей.

188. Какими словами не оскорбит сторонних тот, кто по натуре своей склонен злословить за спиной близких друзей?

189. Не иначе, как следуя дхарме, выдерживает мир тяжесть глупца, возводящего клевету за спиной другого

190. Разве осталась бы в мире хоть частица зла, если бы каждый узрел свои грехи в том свете, в каком он видит их в других?

Глава 20. О ВОЗДЕРЖАНИИ ОТ СУЕСЛОВИЯ

191. Пустословными речами разжигающий досаду многих окажется покрытым презрением все и вся.

192. Пустословить в присутствии многих есть больший грех, чем свершать несправедное деяние в отношении близких друзей.

193. Пристрастие к пустым, бездумным словам выдает в говорящем отсутствие достоинства и чести.

194. Празднословие перед лицом многих не принесет говорящему пользы, но отнимет у него добрые качества и честь.

195. Если окруженные уважением погружаются в празднословие, величие и благородство оставляют их.

196. Не называя человека пустословного бахвала, но нареки его шелухой среди людей.

197. Пусть мудрецы, колы этому суждено быть, изрекают недобрые слова; уже то благо, если они не производят суетливости.

198. Зрелые умом, что размышляют над тайнами не переходящей важности, не произнесут слов, в коих не было бы великого смысла.

199. Зрячие, лишенные бельма и свободные от глупых заблуждений, даже в забывти не исторгнут суетливых речей.

200. Если уж говоришь, так говори слова, приносящие пользу, но не производи празднословных речей.

Глава 21. О БОЯЗНИ ГРЕХОВНЫХ ДЕЯНИЙ

201. Обремененного грехами не страшит безрасудство несправедного деяния, но мудрых оно заставляет трепетать.

202. Злонамеренных деяний надобно бояться больше, чем огня, потому как зло порождает зло.

203. Не платить мезью недругу, причинившему тебе зло, — таков венец мудрости, изрекли святые.

204. Не замышляй зла другому даже в забывти. Если же замыслишь зло, то бог дхармы замыслит гильзу замыслившему.

205. Пусть никто не замышляет злонамеренных деяний, обеляя себя своей бедностью. Если свершишь зло, то станешь еще беднее, чем был.

206. Не чини зла другому, если не хочешь, чтобы на тебя обрушились бедствия.

207. Освободившись от погони любого врага, не спасайся от безжалостной кармы, которая не оставит сотворившего зло, пока не добьется его гибели.

208. Подобно тени, неотступно следующей по пятам, злые деяния преследуют сотворившего их вплоть до его гибели.

209. Пусть тот, кто любит себя, не допускает даже мысли о свершении зла, каким бы малым оно ни казалось.

210. Знайте, едва ли бедствия падут на того, кто не сворачивает с праведного пути и не свершает злых деяний.

Глава 22. О ЩЕДРОСТИ СЕРДЦА

211. Щедрость не помышляет о вознаграждении. Что дает земля облаку взамен той влаги, которую оно проливает?

212. Все богатство, скопленное многотрудными заботами, должно быть щедро отдано тем, кто заслужил того.

213. Ни в мире богов, ни на земле невозможно приобрести другого высшего блага, чем щедрость сердца.

214. Живой человек — тот, кому ведомы нужды других. Остальных должно поставить в один ряд с мертвыми.

215. Богатство в руках человека великой мудрости, желającego блага миру, подобно обильному водою роднику, куда ходит все селение.

216. Богатство в руках щедрого мудреца подобно плодосному дереву, созревшему посреди селения.

217. Если богатство переходит в руки великодушного, оно становится подобным неуязвимому целебному дереву.

218. Тот, кто от рождения наделен великодушием, даже в дни нужды не перестанет проявлять свою щедрость.

219. Если щедрый впадет в бедность, это плод того, что не было сделано должное быть сделанным.

220. Пусть вследствие благотворительности приходит разорение; она стоит и того, чтобы продать в рабство самого себя.

Глава 23. О ДАЯНИИ

221. Лишь дар, преподносимый нуждающемуся, есть истинное даяние. Все другое по природе своей рассчитано на возмещение.

222. Принятие дара есть грех, хотя и говорят, что это путь, ведущий к добру, но само даяние есть благо, даже если на небесах нет высшего мира.

223. Лишь благородный рождением приносит даяние без жалких слов о том, как он беден.

224. Даяющий страдает сердцем от просьб о даянии, пока не узрит сияющего лица просящего.

225. Подавление голода говорит о твоей великой власти, но ее затмевает самоотречение, утоляющее голод других.

226. Пусть богатый утоляет смертельный голод нищего. Так он сложит свое богатство в надежную сокровищницу.

227. Зло, называемое голодом, не коснется того, кто привык садиться за еду, поделившись с другими.

228. Ведом ли восторг щедрого даяния жестокосердому скареде, прячущему свое богатство и тем самым закапывающему его в землю?

229. Воистину мерзостней, нежели вымалывать подаяние, вкушать, не делясь с другими, в одиночестве, дабы скопить богатство.

230. Ничего нет печальнее кончины. Но даже она утешительнее бессилия помочь даянием страждущему.

Глава 24. О СЛАВЕ

231. Приносить даяние — значит жить достойно похвалы. В жизни нет высшего, чем это, достижения.

232. Все слова говорящих есть похвала тем великодушным, что протягивают подающие просящим.

233. Все в этом мире подвержено гибели, кроме несравненной высокой славы.

234. Мир нежителен, завидев того, кто сподобился широкой всесветной славы, не станет осыпать похвалами святых.

235. Разорение, подобное процветанию, и смерть, несущая славу, — удел мудрых.

236. Если ты явился в мир, то живи со славой. Тем же, кто не знает ее, лучше совсем не родиться, чем жить так.

237. Ведущие жизнь, недостойную славы, не хулят себя. Зачем же поносят они тех, кто осуждает их?

238. Позор всем живущим на земле, если они не снискали славы, перживающей смерть.

239. Земля, терпящая бремя тела, чуждого славы, лишится своего неизменного великого плодородия.

240. Лишь тот живет, кто живет без позора, и не живет тот, кто живет без славы.

Глава 25. О МИЛОСЕРДИИ

241. Высшее сокровище — это сердце, проникнутое любовью к людям. Обыкновенное богатство можно видеть в руках даже низких людей.

242. Стремись быть милосердным, шествуя по пути добра. И какие бы другие учения ты ни изучал, именно в этом твое освобождение.

243. Милосердные никогда не окажутся в мире, полном мрака и страданий.

244. Милосердный, с любовью взирающий на все живое, может не страдиться деяний, терзающих душу, — так изрекли мудрые.

245. Милосердному не ведомы страдания души. Свидетельницей тому сама необозримая земля с ее всепроникающим ветром.

246. Те, что в поступках своих забывают о милосердии и причиняют зло живым, суть люди, лишенные истинного богатства и предавшие забвению свои страдания в прежних рождениях.

247. Подобно тому как этот мир не создан для лишенных богатства, так мир небес не уготован для лишенных милосердия.

248. Потерявший богатство еще может познать удачу, но утративший милосердие теряют все, и их горькая судьба неотвратима.

249. Чуждый сострадания столь же способен к добродетели, как лишенный светлого разумения — видеть чистую истину.

250. В то мгновение, когда ты вознамерился обидеть слабого, вообрази себя стоящим перед тем, кто сильнее тебя.

Глава 26. О НЕВКУШЕНИИ МЯСА

251. Как может испытывать сострадание пожирающий плоть других живых созданий ради наращивания своей собственной?

252. Как богатство не может удержаться у бездумного расточителя, так не может быть и сострадания у безжалостного плотоядца.

253. Душа отведывающего плоть так же отвращена от добра, как сердце схватившего ружьего оружие.

254. Если спросят, что такое сострадание, так ведай: это неубиение. Убиение — отсутствие сострадания, и что другое прех, как не вкушение мяса.

255. Храм жизни поддерживается огращением от мяса, и ад не выпустит из своих челюстей поедающего мяса.

256. Если люди не станут убивать живые создания ради еды, никто не дерзнет продавать мясо денег ради.

257. Если пожирающий мясо представит себе кровотокащую рану другого живого существа, то он не возжелает вкушать его.

258. Обладающий ясным взором и лишенный пороков не пожелает пожирать плоть другого создания, ставшего с жизнью.

259. Лучше отказаться от убийства и не вкушать мяса, чем предпринять всемогущим богам тысячи даров на жертвенном огне.

260. Все живое воздеет руки, приветствуя не убивающего живые создания и отвращающегося от мяса.

Глава 27. О ТАПАСЕ

261. Переносить страдания и не причинять боли живому — вот в чем величие тапаса.

262. Тапас под силу лишь тем, кто подготовил себя к тому предыдущими рожденьями; бесполезно прини- мать на себя обет лишенным этого.

263. Не забыли ли о собственном тапаса те, кто дает пропитание отрекшимся от земной жизни?

264. Стоит лишь пожелать, и благодаря тапасу можно уничтожить врагов и осчастливить друзей.

265. К тапасу можно обратиться в этой жизни, ибо посредством его осуществятся желания в согласии с желаемым.

266. Принявшие обет аскетизма выполняют свой долг. Все другие, попав в сети желаний, совершают на- прасные погуды во вред себе.

267. Подобно тому как золото, по мере нарастания огня, становится все более чистым и сверкающим, так лишения, по мере возрастания их суровости, все более возвышают способного переносить боль.

268. Люди благоволеют перед тем, кто добился выс- шей власти над собой.

269. Добившийся могущества путем самоотречения сумеет одолеть самого бога смерти.

270. Корни обилия бедных на этом свете в том, что несущих обет тапаса — мало, а избегающих его — тьма.

Глава 28. О ХАНЖЕСТВЕ

*271. Все пять элементов тела засмеются над ханже- ством животного ума.

272. Что пользы в высокой, как небо, важности, если сердце укоряет в ведомых ему грехах.

273. Тот, кто не чувствует силы обуздать себя, но принимает суровый вид, подобен корове, завернутой в тигровую шкуру и шипящей траву.

274. Сверхшающие греховные дела и прикрываю- щиеся аскетизмом подобны охотнику, притаившемуся в кустах и заманивающему в западню птиц.

275. Лицемерные посылки бахвалящихся подавле- нием своих страстей навлекут на них множество несча- стий, так что они будут причитать: «Ах, что мы содея- ли?». «Ах, что мы содеяли?»

276. Нет более жестокосердых, чем те, что живут под личиной святых отшельников, но в душе своей не отреклись от мира.

*277. На земле живут люди, которые, хотя и прекрас- ны внешнеюстью, как орешек кундри, но внутри темны, как черное пятно кундри.

278. Есть множество людей, которые, страдая тай- ными пороками, омываются в священных водах и вы- дают себя за великих отшельников.

279. Стрела пряма, но жестока, лютня крива, но услаждает слух; так и о людях следует судить не по виду, но по их поступкам.

280. Излишне подобно отшельникам обривать голо- ву или отращивать длинные слуганные космы, если ты ведешь себя, избегая порицаемого миром.

Глава 29. ОБ ИЗБЕЖАНИИ ОБМАНА

281. Кто не желает навлечь на себя презрение, пусть оберегает свое сердце от малейшего обмана.

282. Даже тайное помышление о том, чтобы обма- ном присвоить добро другого, есть грех.

283. Нажитое обманом богатство обречено на неот- вратимую гибель, хотя оно и может казаться растущим вне всякой меры.

284. Необузданная жажда присвоения путем обмана принесет в качестве плода нестерпимые мучения.

285. Среди тех, кто дожидается оплошности других, чтобы присвоить их добро, не может быть любвеобиль- ных людей, размышляющих о милосердии.

286. Те, что не в силах вести себя в пределах дозво- ленного, становятся жертвой неудержимой жажды при- своения чужого добра.

287. Величие темного искусства, именуемого воровством, чуждо постигшим могущество, называемое умренностью.

288. Подобно тому как в сердце познавшего умеренность обитает дхарма, так в сердце узнавшего воровство царит мрак.

289. Не овладевшие иным искусством, кроме обмана, сойдут со стези умеренности и в скорости погибнут.

290. Идущему по пути обмана не принадлежат даже тело, обитель души; но мир небожителей непременно примет того, кто чужд обмана.

Глава 30. О ПРАВДИВОСТИ

291. Что называют правдивостью? Речь, лишленную мельчайшей частицы зла.

292. Ложь может быть поставлена вровень с правдой, если она порождает благо без примеси худого.

293. Пусть не исторгают уста твои тех слов, которые сердце твое почитает ложью, ибо, солгав, будешь испелен собственным сердцем.

294. Не ведающий лжи в сердце своем будет пребывать в сердцах всех обитателей этого мира.

295. Те, кто изрекает правду с чистым сердцем, выше принимающих обет отречения и свершающих добрые деяния.

296. Ничто не заслуживает большей похвалы, чем правдивость; все добродетели будут дарованы такому человеку без всяких усилий с его стороны.

297. Живущему в совершенной правдивости излишне строго соблюдать другие добродетели.

298. Внешняя чистота тела достигается с помощью воды, но внутренней чистоты добиваются лишь правдивостью.

299. Все светильники для истинно мудрых не являются светильниками. Их светильник — лишь светильник правдивости.

300. Среди виденного мною прекрасного я не нашел ничего такого, что было бы хоть сколько-нибудь лучше правды.

Глава 31. О НЕЗЛОБИВОСТИ

301. Истинно подавляет зlobу тот, кто умеет смирить себя там, где он в силах причинить зло. Что пользы в том, что бессильный подавляет зlobу или не подавляет ее?

302. Нехорошо проявлять зlobу там, где ты бесилен нанести зло; но нет ничего хуже, чем давать волю гневу, когда ты в состоянии причинить зло.

303. Забудь свой гнев, кем бы он ни был вызван, ибо благодаря ему порождено будет много зла.

304. Существует ли на свете больший враг, чем злоба, убивающая улыбку лица и радость сердца?

305. Тот, кто желает сохранить себя, пусть обуздает гнев. Но коль не сможет подавить его, злоба убьет его самого.

306. Пламя зlobы, пожирающее того, в ком оно толкxает, сожжет и спасительный челн с его близкими.

307. Погибель считающего зlobу ценным достоянием так же неизбежна, как повреждение руки, которой бьешь наотмашь по земле.

308. Даже если боль, причиненная тебе, подобна мучениям среди языков пламени, — не поддавайся гневу, если то по силам тебе.

309. Незамедлительно сбудутся все сокровенные желания сердца у того, кто не держит на душе зlobы.

310. Поддавшиеся неумеренной зlobe подобны мертвым, а освободившиеся от гнева стоят рядом с бессмертными.

Глава 32. О НЕСОВЕРШЕНИИ ЗЛА

311. Наивысшее достоинство незапятнанных сердцем — не причинять зла другим, даже если бы оно доставляло богатство, приносящее славу.

312. Наивысшее достоинство незапятнанных сердцем — не причинять зла в отместие, хотя бы тебе нанесли вред из лютой зlobы.

313. Если ты нанес зло тому, кто причинил тебе боль

без всякой твоей вины, на твою голову падут неотвратимые страдания.

314. Высшее отмщение причинившим тебе зло — отплатить им истинным добром, дабы устыдить их.

315. Какая польза от твоих премудростей, если ты не удерживаешься чужой болью, словно своей собственной.

316. Не причиняй другому того, что для себя ты считаешь болью.

317. Высшая добродетель — никому не причинять дурного даже в мыслях своих.

318. Неужели сознающий, что есть зло для его собственной души, будет причинять боль другой неумирающей душе?

319. Зло, нанесенное другому утром, возвратится к тебе вечером.

320. Все причиненное другим зло возвратится назад и покроет содеявших зло, и желающий быть свободным от боли не пожелает причинять боль.

Глава 33. О НЕСОВЕРШЕНИИ УБИЙСТВА

321. Если спросят, что есть поведение, предписываемое дхармой, — так ведай: это несовершенство убийства. Убийение приносит всякую дурную карму.

322. Вкушать, делясь едой с другими, и оберегать жизнь многих — таков высший из всех заветов, оставленных творцами священных вед.

323. Несовершенство убийства есть высшая из добродетелей; прекрасна и неживость, что стоит все же за несовершением убийства.

324. Если спросят, что называется мудрецами стезей добродетели, так знай: это путь добра, внушающий, что нельзя убить даже ничтожнейшее из живых созданий.

325. Величайший из всех отрехшихся от мира, убоявшихся непостоянств земного существования есть тот, кто устранился убийства и стремится к несовершению убийства.

*326. Жизнепожирающий Яма не будет вторгаться в дни жизни того, кто ставит превыше всего несовершенство убийства.

327. Даже если бы твоей душе грозило отделение от

тела, не совершай поступка, который бы огнемал сладкую жизнь у другого существа.

328. Каким бы большим ни было богатство, для мудрых богатство, приносимое убийством, есть мерзость.

329. Для постигших суть низости люди, отнимающие жизнь у живых созданий, суть свершители подлых поступков.

330. Мудрые изрекают, что ведущие страдальческую, нищую жизнь, больные неизлечимыми недугами тела суть те, что в прошлом рождений отделили у другого душу от тела.

Глава 34. О СУЕТНОСТИ ЗЕМНОГО

331. Верх глупости — принимать проходящее за не проходящее.

332. Большое богатство подобно толпе, стекающейся на танцевальные представления, и уходит оно точно так же, как рассеивается толпа по окончании танцев.

333. Преходяща природа богатства, и если уж ты завладел им, тотчас приступай к свершению деяний, природа коих непреходяща.

334. Нечто, называемое днем, представляется сушим пустяком, но для способных отсекающих жизнь — это меч, мало-помалу отсекающий жизнь.

335. Пока твой язык не лишился силы и к горлу не подступила старческая икота, спешి свершать благие деяния.

336. Этот мир славен великим чудом: вчера еще человек жил, а сегодня его уж нет.

337. Человеку не дано знать, проживет ли он хотя бы день, но суетных мыслей у него не миллион, а много больше.

338. Скорлупа остается брошенной, птица покидает ее и улетает прочь, — так же обрывается связь души и тела.

339. Смерть подобна отходу ко сну, а рождение — пробуждению от сна.

340. Неужели душа, стремящаяся найти убежище в теле, так и не обретет для себя надежного пристанища?

Глава 35. ОБ ОТРЕЧЕНИИ ОТ ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

341. Отрешишься от земных привязанностей и испытываешь боли, порождаемой ими.

342. Если хочешь жить без страданий, отрешись от земной жизни, пока еще можно начать другую; после отречения есть много отрадного в этом мире.

343. Следует подавить ощущения пяти чувств и оставить разом все свои желания.

344. Не владей ничем — таково истинное условие отречения от земной жизни; обладание чем-либо вновь приведет к блужданиям ума.

345. Для жажущих отрезать себя от перерождений — даже тело обуза. Какой же прок в других привязанностях?

346. Подавляющий гордыню, что изрекает «я», «мое», вступит в мир, возвышающийся над тем, где обитают боги.

347. Завота и скорбь неразлучны с теми, кто неоступно держится за свои привязанности.

348. Отрекишься от земной жизни оказались на свете, ведущей к освобождению; все дружное попадают в сети светных блужданий.

349. Лишь расставшись с земными узами, ты избавишься от перерождений. На другом пути ты испытаешь светность земного.

350. Привяжись привязанностью к лишенному привязанностей; держись этой привязанности, дабы отрешиться от других привязанностей.

Глава 36. О ПОСТИЖЕНИИ ИСТИННОГО

351. Благодаря восприятию разума, принимающего истинное за истинное, душа снова окажется в низком рождении.

352. Ясноokie, свободные от бельма в глазу и чуждые светных блужданий разума, обойдут тьму и обретут ликующее спасение.

353. К тем, что освободились от сомнений и постигли истинное, небо ближе, чем земля.

354. Даже если достигнуто знание посредством пяти чувств, в нем нет пользы для тех, кто не постиг истинного.

355. Какой бы ни была вещь и какой бы природой она ни обладала, мудрость означает умение отличать в этой вещи истинное от ложного.

356. Те, что глубоко познали и постигли истинную правду этой жизни, вступят на путь, который не приводит снова в этот мир.

357. Если разум, вникая, постигает истинное бытие, то ему безусловно не должно размышлять о грядущих перерождениях.

358. Сушая мудрость означает постижение подлинной истины, несущей спасение, дабы избежать неведения, именуемого рождением.

359. Если познавший истинно сущее, поддерживающее бытие, ведет себя так, чтобы освободиться от привязанностей, неотступные в этом мире страдания не приблизятся к нему снова.

360. Страдание умирает для человека, освободившегося от трех зол — вождения, озлобленности и заблуждения ума.

Глава 37. ОБ ИСКОРЕНЕНИИ ЖЕЛАНИЯ

361. Мудрые изрекли, что желание есть семя, присущее всем живым неизбежные страдания рождения.

362. Если стоит чего желать, так это прекращение рождений. И это придет к тебе, когда ты пожелаешь освобождения от желаний.

363. В этом мире нет большего богатства, нежели отсутствие желаний. И ни в каком другом мире нет сокровища, равного ему.

364. Чистота означает свободу от желаний, и это придет к тебе, если пожелаешь постичь истинное.

365. Победившие желания зовутся освободившимися от привязанностей, и все другие не свободны от пут.

366. Желание затягивает человека в сети обмана и разочарования, и дхарма есть боязнь и избежание желаний.

367. Если ты полностью отрешись от желаний,

О ПОЛИТИКЕ

спасение души придет к тебе тем путем, каким ты этого пожелаешь.

368. Скорбные горести не придут к отрешившимся от желаний, но если ты обуеваем ими, страдания одна за другим подступят к тебе.

369. Если отрешиться от желаний — горести среди горестей, радость твоя будет нескончаемой.

370. Убив желание с его ненасытным нутром, обретешь непреходящее блаженство.

*Глава 38. О КАРМЕ

371. Благодаря благой карме, сулящей богатство, рождается неуклонная решимость, а благодаря дурной карме, уносящей богатство, возникает леность.

372. Дурная карма, предрекающая падение, при появлении своем превращает мудрость в глупость, а благая карма, сулящая процветание, увеличивает мудрость.

373. Даже если ты прочитал тьму ученых книг, все равно берет верх истинное знание.

374. Несоединимо двойственна природа обитающих в мире: одно — обладатели богатства, другое — обладатели истинного знания.

375. Для создания богатства все доброе предопределеннее превращается в порочное и порочное — в доброе.

376. Как бы ревниво ты ни оберегал то, что не суждено тебе кармой, оно не останется в твоих руках; но то, что суждено кармой, не уйдет, даже если ты станешь его намеренно разбрасывать по сторонам.

377. Даже скопившим десятки миллионов не суждено ликовать, иначе как по жребию, брошенному Вершителем.

378. Лишенные радости нищие вступили бы на путь отречения от земной жизни, если бы, увы, не было им определено переносить неизбежное.

379. Отчего ликующие в минуты, когда выпадает доброе, предаются печали, когда суждено прийти злу?

380. Есть ли более мощная сила, чем карма? И какие бы замыслы ни плелись с целью избежать ее, она все равно выступит вперед.

*Глава 39. О ВЕЛИЧИИ ВЛАСТЕЛИНА

381. Тот есть лев среди повелителей, кто обладает шестью силами: войском, народом, богатством, советниками, друзьями и крепостями.

382. Бесстрашие, великодушие, мудрость и энергия — только все эти четыре качества без изыятия составляют характер истинного правителя.

383. Неусыпность духа, глубина знаний и решительность — все эти три качества неотъемлемы от повелителя страны.

384. Истинно правитель тот, кто, неуклонно соблюдая дхарму и избегая недхармы, свято блюдет свое достоинство и не нарушает долга кшаत्रия.

385. Истинно повелитель тот, кому ведомо, как соиздавать богатства и как накапливать сокровища, как оберегать их и распределять высокою похвалу повелителю.

386. Мир вознесет высокою похвалу повелителю, если к нему легко найти доступ и если он не резок в речах своих.

387. Могучему правителю, расточающему милосердие и щедрость с ласковым словом, мир воздаст свою похвалу и станет таким, каким правитель пожелает его увидеть.

388. Повелитель, справедливо правящий страной и оберегающий своих подданных, почитается своим народом как бог.

*389. Мир спокойно пребывает под зонтом монарха, надленного добродетелью терпеливо сносить слова, которые режут слух.

390. Тот светоч среди правителей, кто обладает всеми четырьмя добродетелями: великодушием, милосердием, справедливостью и заботой о подданных.

*Глава 40. ОБ УЧЕНИИ

391. Без упущений изучай должное быть изученным, а после изучения действуй в согласии с изученным.

*392. Мудрые изрекли, что у каждого живого человека два глаза: один из них называют цифрами, другой — буквами.

393. Лишь умудренные знанием могут быть названы наделенными глазами, а на лице невежд вместо глаз две звы.

394. Обаяние умудренных знанием таково, что встреча с ними наполняет ликованием, а расставание с ними заставляет думать о новом свидании.

395. Подобно тому как нищий униженно склоняется перед богачом, вымаливая подавание, так и незнающий, словно последний человек, должен стоять перед обладающим знанием.

396. Чем глубже роют в песке колодец, тем обильнее и чище влага, что брызжет высь; точно так же, чем больше люди углубляются в знания, тем чище и обильней струится мудрость из глубины знаний.

397. Для умудренного знаниями любой край, какое селение — родина. Отчего же иные вплоть до самой смерти стоят на пути невежества?

398. Знания, что приобрел ты в одном рождении, принесут тебе радость и наслаждение во всех семи рождениях.

399. Когда умудренные знанием видят, что приводящее их в восхищение восторгает мир, они испытывают ликование.

400. Знание есть превосходное и неуничтожимое богатство человека. Все прочее лишено подлинной ценности.

Глава 41. О НЕУЧЕНОСТИ

401. Говорить с учеными, не обладая обширным знанием, все равно что играть в шахматы без поделенной на квадраты доски.

402. Лишенного знаний невежда так же подмывает желание блеснуть своим красноречием в кругу ученых, как женщину, лишенную обеих грудей, обуревают жажды покорить своими прелестями.

403. Даже невежды могут прослыть людьми весьма достойными, если они не развезают уст перед лицом многоумудрых.

404. Какой бы поражающе глубокой ни была мудрость необразованного, умудренные знанием не будут внимать его словам.

405. Стоит лишь презирающему знание начать свою надменную речь в собрании мудрых, как тотчас же рождается скука.

406. Лишенные знаний подобны бесплодному солончаку, и о них можно сказать лишь только то, что они существуют.

407. Приятная наружность чуждого знаний и не пронышего в тайны глубокого и величественного подобна красоте разукрашенной глиняной статуэтки.

408. Прощетание, выпавшее на долю невежды, поистине много горше нищеты, терзающей умудренного знанием человека добродетели.

409. Невежда, будь он и благородного рождения, не может сравниться достоинством с умудренным знанием, даже если тот и низкого рождения.

410. Как люди отличны от животных, так изучившие сверхающие священные книги отличны от прочих людей.

Глава 42. ОБ УМЕНИИ ВНИМАТЬ МУДРОСТИ

411. Богатство, которое мы получаем, внимая мудрым речам, есть сокровище среди сокровищ. Это богатство выше всех богатств.

412. Когда люди не в состоянии вкушать пищу мудрости, что радовала бы слух, то хоть нечто малое должно быть даровано желудку.

413. Наделенные даром внимать мудрости, служащей яством для слуха, подобны богам, живущим жертвенными приношениями.

414. Даже не обрета знаний, внимай совету мудрых. Это послужит тебе надежным посохом в бедствии.

415. Мудрый совет из уст наделенных добродетельным поведением служит верным посохом тем, кто идет по скользкому месту.

416. Склоняй свой слух к добрым, пусть даже и не многим словам мудрости, и это принесет тебе в той же мере величественное достоинство.

417. Способные вдумчиво внимать, глубоко постигшие мудрое не обронят нелепости, даже превратно понав.

418. Ухо, непроницаемое для мудрых речей, хотя и слушает, но не способно услышать.

419. Не умеющие внимать проникновенным истинам мудрых едва ли будут почтительны и скромны в своих речах.

420. Что пользы в том, что умирают или живут те жалкие невежды, кому знакомо лишь ощущение языка, но не ведома прелесть слуха?

Глава 43. О МУДРОСТИ

421. Мудрость — оружие, оберегающее от любой опасности. Это крепость, куда не просочиться и которую не одолеть врагам.

422. Мудрость помогает избежать зла, не позволяя чувствам устремляться, куда те рвутся, и приводит прямо к добру.

423. Мудрость — умение постигнуть сущую истину во всем, что приходится слышать, из чьих бы уст то ни исходило.

424. Мудрость означает способность говорить так, чтобы смысл становился доступен, и распознавать сокровенный смысл сказанного другими.

425. Проницательный ум полагает в нежные объятия мира. Мудрость — это нечто, не ведающее ни цветения, ни увядания.

426. В каком бы состоянии ни пребывал мир, мудрость означает умение жить в согласии с миром.

427. Наделенные мудростью знают, чему суждено быть, но не знают этого лишённые разума.

428. Безрассудная глупость не боится того, чего должно бояться. Мудрость мудрейших — в боязни того, чего следует бояться.

429. Мудрейшие, способные восхитить грядущее зло и уберечься от него, не испытывают несчастий, рождающих ужас.

430. Наделенные мудростью обладают всем, но лишённые мудрости суть нищие, даже если они обладают чем-то.

Глава 44. О ПОБЕЖДЕНИИ ПОРОКОВ

431. Наделено величием богатство чуждых гордыни, озлобленности и низости.

432. Скарденость, отсутствие благородства и склонность к недостойным наслаждениям суть пороки для повелителя.

433. Стыдящиеся и трепещущие позора даже претрепещут величием в крохотное семя проса воспринимая так, словно оно размерами с громадную пальму.

434. Пусть всякий стремится уберечь себя от пороков, считая то главной заботой. Порок — тот недруг, что принесет тебе погибель.

435. Жизнь того, кто не оберегает себя перед грядущим злом, обречена на гибель в пороке, точно колна соломы в жарком огне.

436. Разве наделен правитель пороками, если он замечает прегрешения других, лишь победив свои собственные пороки?

437. Богатство скареды, не совершающего должного быть свершенным, погибнет без всякой славы.

438. Алчность, идущая из сердца, привязанного к богатству, не может быть сравнима ни с чем. Это особый порок.

439. Пусть никто никогда не востергается самим собою и не возжелает свершить деяния, не приносящего блага.

440. Если ты способен наслаждаться любовью к людям, а не втайне от других, козни твоих недругов окажутся напрасны.

Глава 45. О СНИСКАНИИ ДРУЖБЫ ВЕЛИКИХ

441. Старайся снискать дружбу обладающих зрелой мудростью и познавших дхарму, взвесив их истинные достоинства.

442. Стремись снискать дружбу способных избавить тебя от постигших страданий и заранее уберечь тебя от надвигающихся бедствий.

443. Труднейшее из трудного — обрести привязанность великого мира сего, дабы сблизиться с ним.

444. Высшая из всех способностей — вести себя так, чтобы сделать близким другом того, кто превосходит тебя.

445. Поскольку правитель действует по назиданию своих мудрых приближенных, пусть юн в зрелом благоразумии приобретает себе много мудрых советников.

446. Бессильны что-либо учинить недруги против того, кто способен действовать как близкий друг высокодостоинного человека.

447. Разве кто в силах одолеть и погубить правителя, умеющего ценить дружбу мудрых, способных бороться, умеющего ценить дружбу мудрых приближенных, сит ему резкий укор в ошибках?

448. Властелин, лишенный мудрых приближенных, что способен упрекнуть его в ошибках, пребывает без телохранителей, и он гибнет, даже если и нет врагов, собирающихся погубить его.

449. Подобно тому как лишенные больших денег не имеют дохода, нет постоянного положения у лишенных дружбы и поддержки сильных.

450. Махать рукой на дружбу добродетельных мудрецов подинно в десятки раз глупее, чем приобретать для себя множество врагов.

Глава 46. О ВОЗДЕРЖАНИИ ОТ ДРУЖБЫ С НИЗКИМИ

451. Подлинное величие страгится близости с низкими. Низкий окажется окруженным низкими, как своим близкими друзьями.

452. Качества воды определяются землей, по которой она течет; так и разумение в людях зависит от добродетельности их друзей.

453. Понимание людей проистекает от ума, а суждение о человеке происходит от знания его друзей.

454. Знание кажется идущим от разума, но оно есть плод той близости с друзьями, которую поддерживает человек.

455. И чистота ума, и непогрешимость поступков — то и другое имеет своей опорой чистоту твоей дружбы.

456. Добродетельно будет погостство незапятнанного сердцем, и не совершит недобрых деяний стремящийся к чистоте дружбы.

457. Чистота сердца — сокровище для жизни человека, и чистота дружбы принесет всечасную похвалу.

458. Хотя бы мудрецы и обладали полной мерой доброты, благо дружбы и для них служит опорой и щитом.

459. Освобождение души обязано чистоте разума, который обретает стойкость благодаря благу дружбы.

460. Нет выше поддержки и покровительства, чем чистосердечная дружба, и ничто не порождает больших страданий, нежели порочная близость.

Глава 47. О ПРОДУМАННОСТИ ДЕЯНИИ

461. Глубоко проникни мыслью в то, что будет утрачено и что приобретено, какова польза, что принесет задуманное деяние, и лишь затем приступай к свершению.

462. Нет непостижимого для того, кто действует, держа совет с избранным кругом друзей и размышляя сам.

463. Обладающие подлинной мудростью не дерзнут свершить деяние, которое, имея целью наживу, может погубить все состояние.

464. Боящийся оплошности, порождающей укоризну и насмешку, не приступит к свершению деяния, лишеного для него ясности.

465. Приступать к свершению деяния, не продумав заранее и не проникнув в его тонкости, есть один из путей взращивания твоих врагов на плодородном поле.

466. Обречен на гибель свершающий поступки, что не следует свершать; обречен на гибель и не свершающий поступков, что надобно свершить.

467. Приступай к деянию по зрелом размышлении. Неразумно говорить: «Обдумаем после того, как начнем».

468. Усилия, затрачиваемые не на правильной стезе, пропадут зря, даже если сонм людей стоит рядом и помагают тебе.

469. Даже при свершении добрых деяний возможен изъяс, если к ним приступают, не взвешивая зрело достойнств всех тех, ради кого свершается деяние.

470. Надлежит глубоко обдумать поступок, что не будет осужден людьми, а затем уже приступать к его свершению. Мир не одобряет тех поступков, которые не одобряются самим тобой.

Глава 48. О ПОЗНАНИИ СИЛЫ

471. Приступай к делу, взвесив трудности его, свою собственную силу, силу твоих врагов и силу друзей.

472. Не постигнет неудача того, кто, приступая к деянию, понимает, что осуществимо, и знает пути средства к его осуществлению.

473. Многие из не знавших своей собственной силы в разгаре осуществления своих замыслов.

474. Скорая гибель ожидает чуждого спокойствия в своем поведении, не ведающего меры и восхищающегося самим собой.

475. Даже лавинных перьев не выдержит повозка, если этот легкий груз наваливать чрезмерной массой.

476. Взбравшийся на самую верхушку дерева рискует заплатить жизнью, если он, объятый жаром, не удержимо рвется вверх.

477. Свершай даяние, следуя стезей добра и зная меру своему состоянию. Это путь, оберегающий богатство и дозволяющий делиться им с другими.

478. Даже если приток твоих доходов мал, тебя не постигнет погибель, коль поток твоих расходов не слишком широк.

479. Жизнь не ведающего умеренности представляется то процветающей, то ничтожной, и в конце ее ожидает бесследная гибель.

480. Процветанию придет скорый конец благодаря отлаге расточительности, не взвешивающей меры своих возможностей.

Глава 49. ОБ УМЕНИИ ВЫБРАТЬ ВРЕМЯ

481. Ворона одерживает победу над совой средь бела дня; подобно этому, и властителю нужно подходящее время, чтобы одолеть своих врагов.

482. Дела, свершаемые в согласии со временем, служат канатом, что накрепко привязывает к властелину богино удачи.

483. Ежели ты приступаешь к свершению замысленного, выждав удобное время и привлекши надлежательные средства, то существует ли для тебя в мире нечто такое, что может быть названо трудноосуществимым?

484. Если повелитель решается на действия в согласии с местом и временем, он добивается триумфа, даже замыслив покорить весь мир.

485. Повелитель, замысливший покорить мир, будет терпеливо ждать удобного времени, не расстраивая ожиданием свой ум.

486. Наделенный огромной энергией пусть обладает тем же терпением, что и воинственный баран, отступающий назад с намерением рвануться вперед и сокрушить другого в броске.

487. Обладающий светлой мудростью не взорвется от ярости тотчас же, но будет взращивать свой гнев в глубине сердца, выжидая благоприятного времени.

488. Если ты встретился со своим врагом в неподходящую минуту, прояви самообладание и выкажи ему

уважение. Когда ты увидишь, что его смертный час настал, голова супостата сама скатится к твоим ногам.

489. Когда приходит удобный случай добиться трудного достижимого, тут же, не колеблясь, решайся на то, что кажется невозможным.

490. Улодобься цапле, что оживает свои крылья в ожидании нужной минуты, но действуй с ее же решительностью, когда настало время.

Глава 50. ОБ УМЕНИИ ВЫБРАТЬ МЕСТО

491. Не приступай к каким-либо действиям и относись без всякого презрения к силам своего врага, если ты не выбрал места для сокрушения его.

492. Даже наделенным мощью, соединенной с воинственностью, многое даст обладание сильной крепостью.

493. Даже лишенные большой силы превратятся в обладателей мощи, если они умеют выбрать нужное место и осмотрительно действовать против врага, стоящего на страже.

494. Если, выбрав надежное место, начинаешь действовать с осторожностью, то замышлявшие победу твои недруги расстанутся с этими мыслями.

495. Всемогущ крокодил в глубокой воде, но стоит ему выйти из нее, и другие твари с легкостью одолеют его.

496. Громадная колесница с большими колесами не помчится по морю, и судно, стремительно плывущее по морю, не понесется по земле.

497. Если ты приступаешь к действиям, продумав все без упущения и выбрав надежное место, то не нужна никакая другая поддержка, кроме бесстрашия.

498. Если предводительствующий небольшим войском укрепит в надежном месте, он лишит уверенности врага, обладающего огромным войском.

499. Трудно одолеть народ на его собственной земле, даже если он лишен и мощных крепостей, и других преимуществ.

500. Над слоном, что бесстрашно, не моргнув глазом, способен отражать копыа, одержит верх лиса, если его ноги завязнут в болотной трясине.

Глава 51. О ДОВЕРИИ К ЛЮДЯМ ПО ИСПЫТАНИИ ИХ

501. Всякий достоин доверия лишь после испытания в нем четырех достоинств: прямиренности к дхарме, устремления к богатству, пристрастия к наслаждениям и страха за свою жизнь.

502. Пусть твое доверие будет высказано обладателю скромности, родившемуся в добродетельной семье, лишенному пороков и страшашемуся падения.

503. Даже в постигших непостижимо трудное и чуждых пороков редко встретишь полное отсутствие незнания.

504. Оцени в другом достойные качества, познай в нем и плохое — и то, чего в нем больше, считай его сущностью.

505. Пробным камнем, определяющим либо величие людей, либо их низость, служат их собственные деяния.

506. Будь благоразумно осмотрителен в доверии к тем, кто лишен близких, ибо сердца их чужды привязанности и их не объемлет стыд за позор.

507. Доверчивость даже к познавшим мудрое, идущая от чувств внезапно вспыхнувшего благоговения, приведет тебя ко всякой глупости.

508. Проникший доверием к другому без испытания его достоинств обрушит на голову своего потомства бесчисленные горести.

509. Не проникайся доверием к человеку, не познав поначалу его качеств, и после испытания доверий ему дело в согласии с его достоинствами.

510. Как доверие без должного испытания, так и позырительность к снискавшему твое доверие низвергнут на тебя неизлечимые страдания.

Глава 52. О ПРИВЛЕЧЕНИИ К СЛУЖБЕ ПО ИСПЫТАНИИ

511. Тот достоин службы, в ком, изучив доброе и порочное, ты обнаружил характер, устремленный к свершению добра.

512. Пусть вершит делаами правления способный увеличить доходы казны, взрастить богатства и предвосхитить угрозы.

513. Пусть выбор твой падет на наделенного в достатке вот этими четырьмя достоинствами: верностью правителю, глубоким знанием, светлым разумом и свободой от алчности.

514. Множество подданных стали иными под влиянием службы, даже после того как их достоинства были испытаны всеми возможными путями.

515. Службу не должно доверять почитающему тебя за совершенного и никому другому, кроме как познавшему суть дела и исполняющему его с терпением.

516. Изучи советника, коему надлежит нести службу, познай существо дела и в благоприятствующее время повели свершить деяние.

517. Глубоко убедив себя, что приближенный способен свершить это деяние должным образом, доверяй ту службу тому приближенному.

518. Уяснив пригодность подданного к свершению доверяемого дела, возвысь его в той мере, чтобы он оказался способен исполнить оное.

519. Богатство и удача покинут того правителя, что прератно толкует дружественную привязанность своего приближенного, обнаруживающего рачительность в служении.

520. Пусть владыка страны держит под неусыпным надзором службу приближенных. И коль не погрязнет в неправде свершающий службу сановник, то и миру не будет свойственна неправда.

Глава 53. О ПОДДЕРЖИВАНИИ БЛИЗКИХ

521. Проявление прежнего дружеского расположения даже и в дни утраты привязанности обнаруживается лишь в близких.

522. Если тебе ниспосланы близкие с их неизменной любовью, то это богатство, крепость коего несокрушима, принесет тебе множество даров.

523. Жизнь лишенного дружественных общений с близкими подобна подводному бассейну, лишенному берегов и потому теряющему воду.

524. Благо, приносимое богатством, означает жизнь в окружении близких.

525. Если ты щедр в даянии и речь твоя ласкова, то ты будешь во много раз больше окружен близкими.

526. Если властелин наделен щедростью и не взращивает в себе злобы, то не найдется в обширном мире никого, кто имел бы больше близких, чем он.

527. Не пряча добытое, ворона громким криком съедает своих подруг и ест вместе с ними. И процветание также сопутствует лишь тем, кто наделен доброй натурой.

528. Если поведитель не взирает на подданных безразличным оком, но о каждом судит согласно его достоинству, то многие, увидев сие, будут жить добрыми чувствами к властителю.

529. Некогда близкие тебе, но затем порвавшие узы дружбы вернутся вновь, как только исчезнет причина их недружелюбия.

530. Если приближенный отошел от правителя, а затем вернулся с тайным намерением, пусть властитель лишь по глубокому размышлении примет его.

Глава 54. О ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТИ

531. Беспечность, вызванная восторженным ликованием, много хуже, нежели прешедшая мера ярость.

532. Беспечность, погубивши добрую славу, точно так же, как непрерывное нищенство, убьет мудрость.

533. Добрая слава чужда беспечным — таково суждение мудрецов всех верований в этом мире.

534. Для исполненных страха нет надежной крепости, так лишены благодати жизни обладающие беспечностью.

535. Потерпевший неудачу оттого, что не оберегался заранее, испытывает горькие терзания за свою оплошность.

536. Если ты умеешь быть предусмотрительным в отложении всего, в любое время и безо всякого упущения

ния, в мире не найдется ничего, что можно было бы сравнить с этим.

537. Если ты поступаешь осмотрительно и рачительно, для тебя не будет непостижимо трудных дел.

538. С благодарением исполняй деяния, снискавшие лохвалу святых мудрецов, и нерадивым, не свершившим этого, нет блага во всех семи рожденьях.

539. В мгновения, когда тебя обуревают безумство беспечного ликования, вспомни погубивших себя забвением дел.

540. Свершения задуманного легко добиться, удачная живая непрестанно в памяти то, что ты замыслил.

Глава 55. О СПРАВЕДЛИВОМ ПРАВЛЕНИИ

541. Править справедливо — значит глубоко постигать суть дела, властвовать без лицемерия, свершать деяния, внимая совету мудрых.

542. Весь мир живет, возводя очи к небу в ожидании живительного дождя, так и народ ждет правосудия, взирая на скипетр правителя.

543. Скипетр справедливого правителя служит подержкой священному учению брахманских вед и дхарме.

544. Мир падает ниц, лобзая стопы могущественного правителя, который поднимает скипетр справедливости к своим подданным.

545. Страна правителя, поднимающего скипетр справедливости и блага ради, славна и целительным дождем, тучным урожаем.

546. Не копые принесит триумф правителю, но его справедливый скипетр, колы он не покривится.

547. Если властелин, повелевающий землею, неуступчиво поддерживает справедливость, то само же правосудие охранит его.

548. Властитель, недоступный подданным, не державший совета с приближенными и не поступающий в согласии со справедливостью, погрязнет в низости и погубит самого себя.

549. Немилосердно карать пороки, оберегая подданных от врагов внутри и вне страны, — не преступление, но долг правителя.

550. Карать смертью жестоких преступников — то же, что выпалывать сорняки в зеленых посевах.

Глава 56. О ЖЕСТОКОМ ПРАВЛЕНИИ

551. Свирепый правитель, свершающий неправедные деяния, много хуже избравших своим ремеслом убийство.

552. Просьба поднявшего скипетр властелина подобна окрику «давай» из уст грабителя, что замахнулся на свою жертву копьём.

553. Страна, властитель коей не провергает каждое дело и не вершит правосудия, гибнет ото дня ко дню.

554. Властелин, кривящий скипетр справедливого правления и не обращающийся к мудрым за советом, лишится разом и богатства, и подданных.

555. Слезы, что проливают подданные, страдающая нестерпимых бедствий, идущих от деспота, — разве не та сила, что рушит его богатство?

556. Справедливое правление упрочивает величие правителя, но, если власти чуждо правосудие, угасает непостоянный светильник владыки.

557. Души подданных страдают без правосудия, так же как пересохла земля без влаги.

558. Горше нищеты удел богатого, что попадает под скипетр правителя, который не вершит вопреки правосудию.

559. Когда повелитель поступает вопреки правосудию, даже небо не испустил ко времени дождя и на землю не прольется влага.

*560. Если властитель, оберегающий подданных, не станет их охранять правосудием, то сойдут на него даяния коров и мудрецы забудут свои священные книги.

Глава 57. О НЕСОВЕРШЕНИИ ДЕЯНИЙ, НАВОДЯЩИХ СТРАХ

561. Властелин тот, кто должным образом вникает в совершенное беззаконие и карает преступившего за-

кон сообразно его вине так, чтобы он никогда не обра-
тился на этот путь снова.

562. Пусть властелин, желающий поведовать долгие
годы, грозно замахиивается скипетром и мягко опускает
его.

563. Если жестокосердый властелин правит, наводя
на подданных ужас, его ждет верная и скорая погн-
бель.

564. Злоречивая молва, идущая в народе и разгла-
шающая свирепость властелина, уменьшит дни его жи-
зни и низринет на него скорую гибель.

565. Громадные богатства властелина, двери кото-
рого закрыты для подданных и лик которого грозен,
подобны сокровищам, охраняемым драконом.

566. Если уста властителя исторгают жестокие слова
и взор его чужд милосердия, богатства, скопленные го-
дами, найдут скорый конец.

567. Жестокие речи и превышающие меру наказа-
ния — тот напильник, что подточит могущество всемогу-
щего властителя.

568. Бездумный повелитель, презирающий совет при-
ближенных, лишится богатств и власти, если он, усту-
пая злобе, свирепеет.

569. Жестокого правителя, не воздвигшего в долж-
ное время защитных крепостей, нежданная война повер-
гает в ужас и приводит к быстрой гибели.

570. Для земли нет большей тяжести, чем жестоко-
сердая власть, склоняющая свое ухо к невеждам и
глупцам.

Глава 58. О БЛАГОЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ

571. Этот мир существует благодаря величайшему
благу, называемому благожелательностью правителя.

572. Прелести мира исходят от благорасположенно-
сти, и люди, лишенные ее, тягостны для земли.

573. Что пользы от мелодии, если она не годится для
пения? Какой прок от глаз, если их взор лишен благо-
склонности?

574. Что пользы в глазах, хотя и расположенных на
лице, но лишенных в должной мере благожелатель-
ности?

575. Благоосклонность взора — алмаз, украшающий
глаза, и если они лишены ее, то на них должно смог-
реть как на зияющую рану.

576. Обладающие глазами, но чуждые благосклон-
ности взора подобны изваянию из дерева и глины.

577. Чуждые благожелательности во взоре лишены
глаз, и у истинно обладающих зрением не может не
быть благожелательности взгляда.

578. Этот мир принадлежит способным взирать с бла-
гожелательностью без нанесения ущерба доброму делу.
579. Высшая добродетель — с благожелательностью
взирать даже на тех, кто достоин наказания.

580. Стремящиеся постичь высшую учтивость, до-
стойную восхищения, будут спокойно восседать, даже
выпив напиток, в который — они видели — подсыпан яд.

Глава 59. ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СОГЛЯДАТЕЛЕВ

581. Пусть властитель ясно сознает, что великая
книга законов и соглядатайство — два его глаза.

582. Обязанность правителя — мгновенно узнавать
все, что случается с каждым подданным в любую ми-
нуту.

583. Повелитель, не осведомленный соглядатаями и
не ведающий правды о происшедшем, лишен надлежа-
щих условий для одержания побед.

584. Тайная служба властелина должна держаться под
своим оком всех сановников, вершащих дела, близких
и родичей правителя, а равно и его соперников.

585. Истинный соглядатай не должен вызывать подо-
зрений, страшиться чужого взгляда и выдавать себя.

586. Истинный соглядатай, являясь в обличье отре-
шившегося от земной жизни, проникает в недоступные
места, узнает нужное и не обнаруживает себя, что бы
ни стряслось с ним.

587. Надежный соглядатай проявляет изворотли-
вость в разведывании тайн и секретов и лишен сомне-
ний в истинности того, что он узнал.

588. Доносение, представленное соглядатаем, надле-
жит проверить с помощью другого соглядатая.

589. Пусть властитель постушает так, чтобы один

соглядатай не знал другого; доверять же должно несениям, представленным разом тремя лазутчиками.

590. Пусть повелитель не вознаграждает своих соглядатаев публично. И если он поступит так, то соглядатай сам окажется тем человеком, что сорвет покров с тайны.

Глава 60. О РВЕНИИ

591. Лишь наделенные рвением могут быть названы богатыми. Но могут ли обладать чем-либо лишенные его, даже если они и обладают чем-нибудь?

592. Истинное богатство — рвение, ибо обычным богатством обладают недолго и оно навечно исчезает.

593. Наделенные богатством неувяного рвения не познают страданий отчаяния и не возопят: «Мы лишлись своих богатств!»

594. Богиня удачи сама распросит дорогу и придет к наделенному неудержимым рвением.

595. Высота стебля лотоса зависит от того, насколько глубока вода, поддерживающая на себе цветок; так и люди поднимаются вровень со своим рвением.

596. Пусть мысль твоя, о чем бы ты ни думал, будет обращена к возвышенному, и, даже если тебя постигает неудача, природа возвышенных идеалов непреходяща.

597. Как боевой слон, пронзенный стрелой, продолжает упорно и недвижимо противостоять врагу, так мотуче духом не ведают отчаяния даже в час поражения.

598. Лишенные рвения не добываются горделивой славы, называемой щедростью.

599. Даже громадного слона с его острыми бивнями обьмет страх, если тигр ринется на него.

600. Непоколебимость духа — сущее богатство людей, и лишенные ее — просто дерево; разница лишь в том, что они наделены обликом человека.

Глава 61. О НЕЗНАНИИ ЛЕНОСТИ

601. Нетленный светильник, называемый высоким родом, угаснет, если покроеется копотью лениности.

602. Желющие познать уважение к своему семейству пусть различат тленворность лени и обратятся к делам.

603. Семья, породившая невежду, нежно ласкающего губительную праздность, погибнет даже раньше, нежели он сам.

604. Сгинет семья и разрастутся пороки оказавшихся в объятиях праздности и лишенных устремлений к благим деяниям.

605. Привычка откладывать дела, забывчивость, лень и страсть ко сну — четыре этих качества послужат воспитательным ковчегом для осужденных на гибель.

606. Наделенные любовью к праздности, даже если скав благорасположенностью властелина земли, едва ли познают величавое прощевание.

607. Полюбившие праздность и лишенные благородного устремления к благим деяниям навлекут на себя укоризну и услышат унижающие их слова.

608. Семья, где нашло себе обитель празднолюбие, отвергает себя в рабство к врагам.

609. Исчезнут страдания, что обрушились на твою семью, если сможешь превозмочь могущество праздности.

*610. Властелин, не знающий праздности, обретет разом все, что измерил своим шагом Гривикрама.

Глава 62. О МУЖСКОЙ РЕШИМОСТИ

611. Не следует падать духом, говоря: «Это непостижимо трудно». Решительное усилие принесет тебе могущество для свершения деяния.

612. Остерегайся расстаться с решимостью во время свершения деяния. Мир оставляет без своего попечения бросающих дело недовершенным.

613. Достоинству неустанного трудолюбия принадлежит гордость, именуемая щедростью.

614. Щедрость в лишенном мужской решимости полюбна мечу в руках внуха.

615. Жажущий деяний и чуждый погони за наслаждениями стоит, как твердая скала, уменьшая страдания своих близких и друзей.

616. Твердая решимость дарует удачу и богатство, но отсутствие рвения ввергает в нищету.
 617. Богиня несчастья находит себе обитель у склонного к праздности, но лотосорожденная Лакшми поселится в ногах чуждого лености.
 618. Ни для кого не постыдно отсутствие удачи; однако истинный позор познавшему мудрость, но чуждом мужской решимости.
 619. Даже если говорят, что нет удачи из-за нерасположенности богов, само постоянное усилие принесет тебе вознаграждение в меру напряжения твоих мышц.
 620. Преисполненные непрестанного рвения, чуждые боязни судьбы увидят лишь спину богини злого рока.

Г л а в а 63. О БЕССТРАШИИ В БЕДЕ

621. Смейся, когда нагрянет беда. Нет силы, равной смеху, способной встретить бедствие и превозмочь его.
 622. Несчастья, что набегают словно поток вод, исчезают, по мере того как обладатель мудрости размышляет о их природе в глубине своего сердца.
 623. Не предающиеся отчаянию перед лицом бедствия заставят само бедствие спряться от бедствия.
 624. Беда будет страдать сама, если подступит к человеку, подобному буйволу, что неослабно тянет повозку по трудному пути.
 625. Бедствия, что обрушиваются на не ведающего отчаяния, даже если хлынут нарастающим потоком, пострададут от самого же бедствия.
 626. Чуждые скардености в удаче и не похваляющиеся богатством разве будут страдать перед лицом нищеты и причитать: «Ах, мы все потеряли!»?
 627. Высшая мудрость знает, что мишенью для несчастий служит лишь тело, и потому не считает бедствие способным победить.
 628. Не знает страданий души перед лицом несчастья чуждый жажды наслаждений и считающий страдание естественным для живущего.
 629. Не испытывающий наслаждения среди наслаждений не испытывает страдания среди страданий.
 630. Считай боль наслаждением, и это величие будет восхваляемо твоими же врагами.

631. Истинный советник знает средства, время и образ действий, необходимые для свершения труднейшего деяния.

632. Истинный советник обладает величием пяти достоинств: бесстрашием, заботой о подданных, постижением истинной мудрости, решимостью в делах и вышечеными качествами.

633. Советник тот, кто способен расколоть союз недругов, любовно пестовать друзей и соединить поврававших узы дружбы.

634. Советник тот, кто способен постигать смысл деяний, свершать их наилучшим путем и высказывать свое суждение.

635. Лучший в должности советника тот, кто познал дарму, дает зрелый совет и всегда знает добрый путь для свершения задуманного.

636. Что может заключать в себе большую мудрость для советника, обладающего тонким врожденным умом и знанием мудрых вед?

637. Даже если ты и превзошел книжную премудрость, познай на опыте истинную природу мира и поступай в согласии с этим знанием.

638. Даже если властелин невежда, тренебрегающий необходимым знанием, долг сидящего рядом с ним советника решительно высказывать правду.

639. Лучше иметь рядом с собой семьсот миллионов врагов, нежели одного советника, замышляющего губительные козни.

640. Советник, лишенный твердой решимости, не довершит деяния, даже если его замыслы совершенны.

Г л а в а 65. О МОГУЩЕСТВЕ СЛОВА

641. Достоинство красноречия есть истинное богатство. И это достоинство отличается от блага, пребывающего в любой другой добродетели.

642. Остерегайся поскользнуться в слове, ибо от него исходят и богатство, и гибель.

643. Красноречие означает умение говорить так, что бы привлечь сердца слушающих и вызывать желание склонить свое ухо даже у невнимательных.

644. Изрекай слово, постигни силу его. И выше этого дара нет ни добродетели, ни богатства.

645. Произноси слово, зная, что не найдется у другого такого слова, которое было бы сильнее твоего.

646. Постоянное намерение незапятнанных в своем величии — говорить так, чтобы вызывать желание слушать окаять, и находить пользу в речах другого.

647. Едва ли кто может одолеть в словесном соперничестве одаренного могуществом слова, умеющего не поскользнуться в речи и не ведающего страха.

648. Стоит появиться способному говорить красноречивые слова, стройно расположив их, как мир вскоре будет повиноваться его повелениям.

649. Неспособные говорить немногими лишенными изыяна словами безусловно поддадутся желанию говорить многословно.

650. Неумоющие красноречиво и понятно поведают познанное ими подобны цветку в букете, от коего, хоть он и распустился, не исходит благоухания.

Глава 66. О ЧИСТОТЕ ПОМЫСЛОВ В ДЕЙСТВИЯХ

651. Добрая поддержка дарует удачу, и чистота помыслов в действии принесет тебе все, что ты пожелаешь.

652. Во всякое время надлежит избегать деяний, что не рождат ни славы, ни добродетели.

653. Помысляющим о процветании в мире следует избегать свершения деяний, что затмевают добрую славу.

654. Видящие мир в истинном озарении и чуждые бесчестья не свершат деяний, приносящих позор, даже если ли окажутся в тяжкой беде.

655. Не свершай деяний, что рождат терзания души и заставляют говорить: «Ах, что мы содеяли!» А свершив такой поступок, не свершай подобных ему впрёдь.

656. Не свершай поступков, вызывающих презрение мудрых, даже если ты видишь, что умирает с голоду твоя родная мать.

657. Злейшая нищета мудрого много лучше богатства, обретаемого взвалившим на себя бремя бесчестья.

658. Нарушающим запреты священных вед, пусть даже и преуспевшим в своих замыслах, недобрые деяния принесут страдания души.

659. Всё с рыданием обретаемое нами покидает нас с рыданием; но обретенное на стезе добра, даже если и теряется, порождает добро.

660. Желание сохранить богатство, обретенное путем обмана, подобно стремлению удержать воду, налитую в необожженный глиняный кувшин.

Глава 67. О СТОЙКОСТИ В ДЕЯНИЯХ

661. Называемое стойкостью в деяниях есть стойкость ума. Все остальное — мишура.

662. Избегать поступков, приносящих терзания, и не падать духом, повстречав препятствие, — эта мудрость почитается законом достигших тайны твердости в деяниях.

663. Истинная стойкость обнажает замыслы, что были достойны свершения, в самом конце деяния; но если ты обнажаешь свои замыслы в разгар их свершения, на твою голову будут ниспосланы непреодолимые бедствия.

664. Говорить легко каждому, но трудно поступать в согласии со сказанным.

665. Твердость в деяниях у обретших величие мудрости дойдет до самого повелителя и будет восхвалена всеми.

666. Если задумавшие деяние обнаруживают твердость духа, их замыслы свершатся в согласии с задуманным.

667. Узревши в другом наружность тщедушного, не следует испытывать к нему презрения. Ведь есть такие, что подобны осевой чехе в громадной колеснице, несущейся спремглав.

668. Без колебаний и забыв о сне, свершай задуманное, не ведая смущения ума.

669. Хотя бы бедствия в обилии низверглись на тебя, свершай, набравшись решимости, деяния, приносящие добро и радость.

670. Мир не пожелает благоволить к чуждым желаниям быть стойкими в своих свершениях, даже если они и обрели иную твердость.

Глава 68. О ПУТЯХ СВЕРШЕНИЯ ДЕЯНИЙ

671. Лишь по глубокою размышлении обретишь решимость. И неправедно оставлять такое решение неосуществленным.

672. Медли с деяниями, что должны быть осуществлены на стезе медлительности. Но не медли с деяниями, что должны быть свершены без всякого промедления.

673. Исполнение деяния хорошо во всякое время, когда это возможно. Но если нет возможности, дожлись благоприятного момента, и лишь тогда свершай свое деяние.

674. Не завершенные до конца деяния и затаенная ненависть, если размыслить, вызывают такое же губительное жжение, как и затухающий огонь.

675. Покончив с темными сомнениями, свершай деяние после глубокою размышления над пятью вещами: имеющиеся силы, средства свершения, удобное время, существо дела и благоприятное место.

676. Свершай деяние по глубокою размышлении о способах завершения его, о возможных препятствиях, а также о пользе, что будет принесена.

677. Тот, кому предстоит свершение деяния, пусть распросит ведающего о путях свершения и сокрытых тайнах деяния.

678. С помощью одного деяния добивайся свершения другого, так же как при помощи слона с увлажненной при течке челюстью залавливают другого слона.

679. Следует мириться со своими врагами быстрее, нежели свершать добрые поступки в вознаграждение своих друзей.

680. Правитель небольшой страны, опасаясь внутренних распрей, пусть подчинится более могущественному повелителю и примет власть его.

Глава 69. О ПОСЛАНИКЕ

681. Преданность в любви, благородное происхождение, учтивость, пленяющая правителей,— вот достоинство того, кто может быть названным посланником.

682. Любезности, мудрость, проникающее в сердце красноречие — таковы три неисключимых дара достойного быть названным посланником.

683. Быть ученейшим среди постигших знание — таково достоинство приближенного, что приносит перед лицом других копьяющих правителей послание, приносящее триумф его повелителю.

684. Ясное разумение, пленяющая внешность, проныжковенное знание, — пусть обладающий в полной мере этими дарами будет удостоен нести послание.

685. Истинный посланник тот, кто говорит сжато, избегает резкостей, умеет пошутить и тем самым добивается нужного блага.

686. Истинный посланник тот, кто постиг знание, не ведает страха перед взглядом врагов, умеет сказать вразумительное слово и сердцем узнаёт, чего требует минута.

687. Высший среди посланников — кто, сознавая свой долг, выждав нужное время и зная удобное место, по глубокою размышлении передает послание.

688. Чистота души, способность во всякую минуту прийти на помощь, решительность, — обладание в совершенстве этими тремя дарами составляет достоинство посланника.

689. Надежный мужеством, чьи уста не обронят оскорбительных слов, достоин передать другим правителям послание своего владыки.

690. Подлинный посланник, даже если ему грозит смерть, не страшась стремится принести триумф своему повелителю.

Глава 70. О БЛИЗОСТИ К ПОВЕЛИТЕЛЮ

691. Приближенные к особе взыскливого властелина пусть уподобятся тем, кто, желая согреться у огня, не приближается к нему чрезмерно близко и не отдаляется слишком далеко.

692. Нежелание того, чего жаждут правители, дарует рукой самого правителя непреходящие сокровища.

693. Если приближенные желают уберечь себя, пусть остерегаются свершения тяжких преступлений. Ибо, заронив сомнение, едва ли кто сможет обелить себя в глазах высшего.

694. Перед взором могучего повелителя надлежит держать себя так, чтобы не нашептывать на ухо соседу и не усмехаться в лицо повелителю.

695. Не стремись ни подслушивать каких-либо тайн правителя, ни доискиваться до них. Выслушивай секрет, лишь когда они повернутся тебе.

696. Зная сокровенные мысли правителя и считаясь со временем, надлежит в приятной манере говорить о том, что нравятся властелину, и избегать рассуждений о вызывающем у него неприязнь.

697. Говори повелителю лишь приятное ему, но никогда не отвержай уст своих для слов, лишенных пользы деяний, даже если тебя понуждают к тому.

698. Надлежит держать себя в неослабном почитании правителя, не сниходя до слов: «Он молод в сравнении со мной», «Он мне кровный родич».

699. Надленные неколебимой ясностью взора и духа не свершат недостойных поступков, упоывая на свою близость к властелину.

700. Показное великоление того, кто свершает недостойные деяния, упоывая на давнюю близость к правителю, навлечет на него гибель.

Глава 71. О ПОНИМАНИИ С ОДНОГО ВЗГЛЯДА

701. Умеющие понимать мысли другого с одного взгляда, без единого оброченного слова, во все времена будут украшением мира, окруженного неистощимыми водами.

702. Умеющего безошибочно с одного взгляда понять сокровенные мысли другого должно поставить вровень с бессмертными богами.

703. Пусть повелитель примет на службу умеющего с одного взгляда читать сокровенное в сердцах других, даже если бы ему пришлось заплатить за него любой частью своего тела.

704. Способные понимать намерения других, даже если они и не высказываются, лишь обликом своим схожи с другими людьми, но сутью совершенно отличны.

705. Каков прок от глаз среди прочих органов чувств, если их взгляд не умеет различать сокровенное в сердцах других?

706. Как зеркало отражает находящееся перед ним, так лицо отражает чувства, переполняющие сердце.

707. Что может выражать сокровенное полнее, чем лицо? Оно расскажет первое, ликованием или гневом обуруема душа.

708. Тому, кто способен проникать мыслью в сердце другого и угадывать сокровенное, достаточно взглянуть лишь в его лицо.

709. Если на службе у властелина состоят способные угадывать различные выражения взгляда, то глаза поданных расскажут, сокрыты ли в их сердцах злоба или дружелюбие.

710. Когда пытаешься понять, что отличает считающих себя способными угадывать сокровенное, знай: это не что другое, как ясновидящие глаза.

Глава 72. ОБ УМЕНИИ ДЕРЖАТЬ СЕБЯ В СОБРАНИИ

711. Пусть наделенные чистым разумением, познавшие могущество слова пронзносят речь, глубоко постигши достоинства слушателей.

712. Пусть обладающие добродетелями, многоопытные в искусстве владения словом начинают речь, выждав удобное время и хорошо узнав собрание.

713. Тот, кто дерзает начать речь, не познав слушающих его, не ведает могущества слова. И тот не горазд говорить речь.

714. Пусть просветленный разумением говорит слово перед излучающим свет мудрости, но перед обладателем бледного ума пусть обретет невинную простоту, подобную белизне извести.

715. Скромность, не дозволяющая рваться со словом вперед других в собрании мудрых старцев, — высшее достоинство среди признанных добродетелей.

716. Молвить неуместное слово перед постигшими безбрежную мудрость — все равно что поскользнуться и сойти со стези дхармы.

717. Ученость мудрых и много познавших излучает свет в собрании умеющих без упущения постигать разное слово.

718. Держать речь перед наделенными ясным разумением — то же, что орошать водой поля с зеленеющими всходами.

719. Умеющие говорить вразумляюще в собрании мудрых пусть не отверзают уст среди глупцов даже в забывчивости.

720. Изрекать слово в собрании чуждых способности понять тебя — то же, что лить амброзию в сточную канаву.

Глава 73. О БЕССТРАШИИ ПЕРЕД СЛУШАЮЩИМИ ТЕБЯ

721. Наделенные ясным разумом и постигшие богатство слова умеют познать склонности слушающих и не зашнуртуют в речи перед высоким собранием.

722. Разумно толкующие о постигнутом ими перед наделенными ученостью почитаются учнейшими среди ученийших.

723. Многие, не ведая страха, готовы умереть в окружении врагов, но лишь редкие не робеют перед высоким собранием.

724. Вразумительно толкуй перед многомудрыми о постигнутом тобою и сколь можно больше займствуй от мудрых, превзошедших тебя в познаниях.

725. Исполнь поспыгай искусство убеждать, дабы, не ведая страха, дать умелый ответ в собрании многомудрых.

726. Чуждым бесстрашия какой прок от меча? Боящимся сказать слово в собрании глубокомудрых какая польза от ученых книг?

727. Книжная мудрость, постигнутая боящимся сказавшего меч в руках женоподобного евнуха, окажет сверкающий меч в руках женоподобного евнуха, оказавшегося в гущу врагов.

728. Войству нет пользы от тех, что не могут проинести слово красноречиво и вразумляюще в собрании многомудрых, пусть даже они и познали ученость.

729. Мудрые изрекли так: много познавшие, но страшались слова в собрании многомудрых — последние среди невежд.

730. Те, что в робости перед внимающими не могут вразумительным словом поведать о постигнутом, стоят ровень с мертвыми, даром их и называют живыми.

Глава 74. О СТРАНЕ

731. Истинная страна та, что дает неизменно обильный урожай, где живут наделенные добродетелями и обладающие неистощимыми богатствами.

732. Истинная страна пробуждает любовь своими несметными богатствами и приносит обильный урожай, не ведая губительных бедствий.

733. Истинная страна та, где народ с терпением переносит бедствия, даже если они и хлынут на него лавиной, и полностью платит подать справедливому властителю.

734. Дстойная страна — что не знает сеющего смерть голода, повальных болезней и губительных набегов сулустага.

735. Истинная страна чужда дроблению на сонм земель, не знает несущей опустошение междоусобной вражды и жестокости убийств, устрашающих самого правителя.

736. Мудрые изрекли: лучшая из стран та, что не знает разорения от врагов и пде не иссыкает плодородие земли, даже если обрушивается бедствие.

737. Стране надлежит обиловать родниками и добрыми дождями, горными водами, удобно расходящимися хребтами и могучими крепостями.

738. Подлинно великая страна, изрекли мудрые, наделена вот этими пятью дарами: богатством, плодородием земли, отсутствием болезней, благодеянием народа и надежной защитой от всяких разорений.

739. Истинная страна, изрекли мудрые, притоцит обильные урожаи и без тяжких усилий, и не великая страна та, что дает урожай лишь после тяжкого труда.

740. Пусть даже и наделена страна всеми этими щедротами, они не принесут никаких благ, если она лишена царской власти.

Глава 75. О КРЕПОСТИ

741. Крепость нужна и совершающим нападение, и обороняющим себя от врагов.

742. Крепости надлежит иметь прозрачно чистую воду, открытую равнину, окружение гор и джунгли с исцеляющей тенью.

743. Ученая мудрость глаголет, что стены подлинной крепости должны иметь вот эти четыре преимуществ: высота, толщина, прочность и неприступность.

744. Крепость, хоть и является небольшим оплотом на большой территории, подрывает мужество могучего врага.

745. Сильная крепость — та, которую едва ли можно захватить и которая, сохраняя обильные запасы, облегчает положение находящихся в ней.

746. Истинная крепость, располагая всем нужным для защиты, должна иметь героев, готовых оборонить ее в трудный час.

747. Могучая крепость — та, которую невозможно взять ни осадой, ни внезапным нападением, ни тайным подкопом.

748. Крепость сильна обороняющимися в ней, что могут не только выдержать осаду, но и разорвать целые объятия осаждающего врага.

749. Крепость величественна тем, что враги терпят поражение даже в самом бурном своем порыве и входящие в нее добиваются триумфа в усиленных защитить себя.

750. Даже если крепость обладает всеми вышереченными достоинствами, она не может принести никакой пользы своим защитникам, если они лишены величия мужества и воинственности.

Глава 76. О ПРИОБРЕТЕНИИ БОГАТСТВА

751. Нет в мире ничего другого, кроме богатства, что заставляя считать значительными людей, лишенных значительности.

752. Как все обливают презрением нищих, так все воздают хвалу богатым.

753. Неугасимый свет богатства проникает в любой уголок, куда пожелает его обладатель, и рассеивает любую тьму.

754. Богатство, обретенное на стезе праведности без сотворения зла, принесет достижение дхармы.

755. Не должно прикасаться к богатству, что пришло, не ведая ни милосердия, ни любви. Оставь его. Пусть оно катится само по себе.

756. Богатство властелина составляют выморочные владения, собираемые подати и то, что достается в победе над врагом.

757. Дитя, порожденное любовью и названное милосердием, возвращается щедрой нянькой, зовущейся богатством.

758. Свершающий деяния, имея в своих руках богатство, не ведает опасений — он подобен человеку, что взирает на битву слонов, взобравшись на высокий холм.

759. Накапывая богатство. В мире нет ничего острее этого меча, что подрезает опесь твоих недругов.

760. Тому, кто в обилии обретает лучезарное богатство, без труда достаются оба других сокровища: дхарма и любовь.

Глава 77. О ВЕЛИЧИИ ВОИНСТВА

761. Победоносное войско, сплоченное в рядах и не боящееся опасности, — это высшее богатство среди всех богатств властителя.

762. Мужество, отсутствие страха перед врагом, даже после поражения и потери силы, присущи только лишь потомственному войску.

763. Чем может угрожать враждебность полчищ крыс, сидящих у подножия своей скалы реву моря? Стоит лишь кобре громкодохнуть, как воинственность крыс немедленно угасает.

764. Истинное войско то, что славно своим бесстрашием, прошедшим поколения, не ведает поражений и не знает малодушной убыли в своих рядах.

765. Истинное войско — могучая сила, что, сомкнув ряды, будет биться против врага, даже если сам расовирепевший Яма двинет одну лавину смерти за другой.

766. Доблесть, высокая честь, славный ряд подвигов, идущих через поколения, непреклонность, на которую можно положиться, — только эти четыре достоинства составляют стражу воинства.

767. Подлинное войско, уверенное в своей победе в сражении, рвется в первых рядах сразиться с наступающим врагом.

768. Даже если войску недостает мощи и порыва сокрушить врага, оно все равно одержит победу при слаженности и повиновении его рядов.

769. Войско побеждает, если оно не знает убыли в своих рядах, не ослаблено недостойной воинства неприязню к властвующим и не терпит нужды.

770. Даже если войско состоит из множества старых отважных воинов, оно не знает побед, если во главе его не стоят многоопытные начальники.

Глава 78. О ГОРДОСТИ ВОИНА

771. О недруги! Не дерзайте вступать в единоборство с моим предводителем! Многие из дерзнувших противостоят ему стоят теперь окаменелые.

772. Отважно брошенный в слона дротик, даже и не попавший в цель, приносит больше славы, чем стрела, пронзившая лесного кролика.

773. Мудрые изрекли: высшая доблесть — мужественное упорство в битве, но еще сильнее сокрушает меч

благородного радушия к поверженному в сражении врагу.

774. Воин, метнувший копье в слона врагов, смеется, вырывая дротик, пронзивший его собственное тело, чтобы метнуть в другого.

775. Не поражение ли для храброго воина, если он всего лишь моргнет при виде дротики, брошенного прямо в бесстрашно раскрытые глаза?

776. День, когда не пришлось страдать от глубокой раны, полученной в пылу сражения, храбрый воин присоединит к числу прошедших без всякой пользы.

777. Воинам, что не жалуют жизни в желанье обрести славу, облетающую землю, истинную утеху приносят их ножные браслеты.

778. Отважные воины, что не страшатся за свою жизнь в пылу сраженья, не ослабят своего могущественного рвения к славе, даже если повелитель выражает недовольство риском дерзновения.

779. Кто отважится упрекнуть в поражении тех, что мали в битве, не нарушив клятвы доблести?

780. Если воин погибает, исторгая слезы из глаз своего властелина, такую смерть стоит даже униженно вымаливать.

Глава 79. О ДРУЖБЕ

781. Что труднее обрести, чем дружбу? И что есть более надежный щит для добрых деяний в сравнении с дружбой?

782. Дружба наделенных добродетелью возрастает подобно народившейся луне, но дружба глушцов убывает подобно ущербоной луне.

783. Дружба в общении с достойными растет с каждой встречей, как мудрость древних вед — с каждым чтением.

784. Не для улыбчивого веселья создана дружба, но для сурового предостережения друга, увлекшегося недоволенными.

785. Дружба не нуждается ни в совместном житии, ни в частом общении. Лишь согласное ощущение жизни приносит крепость узам, называемым дружбой.

786. Дружба — не взаимное общение с улыбающимся лицом; истинная дружба — это прилив доброжелательности, ликующей в глубине сердца.

787. Уводя от всего гибельного и направляя на стезю добра, истинная дружба поровну делится страданиями во времена тяжких невзгод.

*788. Рука незаметно для себя подхватывает дхотн, вот-вот готовые упасть с бедер; так же дружба — едва нагретое бедствие, тотчас поддерживает.

789. Если спросят, где восседает дружба, знай: в твердости доброжелательства, без всяких колебаний и любыми возможными путями приходящего на помощь.

790. Низкой наречется та дружба, что бахвалится словами: «Мы с ним сродни», «Он нам близок».

Глава 80. О ВЫБОРЕ ДРУЗЕЙ

791. Нет большего зла, чем вступать в дружбу без испытания достоинств другого, ибо умеющие дорожить дружбой уже не могут от него отмахнуться.

792. Дружба сближающегося без осмотрительности и испытания принесет душевные горести, которые в исходе явятся причиной его гибели.

793. Заводи дружбу, узнав наперед, добродетелен ли человек, достойной ли он семьи, какими наделен пороками и способен ли неослабно поддерживать дружбу.

794. Даже и жертвуя, должно принимать дружбу рожденного в достойной семье и рдеющего от стыда при мысли, что он заслуживает укора.

795. По испытании должно заводить дружбу с умелым говорить словами, вызывающими слезы, со способным утрекнуть за свершение недовольного и указать верные пути жизни.

796. Крепость дружбы, сохраняющаяся даже в дни, когда обрушивается на тебя бедствие, — вот мерило, которым надлежит оценивать твоих друзей.

797. Отступиться и отойти от друзей с глупцами есть истинное приобретение для каждого.

798. Выбрось из сердца причиняющее терзания душе и не заводь вновь дружбы с покинувшими тебя в грядущих страданиях.

799. Мысль о дружественной близости с оставившим тебя посреди горьких страданий будет жечь твоё сердце огнем, даже если ты вспомнишь о том в твой смертный час.

800. Наслаждайся и радуйся дружбой людей непрочных, но сторонись и беги близости с лишенными добродетели, даже если придется жертвовать многим.

Глава 81. О ДАВНЕЙ ПРИВЯЗАННОСТИ

801. Если спросят, что такое давняя привязанность, так знай: это дружба, которая ни на йоту не притесняет свободы друга.

802. Хребет дружбы — добрая воля и свобода привязанности, и святой долг мудрых доброжелательно взирать на такую привязанность.

803. Что пользы в старой привязанности, если она не дозволяет другу поступать в согласии с его доброй волей?

804. Если свершают поступок, не испросив на то согласия друзей, они из чувства благожелательности будут с сочувствием взирать на свершенное.

805. Если друзья свершают поступки, вызывающие боль, надлежит понять, что это свершено не только по незнанию, но и из чувства большой близости к тебе.

806. Стойкие в самоограничении не отрекнутся от связанных с ними узами старой дружбы, хотя бы это и угрожало им гибелью.

807. Верные старинной привязанности, что взошли на стезю любви, не отрешатся в сердце своем от любви, хотя бы друзья совершили деяния, несущие им гибель.

*808. Преданный старой дружбе не слышит слов о проступках своего друга, и тот день, когда друг свершает проступок, становится днем радости.

809. Мир не оставит, но возжелает близости со собственными крепко держаться привязанности и идущими путем нерушимой дружбы.

810. Даже неболагожелательные враги воспылают любовью к тем, кто не расстается со старыми друзьями.

Глава 82. О ДРУЖБЕ, ПРИНОСЯЩЕЙ ЗЛО

811. Дружба с чуждыми добродетели, пусть даже и готовыми поглотить тебя в избытке любви, приносит большую опраду, когда идет на убыль, нежели разрастается.

812. Есть ли разница, приобретаешь ли ты или теряешь дружбу тех несравненных людей, что в добрые времена сближаются с тобой, а в дни лишений остаются одного.

813. Друзья, взвешивающие сулимый дружбой прибыток, продажные блудницы и грабители — одно и то же.

814. Одинокство желаннее дружбы с теми, что подобны необъезженному коню, сбрасывающему всадника в гущу жестокой битвы.

815. Лучше лишиться жалкой дружбы тех малодушных, что, сблизившись с тобою во времена благоденствия, не поддерживают тебя в дни бедствий.

816. Враждебность обладающих мудростью в десять миллионов раз предпочтительнее неразлучной дружбы с глупцами.

817. В сотни миллионов раз ненависть врага предпочтительнее дружбы людей, улыбающихся тебе, но в глубине сердца равнодушных.

818. Пусть постепенно и без всяких слов оставлена будет дружба с теми, что притворяются неспособными свершить вполне посильное для них дело.

819. Дружба с людьми, у которых слово — одно, а дело — совсем другое, увя, вызывает горечь даже во сне.

820. Избегай малейшего общения с любезными с тобой наедине, но возводящими на тебя клевету перед собранием многих.

Глава 83. О ЛИЦЕМЕРНОЙ ДРУЖБЕ

821. Дружба с питающими неприязнь в сердце, но в обращении притворно любвеобильными служит навальней для удара молотком по тебе, когда представишься удобной случай.

822. Дружба чуждых любви, но притворяющихся полными любви непостоянна как сердце женщины.

823. Едва ли низкие и недостойные станут благородными душой, даже если познают сонм добрых истин.

824. Должно страшиться обманщика, питающего в сердце неприязнь, но лицом распливающегося в сладкой улыбки.

825. Нельзя доверяться живым друзьям, душа которых отращена от любви к тебе, какие бы слова они и изрекали.

826. В малое время будут поняты речи врагов, даже если они говорят приятные слова, прикидываясь твоими друзьями.

827. Когда сгибают лук, он приносит несчастье, и поэтому не принимай на веру согбенную покорность твоих врагов, что видна лишь в их словах.

828. Слезы твоих врагов так же достойны веры, как улыбки, сложенные для приветствия, но скрывающие кинжал.

829. С приветливой шуткой задуши в объятиях друзей привязанность к тем лживым друзьям, чье лицо обильно любовью, но сердце ненавидит тебя.

830. Когда враги прикидываются твоими друзьями, пусть лицо твое выказывает расположение, но сердце убегаает привязанности.

Глава 84. О ГЛУПОСТИ

831. Глупость — нечто необычное. Если спросят, что она такое, так ведай: она заключает в объятия несущее убыток и бросает на прозывол приносящее пользу.

832. Величайшая глупость из всех глупостей — желать в ущерб самому себе свершения недостойных тебя поступков.

833. Глупость отличается незнанием стыда, отсутствием пылливости, чужда мягкосердечия и ни о чем на свете не печется.

834. Нет большего глупца в сравнении с прочитавшим древние веда, что, постигнув их смысл и уча мудрости других, не в силах обуздать своих дурных страстей.

835. Глупость своими деяниями в этом рождении творит ад, в котором пребудет во всех семи рожденьях.

836. Если решается на деяние глупец, которому не ведомо умение свершать, разве он всего лишь терпит неудачу? Он надевает на себя оковы, мешающие ему двигаться.

837. Если глупцу достаются несметные богатства, то враги блистательно пируют, а близкие умирают от голода.

838. Если в руки глупца приходит богатство, он подобен поврежденному уму, который к тому же наполнился хмельного тодди.

839. Дружба с глупцами несет в себе великую отраду: ибо, расставшись с ними, ты не чувствуешь ничего такого, что приносило бы тебе страдания.

840. Глупцу появиться в собрании мудрых — то же самое, что лечь в постель с невымытыми ногами.

Глава 85. О ДЕРЗОСТИ НЕВЕЖЕСТВА

841. Невежество — самая жуткая нищета из нищеты, и мир не считает истинной нищетой никакую другую.

842. Радость невежды, свершающего даяние, не что другое, как плод воздержания принимающего дар.

843. Едва ли даже враги горазды соговорить то зло, что причиняют себе глупцы, чуждые знаний.

844. Если спросят, что называется пустотою ума, ведай: то тщеславная гордыня, которая бахвалится: «Мы обладаем светлой мудростью».

845. Притворство стремящегося показать, что ему ведомо в самом деле неведомое ему, заставит сомневаться даже в том знании, которое он постиг безупречно.

846. Если невежество глупости не может спрятать от других своего порока, то стоит ли ему прикрывать свою наготу?

847. Невежда, открывающий другим редкую тайну, навлекает на себя великие бедствия.

848. Кто не следует совету и не знает, где истинная

правда, будет страдать от мук, покуда его душа не покинет тело.

849. Пытающийся открыть глаза ничего не видящему невежде сам невежда, ибо невежда видит лишь так, как он увидел своими глазами.

850. Считающий ничем призываемое существующим всеми людьми будет считаться злым духом на земле.

Глава 86. О ВРАЖДЕБНОСТИ

851. Мудрые изрекли, что дух враждебности есть язва, порождающая во всех живых созданиях порок завлада с другими.

852. Даже если другие, воспылав ненавистью, причинили тебе боль, высший закон мудрых — не замышлять враждебного и не чинить злой мести.

853. Тому, кто избавится от болезненного недуга, называемого духом враждебности, это принесет неистребимый и неугасимый светоч славы.

854. Если умрет величайшее несчастье среди несчастий, называемое духом враждебности, это породит величайшую радость среди всех радостей.

855. Можно ли победить того, кто способен подавить опетинившуюся враждебность и не внимать ей?

856. Жизнь горящего, что верх враждебности отраден, совсем неподалеку от неудач и гибели.

857. Надленные порочным знанием, устремляющимся в лоно враждебности, не увидят сушей всеодолевающей истины.

858. Благоденствие приходит, когда покоришь враждебность и действуешь ей вопреки. Но если кто берется соперничать с враждебностью, тот приближает свою погибель.

859. Во времена благоденствия не питают духа враждебности; погружаются в ее лоно, дабы приблизить свою гибель.

860. Все страдания порождаются враждебностью, а гордая радость доброго расположения возникает благодаря приветливой доброжелательности.

Глава 87. О БЛАГЕ ВРАЖДЕБНОСТИ

861. Избегай противоборствовать сильному, но обрети ненависть к слабейшему врагу, не сумевшему избегать встречи с тобой.

862. Как чуждый любви к близким, лишенный твердой опоры дружества и не сознающий силы в себе может взять верх над мощью своих врагов?

863. Малодушный и лишенный знаний, живущий в разладе с людьми и чуждый щедрости легко обуреваем ненавистью.

864. Не стремящийся избавиться от злобы и неспособный хранить тайны станет легкой жертвой в любое время во всяком месте любому врагу.

865. Отраден для врага тот властитель, что не ищет праведной стези, не свершает должного быть сделанным, что не стыдится своих пороков и чужд истинного величия.

866. Ненависть пышно расцветает в том, кто обуреваем ничем не различающей злобой и одержим великим вожделем.

867. Даже ценой многих жертв надлежит покорить ненависть и расположить к себе свершающего недостойные поступки.

868. Если правитель лишен достоинства, но обладает многими пороками, он остается без близких и радость охватит его врагов.

869. Бесконечное наслаждение испытывает враг, если в единоборство с ним вступают полные ненависти, чуждые знаний и малодушные.

870. Свет славы никогда не озарит того властелина, который не может одержать легкой победы над своим невежественным врагом, вызвав в нем злобу.

Глава 88. О ПОСТИЖЕНИИ ПРИРОДЫ НЕНАВИСТИ

871. Не возжелай и шутки ради недостойного чувства, нареченного ненавистью.

872. Ты можешь быть обуреваем ненавистью к

вспыхивающим лемехом стрелометного лука, но не искушай враждою вспыхивающих лемехом слова.

873. Одинокий и охваченный лютой враждою ко множеству людей гораздо более убог разумением, чем шальной безумец.

874. Мир почует на лоне величия обладающего до стоицтвом свершать деяния, превращая вражду во дружество.

875. Если ты лишен друзей и видишь против себя двух врагов, то одного из них сделай своим близким союзником.

876. Решил ли ты примириться с врагом или враждовать, оставь его в покое в трудные дни, не сближаясь с ним и не удаляясь от него.

877. Не изливай боли не познавшему страданий. Не обнажай твоих скрытых слабостей перед твоим открытым врагом.

878. Если ты знаешь свой путь, свершаешь должное быть свершенным и оберегаешь себя от зла, злобная радость врагов превратится в прах.

879. Подрубай дерево, усеянное терниями, пока оно молодо. Когда оно созреет и окрепнет, то само вырвет руку покусившегося срубить его.

880. Кто не в силах сокрушить спесь ненавидящих его врагов, хотя и дышит, вовсе не живет.

Глава 89. О ВРАГЕ ВНУТРИ СТАНА

881. Даже тень и влага, если вызывают боль, неприятны; так свои же близкие, учинившие злонамеренные козни, вызывают неприязнь.

882. Не страшись врагов, открытых как меч, но остерегайся тех врагов, что ходят в обличье твоих друзей.

883. Остерегайся супостата внутри стана. Он без сомнения зарежет тебя при роковом падении вернее, чем режет глину нож гончара.

884. Если в твоем стане обнаружится тайное предательство, мутящее рассудок, оно обрушит на твою голлову тьму горьких бед, обрекши на гибель твоих друзей.

885. Если затаенная вражда поднимается в твоих близких, она обрушит на твою голову тьму горьких бед, став причиной твоей гибели.

886. Если скрытая вражда зарождается среди твоих приближенных, еда ли в такие времена можно спастись от гибели.

887. Семейство, где зародилась затаенная вражда, не знает сплоченности, хотя с виду оно и может казаться неразделимым, как шкатулка с крышкой.

888. Семейство, где зародилась затаенная вражда, теряет могущество и превращается в пыль, подобно железу, истачиваемому напильником.

889. Гибельный рок обитает в затаенной вражде, даже если она и мала, точно долька сезама.

890. Совместное житие с чуждым душевного расположения к тебе подобно обитанию в одной хижине с коброй.

Глава 90. О НЕОСКОРБЛЕНИИ ПОВЕЛИТЕЛЯ

891. Высшею из всех забот заботящегося о себе есть неоскорбление могущества всемогущего властелина.

892. Если ты поступаешь, не уважая могущественного повелителя, на тебя будут ниспосланы самим властелином неотвратимые горести.

893. Если ты желаешь собственной гибели, то не внимай наказу мудрых и прогневи своим оскорбительным неуважением властелина, что может сокрушать в согласии со своим желанием.

894. Если бессильный свершает оскорбительные для всемогущего властелина деяния, то он словно своею же рукою призывает бога смерти.

895. Прогневавшие надленного грозным могуществом властелина, куда бы они ни пошли, нигде не смогут жить, наслаждаясь покоем.

896. Даже если ты обожжен пламенем огня, спасение придет к тебе, но не уделет те, что поступают, оскорбляя властного повелителя.

897. Что пользы в величественной жизни и несметном богатстве властелина, вызывающего гнев мудрых, удостоенных высокой святости?

898. На земле превратятся в прах вместе со всем своим родом кажущиеся обретшими прочность, если они непочтительны к властелину, могущественному, как гора.

899. Если следующий возвышенным законом впадет в ярость, то даже могучий властелин смертельно содрогнется в этот час и потеряет свой скипер.

900. Если ярость охватывает обладающего благородством, обретенного величие добродетели, то не уцелеют даже имеющие безмерно великое покровительство.

Глава 91. О НЕПОТВОРСТВЕ ПРИХОТЯМ ЖЕНЫ

901. Обуреваемые возделением к своим женам не обретут величия. Это та самая слабость, которой не пожелают жаждущие свершить великие деяния.

902. Благодеяние пылающего возделением к жене и не пекущегося о своем долге станет постыдным в глазах мудрых и навлечет позор.

903. Незнание мужского величия, покорное прихотям жены, во все времена навлечет презрение добродетельных мудрецов.

904. Не помышляющий об освобождении души и трепещущий перед своей женой не обретет славы величием своих деяний.

905. Трепещущий перед своей женой поистине ни когда не свершит добрых деяний на благо добродетельным мудрецам.

906. Недостойны величия, даже если и ведут жизнь небожителей, охватываемые восторженным трепетом при виде бамбуково-нежных рук своей жены.

907. Женщина, наделенная робкой стыдливостью, заслуживает большей славы, чем тот мужчина, который в поведении своем следует велениям жены.

908. Поступающие по прихоти красавицы жены не придут на помощь друзьям в тяжкий день и не свершат добрых деяний.

909. Те чужды и деяниям дхармы, и благам обретен-

ного богатства, и дарам возликовавшей любви, кто до-
ступает по велению своих жен.

910. Глулое безрассудство потакания капризам жен
никогда не отыскать в людях удачи, с добрым сердцем
и устремленным ввысь умом.

Глава 92. О БЛУДНИЦАХ

911. Погибель несут сладкие речи блудниц, украшен-
ных тонкими браслетами, не помышляющих о любви,
но жаждущих корысти.

912. Познай и не прикасайся, постигни истинную
их сущность, к женщинам, чуждым добродетели, но го-
ворящим возвышенные слова в стремлении к на-
живе.

913. Лживые объятия жадных до корысти продаж-
ных женщин подобны объятиям трупа в темной ком-
нате.

914. Обладающие мудростью и ищущие высшего бла-
га не станут наслаждаться грязными объятиями жен-
щин, превыше всего почитающих корысть.

915. Обладающие знанием и возвысившиеся добро-
детелью мудрости не будут упиваться грязными объ-
ятиями женщин, дарующих наслаждение всякому.

916. Мудрые, что стремятся одарить всех благом
своей добродетели, не станут упиваться нежными округ-
лостями рук тех женщин, что, напоказ выставя свои
чары, дарят каждому грязное наслаждение.

917. Чуждые полноты чувств с наслаждением обни-
мают тех низких женщин, что, даже будучи в объятиях,
сердцем нежны с другим.

918. Мудрые изрекли, что объятия ветреных распу-
ниц кажутся вершиной блаженства лишь чуждым про-
никновенной мудрости.

919. Нежные объятия продажной распутницы, разу-
крашенной жемчугом, — невыносимый ад, в котором по-
грязно ничтожные души, чуждые величия.

920. Развратницы с развлекательным умом, вино и
игральные кости — вот привязанности покинутых боги-
нею удачи.

Глава 93. О НЕПРИСТРАСТИИ К ВИНУ

921. Живущие с постоянным пристрастием к вину не
будут вникать страха своим врагам и растеряют прежде
обретенную славу.

922. Пусть никто не пьет вина! И если уж желают
пить, пусть пьют чуждые жажды быть восхваленными
мудрыми.

923. Захмелевший внушает отвращение даже родив-
шей его матери. Какие же чувства возбуждает он, стоя
перед лицом мудрого?

924. Прекрасная богиня, по имени Стыдливость, убе-
жит прочь от обладающих презренным и величайшим
пороком пьянства.

925. Войстину не понимает своих поступков отладо-
щий деньги и обретающий взамен бесчувственную ока-
менелость тела.

926. Пьющие хмельное вино беспрестанно пьют яд.
Попруженные в бесчувственный сон, они ничем не раз-
нятся от мертвецов.

927. Непрестанно украдкой пьющие вино и утолаю-
щие в хмеле бесчувственного оцепенения раскроют свои
тайны и будут осмеяны в селении.

928. Пусть пьющий вино не говорит о том, что ему
не ведом порок пьянства. Ибо тотчас же выйдет нару-
жу сокрытое в его сердце.

929. Увещевать хмельного — все равно что пытаться
отыскать под водою утопшего, держа в руке горящий
факал.

930. Неужели не думает о глупости пристрастия к
вину отрезвевший, что видит другого попруженным в
безумие пьянства?

Глава 94. ОБ ИГРЕ В КОСТИ

931. Не желай играть в кости, хотя бы тебе и везло:
ибо даже удача подобна железному крючку уды, кото-
рый заглывает рыба.

932. Любящим азарт, выигрывающим однажды и
проигрывающим сотни раз, разумеется возможен путь добра
и благой жизни?

946. Подобно тому как чувство наслаждения испытывает вкушающий, ощутивший пустоту в животе, так боль постоянно присутствует в съедающем чрезмерно много.

947. Если не знаешь меру силы своего желудка и обильно ешь, то претерпишь боль без всякой меры.

948. Пусть лекарь лечит в согласии со своим искусством после определения недуга, выяснения истоков болезни и средств к уничтожению ее.

949. Пусть познавший древние трактаты об исцелении приступит к лечению, размыслив о состоянии подвергшегося болезни, о тягости недуга и об удобном для лечения времени.

950. Недужащий, врачующий, готовящий снадобья и подручный при врачевании — таковы четыре лица в болезни, и потому сама наука врачевания дает четыре ветви.

Глава 96. О ДОСТОЙНОМ РОЖДЕНИИ

951. Врожденная справедливость и чувство стыда не присущи никому другому, кроме как высококоррожденному.

952. Рожденные в благородной семье никогда не отступятся от трех достоинств: честного поведения, правдивости и стыдливости.

953. Происходящий из истинно благородной семьи, изрекши мудрые, наделен четырьмя достоинствами: открытой улыбкой, щедростью сердца, приятностью речи, неоскорбительной обходительностью.

954. Рожденные в благородной семье не свершат бесславных деяний, хотя бы им и даровали десять миллионов золотых монет, умноженные во много крат.

955. Хотя бы даже средства благотворительности оскудели, потомственный высококий род неразлучен с щедростью.

956. Желющие жить в согласии с законом незапятнанного рода не приблизятся к порокам и не свершат деяний, чуждых благородства.

957. Порок рожденного в лоне благородной семьи по-

933. Если ты непрестанно занят бросанием костей, богатство и доходы покинут тебя и перейдут к другому.

934. Ничто не принесит большей нищеты, чем азартная игра, заставляющая свершать тьму низостей по отношению к друзьям и лишаящая доброго имени.

935. Ни с чем останутся плавающие страстью к азартной игре, игорному дому и хвастающие умением бросать кости.

936. Прикрытые одеянием богини зла, которую зовут Азартною Игрою, не познают утоления голода и будут терзаемы всеми страданиями.

937. Если ты с раннего утра вступишь в игорный дом, погибнет твое потомственное богатство и доброе имя.

938. Азарт низвергнет богатство, навлечет ложные клятвы, погубит милосердие и истерзает множеством страданий.

939. Если ты отдаешься азарту игральных костей, то станут недоступны тебе все пять благ: доброе имя, знание мудрости, богатство, яства и одеяния.

940. Каждый раз, когда играющий терпит неудачу, он еще больше тянется к игре, точно так же как душа любит тело еще больше всякий раз, когда оно испытывает страдания.

Глава 95. О ВРАЧЕВАНИИ

*941. Три стихии тела, начиная с газов, описанные Аюрведой, вызывают недуг, появляются ли они в обли или в скудости.

942. Телу не надобны никакие снадобья, если ты приступаешь к еде, убедившись, что прежде съеденное усвоено.

943. Вкушай, ведая меру, после того как прежде съеденное усвоено. Именно это есть надежный путь для обладающего телом совершенно, что прежде съеденное

944. Уверившись совершенно, что прежде съеденное тобой переварено, и почувствовав голод, кушай не вызывая перемены у тебя отвращения.

945. Если вкушать не вызывающую отвращения пищу, отвергая противную тебе, никакая напасть не коснется живого тела.

ражает взоры других, как темное пятно на лике яркой луны, взошедшей на небеса.

958. Если среди прекрасных достоинств человека отсутствуют любовь к людям, то в истинности его высокого рождения будут сомневаться.

959. Сеянец указывает на плодородие земли, из которой он растет; точно так же о плодородстве рода свидетельствует речь из уст рожденного в лоне благородной семьи.

960. Если ты жаждешь доброго имени, нужно обладать стыдливостью, и, если ты хочешь снискасть похвалу за благородство семьи, желай быть обходительным со всяким.

Глава 97. О СОВСТВЕННОМ ДОСТОИНСТВЕ

961. Оставь мысль о поступках, наносящих ущерб твоему достоинству, даже если несвершение их грозит потерей жизни.

962. Жаждущие великого дара достоинства вместе со славой ради не свершат бесславных деяний даже славы ради.

963. Учившая обходительность надобна в дни процветания, и в дни уничижающих лишений надобно спокойное достоинство.

964. Если люди деяниями своими опущаются с высот своего достоинства, от них такая же польза, как от волоса, что падает с головы.

965. Даже величественные, словно гора, будут казаться крохотными, если они свершают низости, пусть даже и малые, как орешек кундри.

966. Рабочее житие за спиной оскорбляющих тебя не принесит славы и не вознесит в мир небожителей. К чему же оно тогда?

967. О погибшем с достоинством молва говорит лучше, чем о живущем за спиной его оскорбителей.

968. Когда величавое достоинство души нисходит со своей высоты, то разве жизнь, оберегающая плоть, и выправду небесная амброзия?

969. Як не может жить, коль скоро он теряет шерсть, подобно ему утрачивающие достоинство теряют жизнь.

970. Мир воздает хвалу и славу тем, что обладают достоинством и не могут жить в бесчестье.

Глава 98. О ВЕЛИЧИИ

971. Слава величия для всякого есть богатство, с которым он живет ради свершения больших деяний. Бесчестье для него возмлащать: «Мы проживем и не имея славы».

972. Все люди одинаковы по своему рождению, но их величие разнится деяниями.

973. Лишены величия чуждые величия, будь они и высокого рождения. Лишены низости чуждые низости, будь они и низкого рождения.

974. Тот обладает величием, кто блюдет себя подобно женщине, хранящей чистоту.

975. Обладающий величием, стоя на стезе добра, свершает непостижимо трудные деяния, едва ли доступные другим.

976. В чувствах низких людей нельзя обнаружить желания, которое говорило бы: «Мы будем благоговеть, но чтить обладающих величием».

977. Если само величие соизволит снизойти к чуждым достоинству, то их деяния превзойдут пранцы скромности.

978. Величие всегда бывает скромным, а низость, обольщаясь собою, превозносит самое себя.

979. Подлинное величие не ведает самообольщения, а низость взбирается и скачет верхом на коне тщеславного самомнения.

980. Благородное величие закрывает глаза на прегрешения других, тогда как низость с наслаждением возвещает о чужих пороках.

Глава 99. О МУДРОСТИ

981. Мудрые изрекли: для знающих свой долг и признающих на себя обет стремления к совершенству — следовать всему хорошему есть долг.

982. Совершенство достоинств — истинное достоинство мудрых. Прочие совершенства, какими бы они ни были, не являются украшением мудрых.

983. Пять достоинств — любвеобилие, стыдливость, щедрость, благожелательность и правдивость — та твердая глыба, на которой покоится мудрость.

984. Отречение от жизни зиждется на добродетели несовершения убийства, полнота мудрости — на добродетели неизречения слов о чужих пороках.

985. Смиренная почительность — могущество обладающих могуществом. Это тот меч, которым мудрые превращают врагов в своих друзей.

986. Если спросят, что есть пробный камень святой мудрости, так ведай: это признавать свое уничижение перед более низким в сравнении с тобой.

987. Какая польза от мудрости, если стремящийся обрести ее не свершает добрых деяний даже на благо причиняющих ему страдания?

988. Нищета не является бесчестьем для того, кто наделен даром мудрости.

*989. Называемые океаном мудрости не сменяют своей стези, даже если произойдет потрясение мира при смелости юг.

990. Если уменьшится полнота добродетели в мудрых, то, увя, этот огромный мир не выдержит своего тяжелого бремени.

Глава 100. О ВЕЛИКОДУШИИ

991. Мудрые изрекли, что лишенный заносчивости без труда познает манеры благородной учтивости по отношению ко всем.

992. Любвеобилие и достойное происхождение — оба этих достоинства составляют добродетели благородной натурры.

993. Телесное сходство еще не роднит людей; к полному родству приводит сходство разнообразных благородных достоинств.

994. Мир воздает хвалу благородству собирающих плоды своей рожденной склонности к добру и щедрости.

995. Презрение, выказанное даже шутки ради, приносит страдание. Для постигших величие души зримы лишь высокие достоинства даже в презирающих их врагах.

996. Мир существует лишь благодаря великодушным. Не будь их, увя, он исчез бы, превратившись в тлен.

997. Пусть ум их будет остр, как напильник, но они подобны лишь дереву, если чужды благородства обходительности.

998. Предел ладения — быть невеликодушным даже к не знающим надлежащей цены дружбы и причиняющим тебе зло.

999. В глазах неспособных смеяться и ликовать среди друзей необозримо громадный мир даже в яркий полдень погружен в зловещую тьму.

1000. Громадное богатство, доставшееся в руки чуждого великодушия, подвержено порче, подобно молоку, налитому в грязный горшок.

Глава 101. О БОГАТСТВЕ, ЧУЖДОМ ДОБРА

1001. Собранный опромное богатство, держащий его втуне и не наслаждающийся им — мертвец: нет пользы в суетном накоплении богатства.

1002. Думающий о том, что все приходит с богатством, и не дарующий щедрот получит низкое рождение вследствие слепого заблуждения скареды.

1003. Тягостное бремя для земли — рождение не жадующего славы скопидома.

1004. Что думает оставить после смерти скарета, желобимый ближними за жадность?

1005. Даже если богатство измеряется десятком миллионов, умноженным во много крат, его все-таки нет у чуждых щедрости и лишаящих себя наслаждений.

1006. Сплошную боль несет великое богатство, если обладатель не наслаждается ничем и чужд великодушия к нуждающимся.

1007. Скрыга, обладающий богатством и не дарующий ничего бедным, подобен женщине, наделенной редкой красотой, но стареющей в одиночестве.

1008. Богатство скопидома, не любимого ближними за жадность, подобно дереву с ядовитыми плодами, что цветет посреди селения.

1009. В чужие руки перейдет великое богатство, что собиралось обладателем его без любви к соседу, в терзаниях и без размышлений о дхарме.

1010. Кратковременная нужда щедрого обладателя богатства, который стремится к славе, подобна безводности облака, что пролило дождь на землю и вскоре вновь насытит себя влагою.

Глава 102. О СКОРОМНОСТИ

1011. Истинная скромность стыдится деяний, недостойных мужчины. Все прочее — стыдливость добродетельных женщин с красивым лицом.

1012. Яства, одеяния, потомство не различны для всего людского рода — величие людей разнится по степени их скромности.

1013. Все живые души обитают во плоти, но истинное величие находит себе обитель в добродетели скромности.

1014. Разве богатство скромности не служит украшением мудрому? И если нет ее, то разве не тяжкий недостаток надменности?

1015. Мир почитает себя пристанищем скромности тех людей добродетели, что стыдятся чужих пороков, точно своих собственных.

1016. Обретшие высокую душу, наверное, не полагают жить в этом обширном мире без оберегающей их ограды скромности.

1017. Обладатели животворящей скромностью отрезают от жизни ради сохранения достоинства скромности и не отрываются от достоинства скромности даже ради сохранения жизни.

1018. Если ты не стыдишься вызывающего стыд у других, сама добродетель зардеется из-за тебя краскою стыда.

1019. Обречен на гибель твой род, если ты нерадив к своему долгу. Обречена на гибель твоя добродетельность, если тебе не спешествует кроткая скромность.

1020. Движения лишенных в сердце стыда подобны ужимкам деревянных кукол, что оживают от подергивания нити.

Глава 103. О ДЕЯНИЯХ НА БЛАГО СЕМЬИ

1021. Нет большей чести для семьи того, кому величие не дозволяет сидеть сложа руки.

1022. Благодеяние семьи, где надолго и неразрывно соединены два достоинства: мужская решимость и зрелая мудрость.

1023. К тому, кто всеми помыслами стремится к благоденствию семьи, сам бог, запахнув одежды, приблизится и укажет путь.

1024. Исполненными сил не складывая рук трудиться ради благодеяния семьи процветание обретается без многотрудных размышлений.

1025. Весь мир окружит, как близкого родича, чуждого пороков и стремящегося облагодетельствовать семью.

1026. Отвага мужской добродетели — принять на себя заботу о благодеянии семьи, в которой ты рожден.

1027. Подобно тому как на поле битвы сильнейший удар принимает на себя самый бесстрашный воин, так и забота о благодеянии семьи падает на плечи самого выносливого.

1028. Заботящемуся о благодеянии семьи чуждо ожидание времени, удобного для деяний. Стоит ему поддаться лени или погрузиться в ложные мысли о собственном величии, семью ожидает гибель.

1029. Неужели поистине тело кормильца, оберегающего семью от пороков и напастей, есть местилще для терзаний?

1030. Семья, лишенная добродетельного кормильца, с решимостью пекущегося о ее благодеянии, падет от губительного удара бедствий по самым ее корням.

Глава 104. О ЗЕМЛЕДЕЛИИ

1031. Чем бы ни занимались обитающие в этом мире, они не могут обойтись без плуга и идут за ним.

И потому земледелие, хотя и многотрудно, — высшее из всех занятий.

1032. Земледелие — чека в колеснице для обитающих в этом мире. Оно поддерживает всех тех, что не могут идти за плугом и принимаются за другие дела.

1033. Воистину живут лишь пашущие свое поле и питающиеся выращенным ими. Все другие идут за их спиной и воздают им хвалу.

1034. Живущие трудом и милостью плуга увидят зонты других правителей под тенью зонта их собственного властелина.

1035. Живущим выращенным своими же руками не суждено нищенствовать; они будут, не угаивая от других, щедро одаривать просящих.

1036. Если вспахивающие поле праздно сложат руки, то будут лишены опоры даже те, кто говорит: «Мы отреклись от мирской жизни».

1037. Если тригоршня пыли на высаживаемом поле высохнет и станет в четверть прежнего, то не надобно уж и тригоршни коровьего помета.

1038. Класть в землю коровий навоз лучше, нежели вспахивать. И после прополки лучше оберегать посевы, нежели поливать их водой.

1039. Если хозяин поля сидит праздный дома и не выходит пахать, то земля помрачнеет и рассердится на него, словно жена, пребывающая у мужа в небрежении.

1040. Красавица, по имени Земля, осыплет насмешками праздно восседающего ленивца, что плачет: «Увы, я нищ».

Глава 105. О НУЖДЕ

1041. Если спросят, что горше нужды, так ведай: горше и мучительней нищеты только сама нужда.

1042. Несчастливая грешница, по имени Нужда, приходит, лишая благодати, как в нынешнем рождении, так и в будущем.

1043. Непреоборимые желания, идущие от нищеты, погубят разом и потомство, и славу.

1044. Даже потомков высокого рода нищета ставит в убогие условия, порождающие слова, приносящие позор.

1045. Под покровом несчастья, называемого нищетой, скрыта бездна бедствий и отречений.

1046. Не доходит до слуха людей смысл слов, идущих из уст нищих, даже если они изрекают проникновенную мудрость, постигнутую в самой жизни.

1047. На нищего, сошедшего со стези дхармы, сама родная мать будет взирать как на чужого.

1048. Неужели нищета, что едва не умертвила меня вчера, грянет и сегодня?

1049. Можно уснуть даже в окружении жаркого огня, но едва ли хоть на миг смежишь очи посреди нужды.

1050. Не знающий наслаждений нищий, что не огрекается совершенно от земной жизни, — не кто другой, как бог смерти для чужой соли и рисовой похлебки.

Глава 106. О ВЫМАЛИВАНИИ ПОДАЯНИИ

1051. Проси, когда видишь способного подать милостыню. И если они притворяются неспособными к даянию, это уж их лорок, а не твой.

1052. Просьба о подаянии приносит просящему счастье и радость, если выпрашиваемое приходит, не причиняя страданий.

1053. На редкость приятное чувство — просить милостыню у знающих свой долг щедрости и обладающих сердцем, чуждым стремления утаить и не свершить даяния.

1054. Просить о подаянии — это то же, что и давать, если просишь милостыню у не помышляющих об отказе даже во сне.

1055. Стоящие перед другими и упрашивающие о подаянии потому принимают на себя такой обет, что в этом мире обитает люди, чуждые жестокосердия в даянии.

1056. Стоит увидеть чуждых терзаний жестокосердия при даянии, как гибнут разом все страдания нищеты.

1057. Стоит увидеть щедро дающего без унижений и укоризн, как в глубине сердца просящего рождается тикование.

куда-нибудь спрягаться жизненный дух жестоко отказывающего в подавании?

Глава 108. О НИЗОСТИ ПОМЫСЛОВ

1071. Как вылитые, похожи на людей низменные. Нам никогда не приходилось видеть людей, столь похожих на них.

1072. В сравнении с постигшими дхарму низменные наделены истинным счастьем: они чужды угрызений совести.

1073. Богам подобны низменные помыслами, ибо они поступают в согласии с сокровенным.

1074. Если низменный видит опустившегося до еще большей низости, то он старается превзойти его в лодости и гордится тем.

1075. Один лишь страх — закон для низменных. И если есть другое, так это вождделение, — оно дает не многих.

1076. Низменные подобны барабану, в который громко бьют, ибо толетят и станут известны другим тайны, подхваченные ими.

1077. Низменные посядутся даже тряхнуть влажною от еды рукою и разве лишь уступят тем, кто сжатым кулаком разожжет им челюсть.

1078. Мудрый уразумет и делает добро, стоит лишь сказать немного слов. От низменного добьешься пользы, как от сахарного тростника, — лишь перемолов его.

1079. Если низменный заметит добрую одежду и сытные яства у другого, он будет рад увидеть на другом щрамы от пороков.

1080. На что годятся низкие? На то лишь, чтобы продать себя как можно быстрее, когда приходит на-пасть.

*1058. Не будь выпрашивающих подаание, этот небозримый мир, славный своей прохладой, стал бы подобен помосту с прыгающими деревянными куклами.

1059. Какая слава была бы присуща щедросердечным, если бы в мире не оказалось желающих просить подаания?

1060. Просящего милостыню не должна обуревать злора. Терзания нищеты сами по себе будут веским на-поминанием щедрому.

Глава 107. О СТРАХЕ ПРОСИТЬ ПОДАНИЕ

1061. Неизмеримо лучше не упрашивать о подаании, чем просить у человека, даже дорогого тебе, как око, и дающего без утаивания, щедро и радостно.

*1062. Пусть мечется, подобно нищему, и погибнет сотворивший мир, если он только возжелает, чтобы живые люди существовали, испрашивая подаание.

1063. Нет более безрассудной наглости, чем дерзость, говорящая: «Покончим с терзаниями нищеты выпрашиванием милости».

1064. Достоинство, не дозволяющее просить о подаании, даже когда нищета не оставляет иного выхода, настолько величественно, что его не вместит мир.

1065. Нет ничего слаше пищи, дарованной тебе твоим же трудом, даже если это будет похлебка, сваренная из одной воды.

1066. Нет ничего постыднее для языка, чем выпрашивать подаание, даже если ты шпросишь вodu для коровы.

1067. Умоляю всех молящих о подаании: если уж вы молитесь, то не вымаливайте у тех, что утаивают от вас богатство.

1068. Утлое суденышко, по имени Нищенствование, разлетится в щелы, наскочив на скалу, по имени Жадность.

1069. При мысли об участи нищего сердце тает от жалости, но стоит подумать о жестокости утаивающего — и сердце умирает.

1070. Жизненный дух нищего умирает, стоит ему раз-вернуть уста со словами о подаании. Так разве может

КНИГА ТРЕТЬЯ О ЛЮБВИ

Глава 109. ТЕРЗАНИЯ ПРИ ВИДЕ БОГИНИ КРАСОТЫ

1081. Сердце мое смущено при виде ее — неужели это богиня красоты? Или нежная павя, или просто де-вушка с золотыми серьгами?

1082. Ее взгляд, бросающий вызов моему, словно говорит, что красота привела за собою целое войско.

1083. Прегде я не видел, каков Яма. Теперь я знаю: он предстает в облике красавицы с огромными неустра-шимыми глазами.

1084. Глаза ее соперничают с невинной простотой де-вичьего очарования, ибо готовы поглотить душу осме-лившегося взглянуть на них.

1085. Глаза ли это, или смерть, или стремительная газель? Во взгляде этой красавицы слилось все воедино.

1086. Если бы изогнутые брови могли сокрыть взгляд красавицы, ее глаза не пробуждали бы во мне бедствий любовного трепета.

*1087. Повесть на упругой груди красавицы — словно повязка на глазах слона во время амока.

1088. Неужели моя мощь, что наводила трепет на врагов на поле брани, разбита чарами дивноликой?

1089. Разве есть хоть сколько-нибудь пользы в укра-шениях для красавицы, что обладает взглядом дивных, как у лани, юных глаз и стыдливой робостью?

1090. Страсть пьянит и вызывает радость у созер-цающих свою возлюбленную в отличие от вина, которое хмелит лишь выпивших его.

Глава 110. ПОНИМАНИЕ СОКРОВЕННОГО В СЕРДЦЕ

1091. Двойственною силой обладает взгляд ее глаз, подведенных сурьмою: он и рождает боль и утоляет ее.

1092. Мимолетный взгляд, бросаемый украдкой и по-хищающий меня, приносит не половину сладости любов-ного объятия, а много больше.

1093. Она скользнула взглядом, но только я по-смотрел, как она опустила голову. Так она собирает воду, чтобы полить и взрастить зазеленевший росток любви.

1094. Когда я впиваюсь взглядом в нее, она устрем-ляет свой взгляд долу. Но стоит мне перестать смот-реть, как она сама глядит на меня и тихонько сме-ется.

1095. Даже если она нарочито не глядит в мою сто-рону, все равно посмеивается, словно видит меня угол-ком глаза.

1096. Хотя она и говорит, словно оскорбляет, в сло-вах ее тотчас же слышится отсутствие ненависти.

1097. Отрывистая, чуждая неприязни речь и при-творно недружелюбный взгляд — вот знак влюбленной, прикидывающейся равнодушной.

1098. Когда я на нее гляжу, она, познав любовь, смеется сердечным смехом, и это придает редкое очаро-вание и грации ее, и манерам.

1099. Поистине лишь в глазах влюбленных в нас заметить можно равнодушный взгляд словно чужого для нас создания.

1100. Когда глаза разговаривают с глазами, в сло-вах нет ни малейшей пользы.

*Глава 111. ЛИКОВАНИЕ В ЛЮБОВНЫХ ОБЪЯТИЯХ

1101. Видя красоту лица, слыша милый шепот, ощу-щая сладость губ, вдыхая аромат тела и осязая нежные плечи, в любовном объятии блаженствуют все пять чувств.

1102. Обычная болезнь исцеляется разными сна-добьями, но украшенная браслетами красавица сама является лекарством против недуга, порождаемого ею.

1103. Разве небеса логосского Вишну даруют та-кое же блаженство, как сладкий сон в объятиях нежных рук любимой тобою?

1104. Где обрела она этот диковинный огонь, кото-рый жжет при удалении от него и охлаждает при при-ближении?

1105. Объятия нежных рук красавицы, чьи локоны увиты цветами, словно даруют мне все, чего бы я ни возжелал.

1106. Плечи моей простодушной красавицы сотканы из самой амброзии: при каждом прикосновении к ним жизнь вновь возгорается во мне.

1107. Обнимать красавицу мне так же сладостно, как хозяйину дома угощать яствами других, сидя у себя за столом.

1108. Обоим влюбленным сладко то слияние тел, ко-торое не разъединяет даже воздух.

1109. Ссора, примирение и любовные объятия — все это благо обуреваемых страстью.

1110. Подобно тому как познавая, мы всякий раз чувствуем свое невежество, так при каждом объятии украшенной браслетами красавицы я испытываю новое наслаждение.

Глава 112. УПОЕНИЕ КРАСОТОЙ

1111. Пышно цветы, аниччам, ты так нежен, но лю-бимая еще нежнее.

1112. О мое сердце, ты зарделось от смущения, уви-дев цветы и подумав, что глаза ее похожи на цветы, созерцаемые многими.

1113. Плечи ее—нежный бамбук, тело точно молодой листок, зубы словно жемчужины, от нее исходит аро-мат, подобный сладкому меду, и подведенные сурьюмо глаза ранят сильнее острого копья.

1114. Стоит логосу увидеть ее лик, он поникнет к не-поднимет свой взор, говоря себе, что не может срав-ниться с глазами украшенной жемчугом красавицы.

*1115. Барабаны станут печально бить, оплакивая сломанную талию красавицы, украсившей себя цветком аниччам и не отломившей стебля.

1116. Звезды сойдут со своих мест на небе, не раз-личая, где луна и где лик красавицы.

1117. Разве на лице красавицы есть изъян, как на лике сверкающей луны, восполняющей свой недавний ущерб?

1118. Сверкай, луна, и стань моей возлюбленной, если ты только способна излучать свет, подобный сиянию лица красавицы.

1119. Не восходи, луна, на небо всем напоказ, если хочешь сравниться своим ликом с красавицей, укра-шенной глазами, превосходящими нежные цветы.

1120. Нежный цветок аниччам и мягкое лебединое перо в сравнении с ножками моей любимой будут ка-заться плодами терновника.

*Глава 113. ВОСХВАЛЕНИЕ ЧАР ЛЮБИМОЙ

1121. Слона сладковозучной красавицы, что просту-пает сквозь жемчужно-белые зубы, — словно молоко, смешанное с медом.

1122. Поистине любовь между красавицей и мною подобна привязанности между телом и душой.

1123. О, удались же прочь, зрачок моего глаза. Дру-того места нет, чтоб приютить у себя мою краснеобро-вую возлюбленную.

1124. Когда любимая с прекрасными браслетами пе-редо мною, она как жизнь душе. Но стоит ей уйти, и словно нависает надо мною смерть.

1125. Забыв, я вспомнил бы, наверно, чары люби-мой, чьи глаза такие блестящие и воинственные. Но, увы, я не могу забыть.

1126. Мой любимый так строен и тонок: когда он в моих глазах, то не уходит, и если я моргаю, то вовсе не причиняю ему боли.

*1127. Мой любимый стоит в моих глазах, и, зная, что он может исчезнуть, я не стану подводить сурьюмоу глаз.

1128. Мой любимый живет в моем сердце, и я боюсь пить что-нибудь горячее, чтобы не обжечь его.

1129. Я знаю, если сомкну глаза, то он исчезнет. Не ведая того, люди в селении говорят: она не спит, оттого что он ее не любит.

1130. Радуясь, он безвыходно живет в моем сердце. Но глупые соседи говорят, будто он покинул меня и живет, не любя меня.

*Глава 114. ПОТЕРЯ СТЫДЛИВОСТИ

*1131. Терзаемым страстью к возлюбленной. единственное спасение «пальмировый конь». Другого исхода нет.

1132. Тело мое и душа испытывают нестерпимые страдания. Потеряв стыдливость, но продолжая жить, они взбираются на «пальмирового коня».

1133. Прежде я ведал и стыд, и достоинство мужчин. Но теперь мне лишь ведом «пальмировый конь», несущий обезумевшего от страсти.

1134. Свиристый неистовый поток любовного отчаяния уносит прочь судно мужского достоинства и стыдливости.

1135. Украшенная гирляндой тонких браслетов подарила мне вместе с «пальмировым конем» терзания, нестерпимые по вечерам.

1136. И в глубокую полночь я буду сидеть на «пальмировом коне»! Мои очи не могут смежаться, тоскуя по любимой.

1137. Нет ничего выше достоинства красавицы, которая не сядет на «пальмирового коня», даже если ее терзает страсть любви, огромная как океан.

1138. Моя любовь, не признавая скромности и не ведая милосердия к себе, становится явной, разрывая плечу тайны.

1139. Считая, что никто обо мне не знает, моя любовь дерзнула выйти наружу и кружиться по улице.

1140. Невежды в селении посмеются надо мною, так что я увижу это воочию: ведь они не выстрадали тех мук, что терзают меня.

1141. Видя, что о моей любви идет молва, моя немумирающая душа вновь оживает. К счастью, многие в селении не ведают того.

1142. В селении из уст в уста передается молва, не понимающая дивной прелести моей любимой, глаза которой точь-в-точь похожи на цветы.

1143. И фразе не отраднa мне молва, известная всему селению? Отраднa, словно бы обрел я ту, которую не получил.

1144. Молвою вращивается моя любовь. Не будь ее, страсть моя потеряла бы свой жар и угасла.

1145. И всякий раз, когда молва о моей любви передается из уст в уста, во мне растет радость любви.

*1146. Нас видели вдвоем всего лишь день, но молва идет такая, как если бы демон поглотил луну.

1147. Мои муки растут: молва в селении для них как бы удобрение, а нареканья матери — вода.

1148. Думая, что они загасят страсть слухами о ней, — походит на желание загасить пламя маслом.

1149. Если покинул меня, осрамив перед всеми, любимый, что говорил: «Не страшись, я не оставлю тебя», то неужели я могу стыдиться молвы?

1150. Селенье разносло молву, которую я пожелала. И мой любимый подарит мне любовь, если пожелает.

*Глава 116. НЕСТЕРПИМЫЕ ТЕРЗАНИЯ РАЗЛУКИ

1151. Утешь меня словами, что ты не покидаешь меня. Но если оставишь, то о своем скором возвращении возвести уж тем, кто переживет разлуку.

1152. Один лишь взгляд его, бывало, наполнял меня блаженством, а ныне даже жаркие объятия вызывают во мне боль — так пугает меня близкая разлука.

1153. Можно ли верить клятвам возлюбленного? Ведь уже гнездится в его сердце мысль о разлуке!

1154. Если любимый, говоривший мне прежде в утешение: «Не пугайся, я не оставлю тебя», теперь покинул меня, то чем же виновата я, поверившая его уверениям?

*1155. Если ты хочешь счастья меня, устрой так, чтобы дарованный мне судьбою муж не покидал меня. Если он все-таки уедет, едва ли я перенесу разлуку и доживу до встречи с ним.

1156. Если он так жесток, что убивает меня словами о разлуке, как я могу питать надежду на его милосердие и возвращение?

1157. И разве браслеты, что спали с запястий моих похудевших рук, не предвещают скорой разлуки с владелькой моего сердца?

1158. Горько жить в селении без близких, но много горше расставаться с любимым.

1159. Разве огонь, что сжигает лишь прикосновением, способен жечь, подобно любовной страсти, когда возлюбленный вдали?

1160. Я поистине дивлюсь, как много живет людей, превозмогши с великой мукой боль любовной страсти и перенеся разлуку! Я ж не в силах.

*Глава 117. НАДРЫВНЫЙ ПЛАЧ В РАЗЛУКЕ

1161. Я силюсь скрыть от глаз других мою нестерпимую боль. Но от этого она становится лишь обильнее, подобно тому как бьет ключом вода на тех, кто очихает родник.

1162. Я не в силах скрыть своих мук, но меня охватывает стыд при одной мысли открыть свой страдания любимому, что причинил их.

*1163. В глубине моего тела, которое не может перенести разлуку, уравниваются кадэи моей жизни страсть и стыдливость.

1164. Престо мною разлито море страсти к любимому, но, увы, не найти мне надежного судна, чтобы переплыть это море.

1165. О, на что он горазд в ненависти, если способен принести такие страдания в любви!

1166. Любовь приносит безбрежный и бездонный океан счастья, но когда тебя сжигает разлука с любимым, то муки много больше и глубже.

1167. Меня окружил бурный поток любовного же-

лания, я не вижу берега. И даже в полночь я совсем одна.

1168. Глубокая ночь, лаская, убаюкивает все живые души. Лишь со мной нет рядом любимого, который бы утешил меня.

1169. Ночи во времена разлуки тянутся так долго! Они куда более жестоки, чем жестокость моего жестокого возлюбленного.

1170. Если бы мои глаза могли, подобно сердцу, следовать туда, где сейчас мой любимый, им не пришлось бы, право, переплывать этот поток слез.

*Глава 118. ТЕРЗАНИЯ ГЛАЗ В ТОМЛЕНИИ

1171. Ведь любимого, эту нестерпимую боль, увидела я, когда мои очи взглянули на него. И отчего те же самые глаза теперь льют слезы?

1172. О глаза мои с темным отливом, что впились тогда в любимого, страстно порываясь к нему и не разгадав, как жесток он! Что пользы, если теперь вы так страдаете от боли, не чувствуя истинно моей любви?

1173. Мои очи, что впились в тот день в любимого, ныне сами же плачут. В этом есть что-то достойное печальной ушмешки.

1174. Мои темные, подведенные сурьюю глаза, что больше не в силах плакать, высохли от слез, не могут долее жить, взвалив на меня неуголимую боль.

1175. Терзаются невыносимым страданием и не смежают свои очи, что принесли мне боль любовной тоски, глубину которой несравнима с глубиной моря.

1176. О диво! Войстину отраднo, что глаза, мне причинившие такую боль, теперь же сами погружены в нее и ею же терзаются.

1177. О, пусть теперь страдают, пусть страдают те очи, что уэрили его и воспылали желанием любви, горя нетерпением и наполнив нежностью сердце! О, пусть иссохнут слезы внутри глаз!

1178. Увы, прежде любивший меня теперь живет, не проявляя обо мне заботы. А моим глазам, не видящим его, неведом покой.

1179. Любимый не возвратится — они не сомкнутся,

вернется он — они тоже не сомкнутся, эти глаза, что испытывают глубокое потрясение.

1180. Соседам в селении едва ли трудно разгадать тайну людей с глазами, как у меня, что разглашают бо-ем барабана переживания любви.

*Глава 119. ТЕРЗАНИЯ ПРИ ВИДЕ ЖЕЛТИЗНЫ, ПОРОЖДЕННОЙ РАЗЛУКОЙ

1181. Я сама согласилась, чтобы любимый уехал. Кому же другому пожалуюсь я на то, что пожелтела в разлуке?

1182. Рожденная разлукой желтизна, гордясь, что дарована мне самим супругом, взошла на мое тело и покрыла его сплошь.

1183. Любимый мой забрал у меня красоту и стыдливость, вернув взамен страдания любви и эту желтизну, рожденную разлукой.

1184. Я только и думаю о нем! И говорю лишь о его достоинствах! И не обман ли эта желтизна, рожденная разлукой? А может, это что-нибудь другое?

1185. Смотри, подруга, только что уехал мой любимый — и по телу моему уж скачет желтизна разлуки.

1186. Точно так же как тьма ожидает помрачения света, мертвенная желтизна ждет не дожидается, когда мой любимый супруг выпустит меня из своих объятий.

1187. Я лежу в его объятиях, и стоит лишь мне чуть повернуться на бок, как в то же мгновение мертвенная желтизна разлуки словно набрасывается на меня.

1188. Другие укоряют меня, что я поддалась желтизне отчаяния, но никто не говорит, что ведь это он прежде покинул меня.

*1189. Если мой любимый, вырвавший у меня согласие на разлуку, прекрасно чувствует себя благодаря моим страданиям, о, пусть тогда иссохнет мое тело в мертвенной желтизне, страдая, как сейчас!

*1190. Если соседи не упрекнул в жестокости оставшего меня любимого, что вырвал у меня согласие на разлуку, то, право, сладостна молва о моей смертельной желтизне.

*Глава 120. НЕСТЕРПИМЫЕ СТРАДАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА

*1191. Лишь любимым любимыми ими суждено вкушать сладкий, не ведающий косточек плод любви.

1192. Подобно тому как облака ниспосылают влагу живущим в чайни дождя, так благодать любви даруема любящими любящим их.

1193. Торжествующая гордость, возглашающая о своей счастливой жизни, к лицу лишь наслаждающимся любовью любимах ими.

1194. Не любимые любимыми ими, даже пусть и любимые другими, чужды расположения счастливой судьбы.

1195. Какое благо дарует нам забирающий нашу любовь, если сам он не знает любви?

1196. Любовь приносит горечь, если люблю я одна. Любовь дарует блаженство, когда она уравновешена, подобно кавади, чувствами обоих возлюбленных.

1197. Неужели Кама, что нашел себе обитель во мне одной, не видит ни мук моих, ни стенаний?

1198. Нет в мире более отважных сердцем, нежели влюбленные женщины, что продолжают жить, не слыша сладких слов от любимых ими.

1199. Даже если любимый не дарует мне любви, слуху моему отрадна каждая весть от него!

1200. О, уцелей, живи, мое сердце! Ты поведешь испытанные тобою муки не знающему таких страданий. Ты сможешь скорее вычерпать бушующее море.

Глава 121. РЫДАНИЯ ВСПОМИНАЮЩЕЙ ПРОШЛОЕ

1201. Любовь сладостнее вина. Ибо даже встоминая прежние объятия, я чувствую безбрежное великое наслаждение.

1202. Любовный жар, как мал бы ни был он, поистине так сладок! Мне стоит вспомнить моего любимого, как боль моя внезапно угасает.

*1203. Он, кажется, собрался подумать обо мне, но не подумал. У меня появилось желание чихнуть и вот пропало.

1204. Он неотступно каждый миг живет в моем сердце. Неужели я живу в его душе? Нет.

1205. Он взял меня узницей его сердца и не выпустит. Но неужели же ему не стыдно, что он вторгся в мое сердце и не выходит?

1206. Я живу лишь воспоминанием о тех днях, что была неразлучна с моим любимым. Увы, разве могла бы я жить иначе?

1207. Я не могу забыть любимого на миг, и даже воспоминание жжет огнем мое сердце. Горе мне! Чем стала бы я, забыв его?

1208. Хотя я столько думаю о нем, он все не злится. Разве это само по себе не милость, что дарует мне мой супруг?

1209. Когда я погружаюсь в мысли о скупости любви в моем супруге, что утешал меня словами «Мы неразлучны с тобой», то сладкая моя душа исторгает предсмертный стон.

1210. О луна, не заходи! Свети, чтоб видела я вочно покинувшего меня, но не ушедшего из моего сердца.

Глава 122. РАССКАЗ О ВИДЕННОМ ВО СНЕ

1211. С каким радушием приму я у себя в гостях тот сон, что пришел ко мне вместе с посланием от моего любимого?

1212. О, если смежятся веки, внимая моей мольбе, во сне я поведаю любимому, в чьих объятиях я познала блаженство, как я смогла выжить в разлуке.

1213. Моя душа живет созерцанием во сне любимого, что не удостаивает меня любви наяву.

1214. Во сне мне страсть приносит утоление, даруя после исканий возлюбленного, что неласков со мной среди бела дня.

1215. О, так сладки минуты, когда я вижу любимого во сне, словно видишь его воочию и въявь.

1216. Увы, когда бы не было горести, называемой пробуждением, мой любимый, что ласкает меня во сне, не покидал бы меня.

1217. Зачем терзать меня во сне жестокому люб-

мому, что не удостаивает меня любви, когда я бодрствую?

1218. Когда приходит сон, он сжимает меня в своих объятиях, но стоит мне открыть глаза, как он тут же прячется в моем сердце.

1219. Женщины, которым не выпадает счастья видеть своих возлюбленных во сне, осыпают их упреками за то, что они не одаривают любовью наяву.

1220. В селении идет молва, что мой любимый покинул меня на глазах у всех. Но разве могут они видеть его во сне?

*Глава 123. СЛЕЗЫ С ПРИБЛИЖЕНИЕМ ВЕЧЕРА

1221. Да сойдем на вас благодать, сумерки! Кто назвал вас вечером? Нет, вы те часы, что поглощают жизнь разлученных супругов.

1222. О сумрачная ночь, ты подавлена грустью. Разве твой милый так же жесток, как и мой любимый?

1223. Роняя росу, приходит полный грусти вечер, внушая отвлечение к жизни и возвращая терзания разлуки.

1224. Когда со мною нет любимого, то вечер подступает словно палач, идущий к месту казни.

*1225. Какое благо даровала я утренним часам? И какую обиду нанесла я вечеру?

1226. В те вечера, когда мой возлюбленный супруг был рядом и не покидал меня, я все и не ведала, что сумерки рождают такие страдания.

1227. Боль по любимому распускает бутоны по утрам, раскрывает лепестки днем и пышно цветет по вечерам.

1228. Свирель возвращающегося пастуха — вестник огнедышащего вечера — вонзается в меня, словно смертельный кинжал.

1229. Когда тьма расстилает свое покрывало, затуманная мой разум, все селение, подобно мне, погружается в сумерки и неистовствуют терзания разлуки.

1230. В этот вечер, обволакивающий тьмой, моя нетленная душа превращается в прах, думая о любимом, что покинул меня, возжелав искать богатств.

*Глава 124. УПРАТА КРАСОТЫ ТЕЛА

*1231. В думках о любимом, что отправился вдаль, оставив мне терзания печали, мои глаза стыдятся взглянуть на благоухающий лотос.

1232. Поблекнув в разлуке, мой глаза льют слезы, словно жалуясь, что мой любимый не одарил меня любовью.

1233. Мои исхудалые руки, полные в день нашей свадьбы, как будто громко возвещают всем о нашей разлуке.

1234. Мои руки, прежняя красота которых высохла в разлуке с любимым, теряют полную и роняют свои прекрасные браслеты.

1235. Мои плечи, прежняя красота которых поблекла, вместе с падающими браслетами как будто возвещают о жестокости моего любимого.

1236. Слова других, что утрекают моего любимого в жестокости, несут мне боль, и я страдаю, браня свои худеющие руки вместе с падающими браслетами.

1237. О мое сердце! Обретешь ли ты славу, возвестив моему жестокому другу громкую молву о моих иссохших руках?

1238. Мне стоило разжать лишь руки, которыми я обнимал ее, как покрывался бледностью лоб моей протодушной красавицы, украшенной дивными браслетами.

1239. Достаточно свежему ветру разъединить на миг нани тела, слившиеся в объятии, как больше и полные прохлады глаза моей возлюбленной заволакиваются печалью в предчувствии разлуки.

1240. Неужели и глаза, померкнув, повергнуты в отчаяние при виде желтзны некогда сиявшего лба?

*Глава 125. БЕСЕДА С СЕРДЦЕМ

1241. О сердце, погрузись в думы и поведай мне бое лекарство, спасающее от нестерпимой боли отчаяния.

1242. Да будет благо тебе, мое сердце! Твои страда-

ния по нему — безрассудная глупость, ведь он не знает любви к нам.

1243. Что пользы, сердце, сидеть со мною, думать о нем и страдать? Ни страданий, ни воспоминаний нет в любимом, что нанес нам разлукой такую боль.

1244. О мое сердце, ты уходишь к нему, так возьми и глаза. В жажде увидеть его они пожирают меня.

1245. Пусть даже он не желает любить нас, когда мы жаждем любви, разве мы можем, о сердце, махнуть рукой на нашего любимого, считая, что он ненавидит нас?

1246. Если ты зришь, о сердце, моего любимого, что умеет своими объятиями рассеять обиды, то не чувствуйшь досады. Зачем ты напускаешь на себя притворное негодование?

1247. Либо оставь любовные терзания, о сердце, либо отбрось стыд. Я, право, более не в силах сносить оба эти чувства вместе.

1248. О мое сердце, ты глупо! Вздыхая в тоске, что он, полный любви, не дал нам того, что мы просили, ты тянешься вслед за жестоко покинувшим нас.

1249. Сердце, если ты знаешь, что наш любимый живет в самом тебе, к кому же ты идешь, ища его?

1250. Хотя мы и храним в сердце любимого, что покинул нас и теперь так далеко, мы все больше теряем свою красоту.

*Глава 126. ПОТЕРЯ СДЕРЖАННОСТИ

1251. Топор любовной страсти крушит дверь величавой сдержанности, на которую навешен засов стыдливости.

1252. То, что мир называет любовным желанием, лишено глаз и безжалостно давит на мое сердце даже в глухую полночь.

1253. Ведь я тшусь подавить и скрыть любовную страсть, но, увы, она прорывается, подобно чиху, даже не предостерегиши меня.

1254. Я хвалюсь перед собой, что сдержанность возмет верх во мне, но, увы, страсть, преодолев мои условия, вырывается наружу.

1255. Величавое достоинство, не позволяющее устремляться вслед за любимым, презирающим тебя, есть нечто неведомое подверженным недугу любовной страсти.

1256. О я, несчастная, что за печаль меня обуревает от желания идти вслед за презирающим меня.

1257. Если любимый, дававший мне блаженство свою страстью, поступит, как того желаю я, я позабуду то, что называется стыдом и сдержанностью.

1258. Разве кроткие слова любимого мною плута, знающего тьму ухищрений, — это не меч, что уничтожает женскую стыдливость?

1259. Я бросилась к нему, желая показать свою любовь, но, оказываясь, я шрильнула к нему, увидев, как слились в объятии наши сердца.

1260. Есть женщины, сердце которых тает перед любимым, подобно салу в огне. Разве в состоянии они сказать: «Я встану пред ним во гневе»?

*Глава 127. НЕСТЕРПИМАЯ ТОСКА ПО ЛЮБИМОМУ

1261. В ожидании любимого глаза мои потеряли блеск и зовутся теперь пустыней. И пальцы мои стерлись, и зовутся на стене дни, что прошли с его отъезда.

1262. Если я забуду его теперь, моя подруга со сверкающими браслетами, то спадут с моих запястий браслеты и исчезнет красота похудевших рук.

1263. Я живу теперь ожиданием возвращения любимого, что ушел с твердой надеждой, охваченный желанием успехов.

1264. Мое сердце пыгается вскарабкаться по веткам дерева, полное желания встретить возвращение любимого, что лишил меня наслаждений наших тесных объятий.

1265. О как бы мне увидеть своими глазами моего любимого! Желтизна моих рук исчезнет, стоит лишь мне посмотреть на него.

1266. Пусть явится мой суженый однажды, и я прильну к нему, чтобы угасла моя нестерпимая боль.

1267. Если явится мой нареченный, дорогой мне, как

око, то броситься ли мне к нему, изобразить ли себя разгневанной, или насладиться объятием наших тел?

1268. Пусть властелин начнет сражение и одержит победу, и, вернувшись к жене, мы устроим вечером пир.

1269. День тянется как целых семь для томящейся в любви и жаждающей дня, когда вернется уехавший в далекие края любимый.

1270. В то время как сердце уже разбито, что пользы ждать его возвращения? Что пользы во встрече с ним? Что пользы в его объятиях?

*Глава 128. УМЕНИЕ ПОНИМАТЬ ССКРОВЕННЫЕ ЖЕЛАНИЯ

1271. Хоть ты и хочешь скрыть, но это невозможно. Из твоих подведенных сурьюмою глаз исходит невысказанное слово.

1272. Велики чары женственности у моей невинной супруги, руки которой прекрасны, словно бамбук, и чья красота затмевает мне глаза.

1273. Подобно тому как сверкает нить, продегая сквозь жемчужины, так в красоте моей любимой проступает желание любить.

1274. В сдержанной улыбке простодушной красавицы таится желание любить, как благоуханье — в готовой распуститься почке.

1275. Наигранное лукавство, разыгрываемое красавицей, чьи руки сжаты браслетами, содержит в себе лекарство, что разгоняет во мне нестерпимую боль страсти.

*1276. Своими объятиями, порождающими великое желание, он намерен скрыть, что не любит и покинет меня после этой едва перенесенной мною разлуки.

*1277. Мои браслеты, спав с запястий, узнали раньше меня самой о жестокости покидающего меня любимого, владыки дивного, дающего прохладу побережья.

*1278. Мой любимый покинул меня лишь вчера, а теперь мое пожелтело, и я сама постарела на семь дней.

1279. Она поглядела на свои браслеты, посмотрела на свои нежные руки, поглядела на ножки, — в этом и был весь ее ответ.

1280. Говорят, что сильнейшие чары женственности — выражать глазами страдания любовной тоски и молить любимого не покидать ее.

***Глава 129. СТРАСТНОЕ ЖЕЛАНИЕ
ЛЮБОВНЫХ ОБЪЯТИЙ**

1281. Опьянение при одной мысли и буйная радость при созерцании не порождаются вином, но даются в любви.

1282. Если страсть, переливаясь от полноты, приходит прормальной, как величаявая палема, не нужно мне литьать обиду даже величиною в крохотное семья лпроса.

1283. Пусть даже он и делает, что хочет, не потворствуя моим желаньям, глаза мои чужды покоя, не видя любимого.

1284. Я было полетела к нему с обидой, милая подруга, но мое сердце, запамятавав о том, устремилось в объятия к нему.

1285. Подобно тому как глаз не видит кисточки, когда я ею навожу на ресницы сурьму, так, созерцая моего любимого, я вовсе не вижу в нем вины.

1286. Стоит мне посмотреть на него, и я не вижу ничего достойного укорины. Но когда он не со мною, не вижу ничего другого, кроме его вины.

1287. Я погружаюсь в обиду, зная тщетность этого, точно так же как бросается в стремнину сильющийся лерплывать ее, зная, что поток понесет его с собой.

1288. О соблазняющая меня возлюбленная! Твоя грудь для меня такая же отрада, как вино для пьяницы, которое причиняет ему страдания, достойные бесчестья.

1289. Любовные объятия нежнее аромата цветка, и лишь немногие в этом мире знают истинную их сладость.

1290. Она смотрела со злой обидой в глазах, но лишь я подошел, она вздрогнула и бросилась ко мне, желая моих объятий больше, чем я сам.

***Глава 130. НЕДОВОЛЬСТВО СЕРДЦЕМ**

1291. О мое сердце! Даже видя, что его сердце полно лишь им самим, почему же не принадлежишь мне одной?

1292. Даже видя, что я супругу совсем чужая, ты, мое сердце, стремишься к нему, уповая, что он полюбит меня.

1293. Не возглашая ли истину, что у погибших нет друзей, ты, мое сердце, уходишь вслед за ним, уголяя свое желание?

1294. Если ты, о сердце, затев ссору с любимым, не испытываешь в том наслаждения, кто же будет впрещь обращаться за советом к тебе?

1295. Если нет его, ты полно страха, если он рядом, ты боишься разлуки. О мое сердце, ты обречено на бесконечные страдания!

1296. Когда я, оставшись одна-одинокая, думаю о жестокосердди любимого, сердце живет только тем, что терзает меня.

1297. Я забыла стыдливость, оттого что не забывает любимого мое глупое и чуждое величия сердце, которому я покорилась.

1298. Жизнелюбивое сердце только и думает о его добродетелях, уверовав, что оскорбление любимому будет позором нам самим.

1299. Кто станет поддержкой мне в горести, если мое же сердце не желает облегчить мне боли.

1300. Если мое собственное сердце совсем мне чужое, то диво ли, что чуждому нет заботы обо мне?

***Глава 131. ПРИТВОРНАЯ ДОСАДА**

1301. При встрече с ним не обнимай его, изобрази притворную досаду; посмотрим хоть немножко, какою болью терзается он.

1302. В любви притворная досада подобна соли в лице. Разыгрывать ее даже толку более нужного — все равно что положить в еду слишком много соли.

1303. Не обнимать любимую, притворно на тебя сер-

дтию, — все равно что подвергать вновь терзаниям перенесшего страдания.

1304. Не утешать объяснениями любимую, что наигранно дуется на тебя, — все равно что подрезать с корнем чуть тронутую увяданием повилку.

1305. Притворная досада любимой, глаза когорой подобны нежному цветку, составляет очарование для обладающих незапятнанным достоинством.

1306. Если бы не было ни короткой наигранной досады, ни заткнутой разлуки, страсть была б похожа на переспелый или незрелый плод.

1307. Наигранная досада рождает одну большую боль: я мучаю себя вопросом, неужели оттянется на долго минута долгожданного объятия?

1308. Какая, право, польза от страданий, если не знаешь, что и любимый страдает, если бы не было любимого, знающего мою боль?

1309. И вода наполняет отрадой лишь в тени, и притворная досада сладостна любящим.

1310. Лишь вождление заставляет мое сердце шептать: я сольюсь в объятии с не ласкающей меня и обуреваемой притворной досадой.

Глава 132. ВЕРШИНА РЕВНОСТИ

1311. Всякая в образе женщины пожирает тебя своими глазами. Я не подойду близко к твоей груди, пленник блудниц.

1312. Сердитая на него, я сидела, как вдруг он нарочно чихнул, зная, что я пожелаю ему: «Живи долгие лета!»

1313. Даже если я воткну цветок в волосы, она загорается ревностью, упрекая меня, что я наряжаюсь для какой-нибудь красавицы.

1314. Стоило мне сказать: «Я люблю тебя больше, чем кого-либо», как она вспыхнула от гнева: «Чем больше же, кого же все-таки?»

1315. Я сказал, что не расстанусь с ней в этом рожденьи, а из глаз ее полился поток слез.

1316. Только я сказал, что вспомнил ее в разлуке, как она надулась и перестала обнимать меня, говоря: «Так ты забыл меня?»

1317. Я чихнул, и она пожелала мне долгие лета, как вдруг переменялась в лице и зарыдала, спрашивая: «Кто думает о тебе, почему ты чихаешь?»

1318. Когда я подавил в себе желание чихнуть, она заплакала: «Ты хотел скрыть от меня, что твои красавицы думают о тебе?»

1319. Даже когда я приласкал ее, пытаюсь утешить, она разгневалась: «С другими ты тоже такой?»

1320. Даже когда я задумчиво сижу и наслаждаюсь созерцанием ее красоты, она вспыхивает от ревности: «С кем ты сравнивал, о ком ты думал, поглядывая на меня?»

*Глава 133. НАСЛАЖДЕНИЕ, ПОРОЖДАЕМОЕ НАИГРАННОЙ ОБИДОЙ

1321. Пусть он и не виноват, но мне стоит разыгрывать притворную обиду, дабы он даровал мне благодать любви.

1322. Из-за моей притворной досады рождается недолгая боль, и если даже его благодатная любовь увяла на миг, то снова пышно зацветает.

1323. Дарует ли мир небожителей большую отраду, чем притворная обида возлюбленных, слившихся друг с другом, как земля и бегущая по ней вода.

1324. В непрестанной наигранной обиде после каждого объятия таится тот жинжал, что пронзает мое сердце.

1325. Пусть даже в ней и нет вины, но выпустить из объятий нежные плечи любимых нами — великая слабость.

1326. Усвоить съеденное приятнее самой еды, и сосоры влюбленных сладостней страстного любовного объятия.

1327. Признавший себя побежденным в любовной ссоре — поистине победитель, и это, наверное, будет видно в минуту сладкого соединения.

1328. О, испытая ли я после этой ссоры ту сладость, что дарует мне объятие с нею, когда лицо ее покрывается росинками испарины?

1329. Пусть сердитесь притворно моя любимая, укра-

шенная жемчугом, пусть тянется эта ночь, дабы я мог ее ласкать и утешать.

1330. Притворная обида приносит радость любознательным объятьям. И притворной досаде даруют радость страстные объятья возлюбленных.

КОММЕНТАРИИ

(составлены Ю. Глазовым)

Глава 1

1. Все тамильские произведения начинаются со вступления, рау-грам, которое здесь состоит из четырех первых глав. Атракавал выражает идею рода, тогда как Караву — бог, божество — означает безличное существо.
3. «Пребывающий в лотосе сердца» — эпитет бога.
4. Страдания рождения могут быть трех видов: а) страдания от себя самого, б) страдания от других, в) страдания от кармы.
5. В индуизме имеется несколько концепций действия. Одна из них рассматривает любое действие как зло. Согласно другой концепции, любое действие приносит и добро, и зло.
6. Согласно индуистским учениям, идеальное существо достигает совершенства и спокойствия подавлением желаний всех пяти чувств: зрения, слуха, обоняния, осязания и вкуса.
8. Тируваллувар как всякий индуст считает душу бессмертной, а жизнь — пребывающей в бесконечной цепи перерождений и перевоплощений.
9. Согласно комментаторам, восемь совершенств—это: 1) самобытие, 2) врожденная чистота, 3) совершенная мудрость, 4) бесконечное знание, 5) совершенная свобода от всяких привязанностей, 6) бесконечное милосердие, 7) всемогущество и 8) бесконечное наслаждение.

Глава 2

17. Согласно индуистским представлениям, жемчуг и живые существа в море появляются благодаря дождю. С другой стороны, само же море насыщает облака своей влагой.

18—20. Комментаторы указывают, что дождь является необходимым условием существования добродетели (agam), богатства (ragi) и любви (ubam).

Глава 3

25. Предание рассказывает, что бог Индра воспысал страстью к жене риши Гаутама. Воспользовавшись тем, что Гаутама вышел из дому для омовения, Индра принял его облик, явился к его жене и овладел ею. Внезапно возвратившийся Гаутама проклял Индру, и тело могущественного бога покрылось множеством женских половых органов.

29. Возможен и другой перевод: «Гнев взопевших на вершину добродетели не может длиться и мгновения».

Глава 4

«Агам» является тамильским эквивалентом санскритского слова «дхарма». Дхарма означает добродетель. Дхарма может выражать также понятия индивидуального долга, справедливости, милосердия, а также означает и божиню дхармы.

31. Истинные мудрецы ищут богатства дхармы, материальное богатство — не есть предмет их желаний. Вместе с тем следование стезей дхармы дарует желающим и богатство в общепринятом смысле.

36. Согласно индуистским представлениям, следование дхарме порождает «благую карму», проявляющуюся в следующем рождении души.

37. Это двуступище вызывало различные толкования. Например, К. Бесхи интерпретирует его следующим образом: «Не думайте, что путь дхармы подобен несущим паланкин до вашего смертного часа и оставляющим вас там». Он же считает, что можно дать следующее толкование: «Не сомневайтесь в пути дхармы: точно так же как несущие паланкин не оставляют сидящего в нем, так дхарма — незаменимый спутник добродетельного».

Наша интерпретация сводится к тому, что дурные поступки в прошлом превращаются в тяжкое бремя, которое приходится нести, тогда как добрые поступки сами поддерживают и несут совершившего их.

38. Цель перерождений бесконечна, и истинный мудрец, согласно индуистским учениям, стремится, следуя дхарме, достичь освобождения души в этом рождении и этим закрыть путь к будущим перерождениям.

Глава 5

Этой главой открывается раздел, состоящий из 20 глав и посвященный семейной жизни.

41. Согласно «Дхармашастрам», помимо gṛhasṭha — «ведущий семейную жизнь», есть еще brahmacāri — «давший обет целомудрия, учащийся», valarṣasṭha — «отшельник, живущий в лесу и предающийся религиозному покаянию» и saṃnyāsi — «отшельник, полностью отрешившийся от всех привязанностей». Джайны признают лишь две группы: ведущих семейную жизнь и отшельников. Первые помогают святым едой, лекарствами и одеждой, оберегая от голода, болезни и холода.

42. Ведущий семейную жизнь (gṛhasṭha) служит поддержкой умершим, ибо совершает похоронные обряды, в частности «окропление водой».

Глава 6

55. Двуступище отвечает требованиям традиционной индийской морали, утверждающей, что для жены излишне верить в бога, а достаточно относиться к мужу как к богу. В этом случае даже боги повинуются ей.

58—59. Двуступища находятся в полном соответствии с духом легенд о Тируваллуваре, некоторые из которых мы приведем в прецеденте.

Глава 7

62. Семь рождений, в которых, согласно индуистской концепции кармы, может пребывать душа: боги, люди, звери, птицы, пресмыкающиеся, рыбы, неподвижные существа.

63. В двуступище содержится намек на то, что дети заботятся об умерших, совершая всевозможные обряды.

Глава 8

Здесь имеется в виду любовь к жене, детям, родным и близким.

76. Двуступище интерпретируется по-разному из-за многозначности падам. Возможен перевод второй части: «она поднимает и на подвиг в сражении».

77. Мысль, заключенную в двуступиши, можно расшифровать так: любовь для души человека, стремящегося к дхарме, — то же, что позвончик для тела. Кроме благочестия, нужна и любовь. Благочестие без любви иссушает душу, делает ее черствой, же-стойкой.

Глава 9

84. Лакшми — богиня счастья и красоты, жена Вишну.
90. Аниччам — цветок недотрога из семейства мимозовых.

Глава 17

167. Мудевн, богиня несчастья.

Глава 28

271. Пять элементов тела: земля, вода, огонь, воздух, эфир.
277. Кундрн — крохотный орешек красного цвета с черным пятнышком.

Глава 29

Каппатаи — название главы — означает в равной мере запрет красть и обманывать.

Глава 33

326. Яма — бог смерти, там. Кигги, Киггап

Глава 38

Последняя глава первой книги, согласно комментаторам, стоит особняком и составляет цггуал «природу кармы» (пг — тамильский эквивалент санскритского слова «карма»).

Глава 39

Этой главой открывается роцира! — «Кинга о политике». Парисажагар делит роцира! на 3 части: агастиа! «достоинства повелителя» (гл. 39—63), айкавиуа! «достоинства советников» (гл. 64—73) огиуа! «прочие достоинства» (гл. 74—108).

389. Зонт от солнца — в южноиндийской литературе символ арского могущества.

Глава 40

Глава носит название Kalvi — «учение, изучение книг». Kalvi зелья смешивать с агиву — «знание, мудрость», ибо последнее есть результат kalvi и keivi — «умения вынагать».

392. Буквы и цифры — олицетворение знания.

Глава 56

560. Корова дает «пять священных продуктов»: молоко, сыротку, масло, навоз и мочу. Возможен и другой перевод последних слов двуступиши: «люди шести ремесел (плотники, кузнецы, каменщики, медники, строители и вязатели) забудут свое дело».

Глава 61

610. То есть получит всю землю. Тривикрама — мифический атар (воплощение) Вишну, одного из трех главных богов индуистского пантеона. Карлик Тривикрама попросил у правителя Бандать ему тот клочок земли, который он отмерит тремя шагами. Вишну дал согласие, но, к ужасу своему увидел, что Тривикрама прыгнул тремя шагами сразу три мира: землю, атмосферу и небо.

Глава 79

788. Дхоти, там. ццкка! — национальная одежда индусов.

Глава 81

808. Такой день дает возможность показать другу свою любовь вместе с забвением нанесенной обиды.

1115. Согласно бытовашему в те времена образу, талия истинной красавицы столь тонка и хрупка, что может надломиться даже под тяжестью цветка со стеблем.

Первые пять двуступный произносит герой, последние — принадлежат героине. Возлюбленные разлучены.

1127. Красавица не будет подводить сурьмою глаз, так как ей придется закрыть их и образ ее любимого исчезнет.

Первые семь двуступный приписываются герою, последние три — героине.

1131. В древнем Тамилнаде существовал следующий обычай. Разлученный со своей любимой и отчаявшийся в согласии ее родителей на брак влюбленный возводит из веток пальмового дерева особое сооружение, «пальмового коня», и садится на него. Пальмовые ветви причиняют ему невыносимую боль, тело крошечит. Все селение является свидетелем его мук. Согласно одним комментаторам, друзья несут его на этом «пальмовом коне» к дому возлюбленной через все селение и поют трогательные песни о несчастной участи влюбленного. Влюбленный подвергается насмешкам жителей селения и испытывает, таким образом, как физические страдания, так и нравственные. Родители упрекают свою дочь за то, что та осмелилась без их ведома встречаться с вошедшим на «пальмовом коне». Но делать нечего, и они дают свое согласие на их женитьбу.

Согласно другим комментаторам, влюбленный взбирается на «пальмового коня», стоящего, на виду у всего селения, держа в руке изображение своей «жестокой» возлюбленной. Он дает понять, что не покинет грезающего его «коня», если родители возлюбленной не захотят выдать дочь замуж за него. Обычай этот же сохраняется.

Первые пять двуступный принадлежат герою, последние — исходят из уст героини.

838. Тодди — опьяняющий напиток из пальмового сока.

941. Три стихии тела, согласно *Аюрведе*, средневековой индустской медицинской системе — газы, слизи и желчь.

989. Юга — мировой период в индустской мифической астрономии. Всего есть 4 юги, последняя из которых — Калиюга (которая продолжается до сих пор) началась около 5500 лет назад и закончится через 424 500 лет.

1058. Мир уподобился бы помосту с прыгающими куклами, ибо тогда не стало бы возможным проявление щедрости.

1062. *Uḷaku ūvaḷḷuḷaḷ* — сотворивший мир, создатель. По-видимому, имеется в виду Брахма, один из трех главных богов индустского пантеона.

Этой главой открывается часть, посвящаемая *kaḷavi*, или тайной любви.

1087. *Амок* — состояние слона во время течки.

Все двуступия этой главы, по-видимому, идут из уст героя.

Все двуступия этой главы написаны от имени героя.

1146. В Индии существовало поверье, что во время лунных затмений луну проглатывает демон Раху.

Глава 116

Этой главой начинается Кагри — «супружеская любовь», которой посвящены 17 заключительных глав.

Муж покидает свою молодую жену и уходит, по-видимому, в поход. Все двуступища этой главы принадлежат героине.

1155. Слова героини обращены к служанке.

Глава 117

Все слова принадлежат героине, геразующейся в разлуке с любимым. Иногда ей кажется, что его поездка не была вызвана необходимостью и что его можно вернуть, если послать вестника.

1163. Кавади — жердь носильщика в Индии, по концам которой навешивается груз равновеликой тяжести, чтобы было удобнее нести его на плече.

Глава 118

Все слова принадлежат героине, в отчаянии начинающей упрекать свои собственные глаза.

Глава 119

Все двуступища принадлежат героине. Расарри — трудное для перевода слово: «желтизна (бледность), возникающая вследствие страданий, изнуряющих тело и ум».

1184. Точно так же как молитвы отгоняют злых духов, так мысли и слова о любимом должны были бы протнать желтизну. Но она не исчезает, и у героини возникают сомнения, не является ли эта желтизна обманом.

1189. Настроение меняется: героиня желает, чтобы любимому было радостно, даже если ей придется платить за это ценой безмерных страданий.

1190. Героине больно, если в селении скажут хотя бы одно плохое слово про ее любимого. Укорять любимого в жестокости дозволено лишь ей одной.

Глава 120

Все слова по-прежнему принадлежат героине.

1191. tam viṅṅaṭ tamṅarregavaṅ — сложнейший оборот: «Желаемые теми, кого они желают сами». Выражает обуюдность любви. Этот оборот встречается несколько раз (см. 1193, 1194).

1195. Героиня считает, что в их любви нет обуюдности, что любимый взамен полученной от нее любви подарил ей огни страдания.

Глава 121

1203. В Южной Индии до сих пор быует поверье, что любимый или друг, находящийся далеко, думает о тебе в ту минуту, когда ты чихнуи.

Глава 123

Вечером муки разлученных влюбленных усиливаются. Эта глава посвящена страданиям героини.

1225. Утро приносит облегчение страданиям.

Глава 124

Первые семь двуступищ приписываются героине, последние три (1238—1240) — ее возлюбленному.

1231. В тамильской поэзии широко распространено сравнение красивых глаз с лотосом, который стыдится взглянуть в глаза красавицы от сознания своей убогости. Теперь прекрасная героиня жалуется, что ее глаза, поблекшие в разлуке, не могут взирать на цветы от сознания своей неспособности соперничать с их красотой.

Главы 125—126

Все слова принадлежат героине. Героиня неудержимо стремится к своему возлюбленному супругу, забывшая о женской стыдливости.

Глава 127

Все двустишия, кроме 1268, приписываются героине. Время вращения героя приближается.

Глава 128

Супруг возвращается. Первые пять двустиший приписываются герою (1271—1275), следующие три — героине (1276—1278) и значительные два стиха — опять герою (1279—1280). 1276—1278. Имеется в виду новая кратковременная разлука.

Глава 129

1281—1287 — исходят из уст героини.
1288—1290 — исходят из уст героя.

Глава 130

Все двустишия принадлежат героине, недовольной собственным сердцем за его мягкость и собой за забвение стыдливости.

Глава 131

1301—1302, 1308 — приписываются героине.
1305—1307, 1309—1310 — приписываются герою.

Глава 132

1311—1312 — принадлежат героине, терзаемой ревностью.
1313—1320 — принадлежат ее супругу.

Глава 133

1321—1322 — приписываются героине.
1323—1330 — принадлежат, по-видимому, герою. Возможно, что 1323, 1330 — переченя, идущие от имени самого автора.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- BT — Bibliotheca Tamilica
IA — «Indian Antiquary», Bombay.
JA — «Journal Asiatique», Paris.
CB — «Советское востоковедение», М.
Мани. — Маннмехалей
Шил. — Шихаппаликарам
E. Ariel, *Lettre*. — E. Ariel, *Lettre à M. Burnouf sur les Kural de Tiruvalluar*, — JA, XII, 1848, pp. 20—21.
A. Chakravarti, — A. Chakravarti, *Tirukkural, with English translation and commentary and an introduction*, Madras, 1953.
Graul, *Kural*. — Charles Graul, *Kural of Tiruvalluer. High-Tamil text with translation into common tamil and latin*, Leipzig, 1865.
Hooper. — J. S. M. Hooper, *Kural*, — «Christian College Magazine», Madras, 1918, april.
Krishnaswami Aiyangar, *Some contributions. — Krishnaswami Aiyangar, Some contributions of South India to Indian culture*, Calcutta, 1923.
Lazarus. — *The Kural of Tiruvalluar with the commentary of Parimelazagar and a simple and clear padavayuray to which is added an english translation of the text by J. Lazarus*, Madras, 1885.
Majumdar. — K. C. Majumdar, *An advanced history of India*, London, 1950.
Meyer. — J. J. Meyer, *Das altindische Buch vom Welt- und Staatsleben*, Leipzig, 1926.
Nilakanta Sastri, *The Cholas*. — K. A. Nilakanta Sastri, *The Cholas*, Madras, 1955.
Nilakanta Sastri, *A history*. — K. A. Nilakanta Sastri, *A history of South India*, Oxford, 1955.
Nilakanta Sastri, *Studies*. — K. A. Nilakanta Sastri, *Studies in Chola history and administration*, Madras, 1932.

- Pope, Notes. — G. U. Pope, *Notes on the Kurral of the Tamil poet Tiruvalluvar*, — IA, VII, 1878, pp. 220—224; VIII, 1879, pp. 305—309; IX, 1880, pp. 196—199; X, 1881, pp. 352—355.
- Pope, *Sacred Kurral*. — G. U. Pope, *The Sacred Kurral of Tiruvalluvar*. — Nayandir, London, 1886.
- Popley. — H. A. Popley, *The Sacred Kurral or the Tamil Veda of Tiruvalluvar*, Oxford, 1931.
- Powell-Price, *A history*. — J. C. Powell-Price, *A history of India*, London, 1955.
- M. S. Purnalingam Pillai, *The Kurral*. — M. S. Purnalingam Pillai, *The Kurral in English*, Tirunelveli, 1942.
- Ramachandra Dikshitar, *Studies*. — V. R. Ramachandra Dikshitar, *Studies in Tamil literature and history*, Madras, 1936.
- Srinivas Iyengar, *History*. — P. T. Srinivas Iyengar, *History of the Tamils*, Madras, 1929.
- V. V. Subrahmanya Aiyar. — V. V. Subrahmanya Aiyar, *The Kurral or the maxims of Tiruvalluvar*, Tiruchirappalli, South India, 1952.
- Vaiyapuri Pillai, *A history*. — S. V. Vaiyapuri Pillai, *A history of Tamil language and literature*, Madras, 1956.
- Пятигорский. — А. М. Пятигорский, [ред. на:] «Тамил илаккива вага-лагу» Салашива Пандараггара, — СВ. 1958, № 3.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	3
КНИГА ПЕРВАЯ. О ДОБРОДЕТЕЛИ	35
Глава 1. Хвала богу	35
Глава 2. Хвала дождю	36
Глава 3. О величии отрешившихся от мира	36
Глава 4. Следование дхарме	37
Глава 5. О семейной жизни	38
Глава 6. О спутнице жизни	38
Глава 7. О детях	39
Глава 8. О любви	40
Глава 9. О гостеприимстве	41
Глава 10. О ласковом слове	41
Глава 11. О благодарности	42
Глава 12. О беспристрастии	43
Глава 13. О самообладании	43
Глава 14. О добродетельном образе жизни	44
Глава 15. О неовладании женой другого	45
Глава 16. О всепрощении	46
Глава 17. О зависти	46
Глава 18. Об отсутствии жадности	47
Глава 19. О незлословии за спиной другого	48
Глава 20. О воздержании от суесловия	49
Глава 21. О боязни греховных деяний	49
Глава 22. О щедрости сердца	50
Глава 23. О даянии	51
Глава 24. О славе	51
Глава 25. О милосердии	52
Глава 26. О невкушении мяса	53
Глава 27. О тапасе	54

Глава 28.	О ханжестве	54
Глава 29.	Об избежании обмана	55
Глава 30.	О правдивости	56
Глава 31.	О незлобivosti	57
Глава 32.	О несовершении зла	57
Глава 33.	О несовершении убийства	58
Глава 34.	О суественности земного	59
Глава 35.	Об отречении от земной жизни	60
Глава 36.	О постижении истинного	60
Глава 37.	Об искоренении желаний	61
Глава 38.	О карме	62
КНИГА ВТОРАЯ. О ПОЛИТИКЕ		
Глава 39.	О величии властелина	63
Глава 40.	Об учении	64
Глава 41.	О неучености	65
Глава 42.	Об умении внимать мудрости	65
Глава 43.	О мудрости	66
Глава 44.	О побеждении пороков	67
Глава 45.	О снискании дружбы великих	68
Глава 46.	О воздержании от дружбы с низкими	69
Глава 47.	О продуманности деяний	69
Глава 48.	О познании силы	70
Глава 49.	Об умении выбрать время	71
Глава 50.	Об умении выбрать место	72
Глава 51.	О доверии к людям по испытании их	73
Глава 52.	О привлечении к службе по испытании	73
Глава 53.	О поддержании близких	74
Глава 54.	О предусмотрительности	75
Глава 55.	О справедливом правлении	76
Глава 56.	О жестоком правлении	77
Глава 57.	О несовершении деяний, наводящих страх	77
Глава 58.	О благожелательности	78
Глава 59.	Об использовании согладатаев	79
Глава 60.	О рвении	80
Глава 61.	О незнании лености	80
Глава 62.	О мужской решимости	81
Глава 63.	О бесстрашии в беде	82
Глава 64.	О советнике	83
Глава 65.	О могуществе слова	83
Глава 66.	О чистоте помыслов в действиях	84

Глава 67.	О стойкости в деяниях	85
Глава 68.	О путях свершения деяний	86
Глава 69.	О посланнике	87
Глава 70.	О близости к повелителю	88
Глава 71.	О понимании с одного взгляда	88
Глава 72.	Об умении держать себя в собрании	89
Глава 73.	О бесстрашии перед слушающими тебя	90
Глава 74.	О стране	91
Глава 75.	О крепости	92
Глава 76.	О приобретении богатства	93
Глава 77.	О величии воинства	93
Глава 78.	О гордости война	94
Глава 79.	О дружбе	95
Глава 80.	О выборе друзей	96
Глава 81.	О давней привязанности	97
Глава 82.	О дружбе, приносящей зло	98
Глава 83.	О лицемерной дружбе	98
Глава 84.	О глухости	99
Глава 85.	О дерзости невежества	100
Глава 86.	О враждебности	101
Глава 87.	О благе враждебности	102
Глава 88.	О постижении природы ненависти	102
Глава 89.	О враге внутри стана	103
Глава 90.	О неоскорблении повелителя	104
Глава 91.	О непотворстве прихотям жены	105
Глава 92.	О блудницах	106
Глава 93.	О непристрастии к вину	107
Глава 94.	Об игре в кости	107
Глава 95.	О врачевании	108
Глава 96.	О достойном рождении	109
Глава 97.	О собственном достоинстве	110
Глава 98.	О величии	111
Глава 99.	О мудрости	111
Глава 100.	О великодушии	112
Глава 101.	О богатстве, чуждом добра	113
Глава 102.	О скромности	114
Глава 103.	О деяниях на благо семьи	115
Глава 104.	О земледелии	115
Глава 105.	О нужде	116
Глава 106.	О вымалывании подаяния	117
Глава 107.	О страхе просить подаяние	118

Глава 108. О низости помыслов	119
КНИГА ТРЕТЬЯ. О ЛЮБВИ	
Глава 109. Терзания при виде божия красоты	120
Глава 110. Понимание сокровенного в сердце	121
Глава 111. Ликование в любовных объятиях	121
Глава 112. Упоение красотой	122
Глава 113. Восхваление чар любимой	123
Глава 114. Потеря стыдливости	124
Глава 115. Распространение молвы	125
Глава 116. Нестерпимые терзания разлуки	125
Глава 117. Надрывный плач в разлуке	126
Глава 118. Терзания глаз в томлении	127
Глава 119. Терзания при виде желтизны, порожденной раз- лукой	128
Глава 120. Нестерпимые страдания одиночества	129
Глава 121. Рыдания вспоминающей прошлое	129
Глава 122. Рассказ о виденном во сне	130
Глава 123. Слезы с приближением вечера	131
Глава 124. Утрата красоты тела	132
Глава 125. Беседа с сердцем	132
Глава 126. Потеря сдержанности	133
Глава 127. Нестерпимая тоска по любимому	134
Глава 128. Умение понимать сокровенные желания	135
Глава 129. Страстное желание любовных объятий	136
Глава 130. Недовольство сердцем	137
Глава 131. Притворная досада	137
Глава 132. Вершина ревности	138
Глава 133. Наслаждение, порождаемое наигранной обидой	139
Комментарии	141
Список сокращений	151